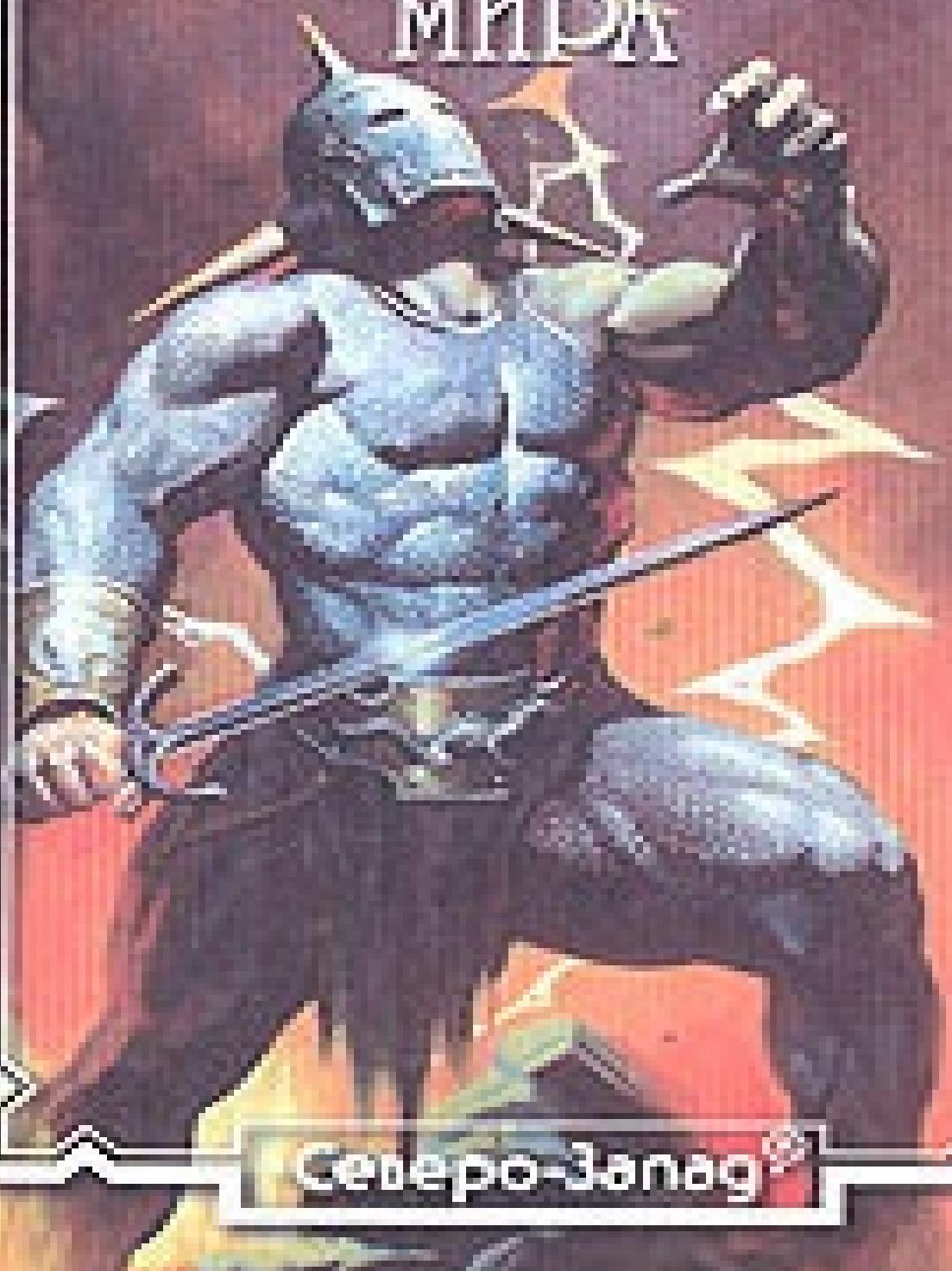

СЕВЕРНО-ЗАПАД

КОНАН И КОРОНА МИРА

Северо-Запад

Annotation

Заключительный часть дилогии А. Макдуфа «Ключи Океана» повествует о продолжении приключений Конана на Островах Блаженства, и его друзей попавших в древний город гномов, что пронизывает горы, находящиеся в сердце страны пиктов...

Будет ли подписан тройственный договор между Зингарой, Аргосом и Аквилонией, кто станет хозяином Ключей Океана и, главное, какую цену придется за это заплатить?

- [Корона мира](#)

- [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Эпилог](#)
-

Корона мира

Глава I

Обрушившийся на пущу ливень загнал путников в грот. Костер пришлось развести в центре, а люди расположились вдоль стены. Проем был довольно широк и плохо защищал от пронизывающего ветра, быстро выдувавшего из-под свода тепло, но дождь в пещерку не проникал.

Заготовленное в достатке топливо горкой сухого дерева было сложено здесь же, в пещере, недосягаемое для влаги. На углях пеклись яйца и крупная, нагулявшая жир в отсутствие хищников, рыба. Серый камень, впервые за несчетные темные годы согретый теплом огня, надменно и хитро поблескивал полированной поверхностью, являя зрителям свои загадочные фигуры и знаки.

От пиктов не прятались. «В такую непогоду дикии сидят в своих шалаших, ибо считают, что в пуще в этот час безраздельно властвуют злые духи», — авторитетно заявил Арриго. При мысли о том, что ненастье может продлиться долго, всякая охота разговаривать исчезала.

Арриго не давало покоя близкое соседство волков. Военачальник сталкивался с серыми четвероногими на охоте и большого удовольствия от этих встреч не испытывал. Волк в воображении военачальника рисовался страшным хищником, злобным, сильным, хитрым и безжалостным, готовым убивать все, что попадется на глаза, и убивающий по возможности. По крайней мере пастухи рассказывали о волках именно так.

Однажды на охоте, где принимал участие Арриго, пытались отловить для зверинца волчье семейство. Преследовали зверей специально собранные со всей Зингары егеря и загонщики с лучшей сворой матерых псов. Но изловить волков так и не удалось. Волчица и крупный матерый самец ушли, словно растаяли. Пять растерзанных собак, егеря с порванным горлом и второй егерь, жестоко искусанный, — вот и весь итог охоты. «Волк — это главная опасность для Зингары, — решили придворные. — Это даже хуже, чем Аргос». На этот раз Арриго полностью согласился с общим мнением.

Военачальник посмотрел в серую мглу и клубящийся в ущельях туман. До захода еще было время, но здесь уже стояли сумерки. И оттуда прямо на него смотрела пара горящих желтых глаз. Арриго не сразу понял, кто пришел к ним на огонек, а едва обрел дар речи, закричал так, словно вел войска в последнее решительное наступление:

— Волки!

Глаза немедленно и совершенно бесшумно исчезли, зато люди всполошились, словно куры, к которым ночью забралась лисица. Рослый Деггу забыл, что потолок довольно низок, и со всего маху ударился о гранитный свод головой. Спасла ли моряка шапка курчавых черных волос, или же череп его по крепости не уступал камню, но Деггу отделался тем, что просидел на корточках довольно долго, схватившись за голову и поминая каких-то своих богов с непроизносимыми именами.

Все схватились за мечи и горячие ветки, каждый миг ожидая атаки свирепых зверей, но мгновения текли и утекали вместе с каплями дождя, а волки все никак не нападали.

— Арриго, а тебе не померещилось? — осмелился спросить наставника Родригес-старший. — Может, это был всего лишь отблеск костра?

Арриго открыл было рот, чтобы указать молодому человеку на то, что он неопытен и плохо знает жизнь, но протяжный леденящий вой, усиленный, несмотря на дождь и туман, эхом в лабиринтах ущелий, стал лучшим ответом.

Волки по-прежнему не показывались, но теперь дремоту как рукой сняло. Моряки, особенно аргосцы и жители жаркого юга — Мегисту и Деггу, — имели о волке самое расплывчатое представление, но Арриго сравнил зверя с акулой, что оказалось на слушателей должное действие. Вообще говорил теперь в основном Арриго, потчужа остальных сведениями о волчьем нраве. Родригесы припомнили еще несколько рассказов, слышанных от своих крестьян, в которых волк представлял во всем блеске своей злости, жадности и коварства. Потом Арриго заявил, что они с Деггу так и не нашли ни единой лазейки, откуда могли бы явиться на тропу волки. Немедленно было высказано соображение, что они встретились не иначе как с оборотнями, которым должно быть раздолье в этом гиблом месте.

В конце концов в сознании у Деггу сложился образ шестилапого льва с мордой собаки, челюстью крокодила и двумя хвостами, из коих один венчался скорпионным жалом. Такого могучего зверя несомненно стоило опасаться, и Деггу молил всех известных ему богов, не исключая Митру и Сета, чтобы встреча с сим хищником, если уж таковой не миновать, произошла как можно позже.

А время шло. Вот и дождь прекратился, вот и небо разъяснилось, вот последние бледно-розовые лучи коснулись вершин, и день быстро погас. Донато терпел долго, но жажда и естественные потребности тела не внимали голосу разума. Волчий вой неоднократно тревожил людей, заставляя пристально всматриваться в скрывающую неизвестность завесу дождя и последовавшей за ним тьмы, но сами звери у входа в пещеру больше не показывались.

— Арриго, ты как хочешь, а я осквернять наш приют не стану, — прервал аргосец очередной пассаж военачальника о разнообразных мерзких тварях, подстерегающих человека в пуще на каждом шагу. — Да и пить я хочу, — прибавил моряк и решительно направился наружу, в непроглядную ночь.

— Погоди, — остановил его Бруно, вооружаясь обломком весла — Я провожу тебя.

— Ладно, — Донато недоверчиво глянул на весло. — Только на этот раз не промахнись.

Моряки вышли в безвидную неизвестность ночи, а остальные, пребывая начеку, смотрели вслед смельчакам.

Донато почти завершил отправление естественных потребностей, когда впереди на тропе послышался сухой отчетливый шорох и негромкий стук. Сомнений быть не могло — этосыпались под чьими-то шагами мелкие камни. Но кто мог бродить в столь неурочный час? Только волки!

— Волки! — воскликнули в один голос Донато и Бруно, но прерваться Донато был не в силах, и ему оставалось только ждать своей участи. Бруно, не бросив товарища, вперил в темноту испуганно-яростный взгляд. Дубинка из весла угрожающе замерла в его сильных и ловких руках.

— Если я — волк, то вы уж точно бараны, — ответил «волк» человеческим голосом.

— Оборотень! — прошептал Бруно и приготовился к смертельной схватке.

— Но соперник на сей раз оказался посерезнее. Из тьмы сгустился высокий жилистый мужчина в странном одеянии. Мелькнул сжатый кулак, и Бруно, неловко взмахнув руками, повалился навзничь, увлекая за собой Донато, коему невзначай опять угодил веслом по виску.

— Евсевий, да они тут совсем распустились! — изрек мужчина. — Дозора нет, оружие как у мужланов, орут какую-то ерунду. Волков боятся...

Мужчина потормошил испуганного до бледности Бруно.

— Бруно, это ты, что ли? Вставай! Это я, Майлдаф. Где остальные? Все живы?

Бруно только теперь осознал, что перед ним телохранитель Конана. Он сел и, ясно глядя в глаза склонившемуся над ним горцу, четко ответил:

— Все.

— Майлдаф, вот видишь, мы не зря старались, — заговорил приятный густой баритон, и из-за спины горца показался не менее высокий, но гораздо более импозантный молодой мужчина с густой, аккуратно подстриженной бородой, модной прической и правильными чертами аристократического лица. Узрев «благородного», Бруно встал, отряхнулся, как шелудивый пес, приосанился и произнес приветственное слово:

— Месьор Евсевий. Ведь это вы месьор Евсевий? Ага, а я-то все думал, что вы — это и есть месьор Евсевий. Вот как все складно. Месьор Евсевий, у нас тут... В общем, Мегисту нашел такую штуку... Ну, вроде камень. Серый. А на нем всяких... Этих самых... Букв всяких. Я-то неграмотный сам, а Мегисту — он знает. Но ничего не понял, дубина. И боцман наш тоже. То есть, не тоже дубина, но вроде того... Не понял, то есть. Вот мы и хотели, чтобы вы, месьор Евсевий, значит, поглядели. Боцман наш, Серхио, то есть, говорит, что там про золото написано. А прочесть никак. Беда, месьор Евсевий.

Вероятно, Бруно мог бы долго вот так изъясняться, если бы Евсевий не поспешил прийти к нему на помощь с присущим аквилонцу вежеством.

— Дорогой друг, поскольку у вас имеется столь насущная и вместе с тем столь волнительная просьба, судить о чем я могу по изысканному изъяснению вашему, то, как и приличествует подданному королевства Аквилонского, а более того как велит мне долг чести дворянина и ученого, не преминуказать вам всевозможную доступную по малым силам моим помошь и тщусь надеждою, что усилия наши не пропадут втуне.

Ошеломленный услышанной тирадой, Бруно отступил, пропуская Майлдафа и Евсевия вперед. Горец сделал шаг и немедленно запнулся о лежащего Донато, оглушенного падением и повторным предательским ударом весла.

— А говоришь, все живы! — озлился телохранитель аквилонского монарха, желавший дополнить чем-нибудь предыдущую скромную трапезу и привлекаемый, как и волки, ароматом запеченной в углях рыбы. — Трупы валяются прямо у тебя под носом!

— От дохлой акулы слышу, вынужден тебе заметить, почтенный, — натягивая штаны до уровня, полагаемого правилами приличия, и поднимаясь, высказался Донато.

— Ого! — обрадовался Майлдаф. — В этом промозглом сиде умеют беседовать по-человечески! Эта морда старого тургарта — я правильно назвал тебя,уважаемый? — осведомился Бриан у Донато, — оказывается, жива и даже говорит!

В отличие от горца, Донато бывал в Черных Королевствах, видел живого тургарта не один раз и даже имел удовольствие откусывать жаркого из этого прелестного животного в избранном обществе одного из тамошних царьков, пробавлявшегося работорговлей.

Тем временем затаившиеся в гроте Арриго сотоварищи уразумели, что Донато и Бруно столкнулись отнюдь не с волками и даже не с оборотнями, и дружно высыпали наружу. Первым подоспел на выручку своему лучшему собеседнику Серхио.

— Кто смеет оскорблять Донато, лучшего среди всех отбросов с помоек Мерано? Не ты ли, завсегдатай выгребных ям Тарантии? — обратился он к Майлдафу, ничуть не смущаясь тем, что перед ним приближенный Конана.

Все прочие замерли в ожидании реакции Бриана: нрав горца был непредсказуем, он мог и меч пустить в ход, как только что пустил в ход кулак, но перепалка продолжалась.

— Я смею, ты, деръмо кушитского козла, — уперев руки в бока и заткнув пальцы за пояс, ответствовал Майлдаф. — И указываю тебе, что буду поступать так и впредь, почтенный.

Серхио разозлился, а злость — дурной советчик.

— Любовник морской ведьмы... — начал боцман, но Бриан не дал ему договорить.

— И неоднократно, — согласился он. — Ведьмы — моя слабость, почтенный. Какие это женщины! Настоящие ведьмы! За что-то им нравлюсь. А ты — нет?

Серхио был сбит с толку и затруднился с ответом. И «да» и «нет» прозвучали бы нелепо.

— Нет... — начал он.

— Не уподоблюсь, — сказал, как отрубил, Бриан. — О чем говорить с тем, кто не ценит женскую прелест? Сомнительно после этого называть тебя почтенным. Ты, скорее, непочтенный, что несомненно. К тому же мы хотим есть. Военачальник Арриго, нас накормят? — продолжил Майлдаф не терпящим возражений тоном дворцового распорядителя.

Арриго в изумлении воззрился на Майлдафа: даже для королевского телохранителя тот вел себя вызывающе. К тому же самого Конана покуда видно не было, и это настораживало. Военачальник собрался заявить об этом, но ему не дали сказать.

— Донато, если ты не будешь достаточно вежлив с этим месьором, твой брат в Мерано вычистит все выгребные ямы собственным языком. Бесплатно. — Вслед за Евсевием из темноты возникли еще двое. Градоначальника Мерано здесь знали все, и говорил сейчас он. — Мой указ о твоем аресте тоже не отменен, так что советую прикусить язык.

Обстановка становилась неприятно накаленной, поскольку Сотти обычно выполнял свои обещания.

— Месьоры, нам не стоит спорить, — счел нужным вмешаться Полагмар. Барон, встав между спорящими сторонами, своей внушительной фигурой перегородил тропу.

— В столь трудный час, когда король Конан вынужден заниматься нашим спасением, героически сражаясь в одиночку против массы врагов, нам не следует способствовать им, — с пафосом продолжил он.

Вряд ли моряки с «Полночной звезды» прониклись и воодушевились сими речами, однако новость о том, что Конан покинул отряд и бродит неведомо где по лесам в гордом одиночестве, отрезвила всех с быстротой молнии.

— Конан ушел? Один? — не понял Арриго. — Как же это случилось?

— Вот с этого я бы и предпочел начать нашу светскую беседу, поскольку необходимо определить, куда направить далее стопы наши. Добрый Бруно известил меня, что нашли вы чудесный камень с древними письменами. Могу ли я его увидеть?

Мягкий располагающий баритон Евсевия действовал завораживающе, о чем сам владелец помянутого баритона был прекрасно осведомлен. Отказать в просьбе, выраженной в подобной форме, было затруднительно, и аквилонца немедленно провели к камню.

Увидев плиту из серого гранита, тарантиец тут же бросил к стене лук и, не вспомнив даже о вожделенной еде, попросил разрешения не беспокоить его, пока он не придет к какому-нибудь решению.

— Какой уютный сид! — воскликнул Майлдаф, входя в грот. — После этих мокрых скал, набитых доверху туманом и волками, я чувствую себя почти как дома.

— Вы видели волков? — осторожно спросил Конти, восхищенно рассматривая этих четверых, возникших из сырой ночной мглы, с мечами, обагренными кровью врагов.

— Их, пожалуй, не увидишь! — усмехнулся Майлдаф, протягивая руки к огню. — Попадаются за каждым поворотом, точно у них тут сбирали, как у пиктов на озере!

— И они вас не съели? — удивленно расширил глаза, вопросил Деггу.

— Меня? Меня и дракон-то не съел, не то что волки. Подавляться! — осклабился Майлдаф.

Словно в опровержение этой гнусной лжи совсем близко раздались рычание и повизгивание, за которыми последовал громкий, выразительный и долгий вой.

Все немедленно замолчали и замерли, ухватившись за рукояти мечей. Все, кроме четырех новоприбывших.

Барон Полагмар недоуменно уставился на Арриго, находящегося на привале в панцире и при звуках волчьего воя выхватывающего из ножен боевой меч.

— Почему вы все так боитесь волков? — осведомился гандер. — Уверяю вас, это очень милые животные. Только лютой и студеной зимой я бы не советовал встречаться с ними в чаще одному...

— Милые животные?! — возопил военачальник, и даже кончики усов у него гневно встопоршились. — Да известно ли тебе, любезнейший, каковы у них клыки?!

— Разумеется, — спокойно отвечал Полагмар. — У меня в замке над камином висит голова отличного самца, а на псарне живут волчата. Я подобрал их, когда по недоразумению подстрелил их мать.

— И что с ними будет потом? — глядя на барона, как на умалищенного, задал вопрос Родригес-младший.

— Отпущу в лес, разумеется, когда вырастут, — развел руками барон, не находя в сказанном ничего удивительного.

— Так ты совсем не боишься волков, месьор? — не веря своим ушам, проговорил Деггу, вконец сбитый с толку разноречивыми сведениями о волке.

— Ну да, в пределах разумной осторожности, — растерянно отозвался гандер, не вполне понимая, что хотят от него услышать эти ненормальные.

— Расскажи нам про волков, месьор! — с жаром попросил Деггу. — Это правда, что...

— Правда, — прервал его сердитый Арриго. — Раз уж барон не страшится волков, это его дело. Я лишь замечу, что риск хорош, когда он оправдан, а отнюдь не ради забавы. А теперь я хотел бы знать, почему с вами нет короля, и как теперь вы намерены отсюда выбираться?

— Слыши разумные речи, — насмешливо заметил месьор Сотти. — В Кордаве всегда отличались принятием верных решений, пусть и немного запоздалых. Если любезный Майлдаф согласится, — поспешил продолжить Сотти, не давая возможности военачальнику вставить ответное словцо, — он поведает...

— Поведаю, — согласился горец. — Евсевий сделал бы это лучше, но вы тогда ничего не поймете. Дело было так...

Когда Майлдаф закончил, наступила тишина. Случай с рассерженным тургартом немало всех позабавил, но отсутствие Конана пугало. Если уж аквилонский король, исходивший весь мир без ущерба для себя, не сумел пробиться к ним через кордон дикарей, то как сумеют они преодолеть расстояния, не пройденные никем и никогда?

Майлдаф, однако, не выказывал видимых признаков растерянности. Доев рыбу и вытерев руки, горец собрался, по всей видимости, почивать.

— Отряди кого-нибудь в дозор, — посоветовал он военачальнику. — Пиктов здесь нет, но кто знает?

— Отпускать человека в ночь, где, сам говоришь, полно волков? — возмутился зингарец. — Нет, я этого не сделаю. Изволь, ступай сам, если тебе так хочется.

— Волки, волки... — изможденно простонал Бриан. — Да люди украдут у тебя все, включая жизнь, в самом королевском дворце среди белого дня быстрее, чем стая волков среди зимы!

— Ну да, — поддержал его Сотти. — Волки бескорыстны. Их занимает лишь собственно твоя персона, зато твои деньги и поместья их не волнуют. А что случилось с тобой во дворце?

— Да уж случилось, почтенные, — Майлдаф потянулся до хруста в суставах. — Два года назад месьор Коннахт послал меня гонцом в Тарантию, к королю Конану. Вот уж не людское селение, а скопище мерзких сидов! Но сейчас я не о том. У меня был отличный пегий конь, Стедди. Видел я всяких коней. Среди них были прекрасные скакуны, но они, несомненно, верблюды по сравнению со Стедди. Отец всегда мне говорил, что пить надо при всяком удобном случае и как можно больше и чаще, но в меру. Его меру я знаю, мне такую не осилить, но ведь надо же к чему-то стремиться в жизни?

Выпивал я с одним гандером, который назывался королевским поверенным. Он и действительно оказался поверенным, но все равно он меня обманул, потому что проснулся я в повозке, гордо именуемой колесницей, на полпути обратно в Темру. Но речь не обо мне, а о людской скаредности.

Мой любимый пегий Стедди остался в дворцовой конюшне, это Хорса помнил точно. Он вообще помнит все, даже когда много выпьет. Как, впрочем, и наш король. Но о нем речь уже шла. Когда я возвратился в Тарантию, был уже поздний вечер. Хорса с графиней поехали во дворец, а я пошел в таверну. Но центр Тарантии — это ужасная провинция! Все таверны были закрыты! Тогда я постучал в одну, и когда хозяйка сонным голосом — голос, впрочем, был довольно мил — спросила: «Кто там?», я ответил, что желаю выпить нордхеймского пива. На это она стала довольно умело браниться и в конце сказала, что от таких клиентов у нее нет отбоя целый день, а сейчас и вовсе ночь на дворе. Тогда я позвенел золотом, что было у меня в кармане, и дабы она уверилась, что я имею кое-что заплатить, показал ей деньги через окошечко в двери. Она тут же защебетала, обещала лучшего вина и принялась громко звать мужа, который спал наверху, чтобы он будил слуг и накрывал на стол.

Выпили мы тогда славно, да и хозяйка оказалась очень любезной и услужливой и к тому же небезобразной.

Таковы людская алчность и сребролюбие, — заключил Бриан. — А если бы на улице были стужа и ненастье, а у меня действительно не было бы ни гроша? Так бы и замерз на пороге, как последний бродяга и пьяница.

— Погоди, а при чем тут лошадь? — не понял Сотти.

— Стедди?! — переспросил Майлдаф. — Как это «при чем»? Я же говорю, что Хорса с графиней поехали во дворец. Утром, когда я пришел туда, Хорса встретил меня сам. По его виду я догадался, что ночью он занимался в общем тем же, чем и я, но про коня он не забыл. Оказалось, что злодеи конюхи воспользовались отсутствием Хорсы и свели Стедди на торг, где и продали конокрадам, хотя наш железный канцлер Публий выдал жалованье вовремя. Деньги Хорса, разумеется, у них отобрал, а негодяев рассчитал и уволил, но Стедди ко мне так и не вернулся!

— Печальная и поучительная история, — вздохнул Полагмар. — А что ты сделал с деньгами? Пожертвовал на храм Митры?

— Зачем же? — удивился Майлдаф. — Мы с Хорсой их пропили.

— Майлдаф, я всегда говорил, что ты бродяга и пьяница, — подал голос Евсевий, незаметно для всех оставивший наконец свой камень и внимавший с хитрой усмешкой балагурству Бриана.

— Разумеется, — согласился горец. — Но история оттого становится вдвойне поучительной.

— Да, так что же делать с волками? — осведомился все еще недовольный Арриго под общий хохот.

— Согрейте побольше воды, хотя бы в своих кружках. Они у вас не маленькие, — ответил ему барон.

— А дальше? — недоуменно изрек военачальник.

— А дальше я сам, — ухмыльнулся Полагмар, подмигивая Майлдафу. — Маленькая охотничья хитрость.

Военачальник пожал плечами, но воду барону согрели. Волки действительно шастали где-то неподалеку, и пару раз в проеме появлялись их желтые недобрые глаза.

Полагмар достал из-за пазухи пузырек с неопределенного-сероватого цвета порошком и рассыпал малую толику содержимого по кружкам, а затем принялся поглощать жидкость, как губка. Когда последняя кружка была опорожнена, гандер, погладив живот, улегся на постеленные на полу ветки.

— И что? — не понял Серхио.

— Подождем, — невозмутимо отвечал барон.

Ждать пришлось недолго. Вскоре барону пришлось предпринять то же путешествие, что со столь плачевными для себя последствиями недавно совершил Донато. А потом экспедиция повторилась еще и еще раз, и еще неоднократно.

Наконец барон уселся на полу и откинулся на спину с блаженным выражением человека, исполнившего тяжкий долг.

— Вот и все, — облегченно вымолвил он.

— Как это все? — Арриго имел вид человека, коего беспардонно и неумно разыграли. — Что ты делал снаружи?

— То же, что и Донато, только гораздо чаще и понемногу. Теперь волки не подойдут к тебе ближе чем на пять локтей.

— Это почему? — упорно не желал понять Арриго, хотя Майлдаф с Евсевием уже покатывались со смеху.

— Ты когда-нибудь видел, как пес поднимает лапу около изгороди?

— Ну, да, — опасаясь угодить в лужу, промямлил военачальник.

— Ты знаешь, зачем они это делают? — не унимался Полагмар.

— Представляю, — попытался иронизировать зингарец.

— А волк, по-твоему, не собака? — продолжал допрос Полагмар.

— Собака в какой-то степени, — вынужден был согласиться полководец.

— Так же поступил и я, — басовито рассмеялся барон, к немалой потехе слушателей, — Они не пересекут границы меченого участка.

— Это действительно так. В отличие от людей, — заметил Евсевий, — Я не все понял в этих письменах, но кое за что могу ручаться.

— Что же они гласят? — полюбопытствовал принц Конти.

— Примерно следующее, ваше высочество, — любезно отозвался Евсевий. — Ты осведомлен о древних языках и письменности?

— О да, начала древненемедийского и староаквилонского, а также древнешемитский и стигийский.

— Изрядно, — похвалил Евсевий, в свою очередь посмотрев на способного юношу с интересом. — А киммерийский или нордхеймские языки?

— Варварские наречия? — удивился принц. — Ну, немного ванахеймский. От моряков, — слегка краснея, признался он.

— Достаточно, — понимающе улыбнулся аквилонец. — Так вот... — Евсевий повернулся, при этом лицо его при свете пламени сделалось до мелочей схожим с изображениями первых митрианцев на фресках и мозаиках: прямой, тонкий, чуть крючковатый нос с хищными крыльями, бледные, насмешливо сложенные, тонкие губы, гордый подбородок, густые узкие брови вразлет, вдавленные виски и высокое чело. Глаза внимательные и бездонно черные, словно освещенные невидимым огнем.

— Итак, рисунок разгадывается до смешного просто. Это карта того места, где находимся мы. Вот протоки, вот скалы... — Он указал на линии и фигуры.

— Я же говорил, что это портулан! — толкнул Серхио Мегисту в бок и тут же замолчал, внимая речам ученого человека.

— Дальше тоже карта. Это наш ручей. Он уходит в горы и там исчезает в пещере, но и это еще не его начало. Там целый пещерный край. Но его на карте нет. Если мы захотим туда проникнуть, нам придется делать это самим.

— Под землю? — Глаза Майлдафа азартно заблестели. — Опять?

— А тебе мало? — возразил аквилонец.

— Я не прочь, — согласился горец.

— Посмотрим, — кивнул Евсевий. — Так вот, с буквами не все так ясно. Это похоже на стигийские и гиперборейские письмена, только наверняка гораздо древнее. Но еще они похожи на асгардские руны и на письмена атлантов.

— Атлантов? — не поверил своим ушам Сотти. — Откуда тебе известны их письмена? Может, ты беседовал и с ними?

— Беседовал, — подтвердил Евсевий. — Не могу сказать тебе где, так как это великая тайна, но повторить это все равно не удастся, поскольку того места больше нет. А вот с письменами ты можешь ознакомиться в Тарантии, это не возбраняется. Ученые из Бельверуса уже приезжали к нам.

— Ладно. — Равнодушный обыкновенно голос Сотти впервые дрогнул. — И что же буквы?

— Я не смог прочесть все, да и в том, что прочел, не слишком уверен. О подземном городе гласят именно письмена. Он выстроен в горах каким-то великим королем, очень богат и обширен, там большие горные разработки, шахты...

— И золото? — не выдержал Серхио.

— Сомневаюсь, чтобы оно там еще осталось, — тихо улыбнулся ученый. — Это было очень давно. Здесь был наблюдательный пост этого города. Многие из этих ущелий не ущелья вовсе. Они высечены киркой.

— Что же за люди все это построили? — спросил Арриго. — Неужели пикты?

— Не-ет, — загадочно ухмыльнулся Евсевий. — Пикты, насколько мне ведомо, вообще

не умеют строить из камня.

— Атланты? — предположил Сотти. Евсевий отрицательно покачал головой.

— Кхарийцы? — догадался Конти.

— Совсем нет, — рассмеялся ученый. — Я не буду больше вас мучить. Это построили...

— Паки? — не то спрашивая, не то утверждая, изрек Майлдаф.

— Почти, — отозвался Евсевий с плохо скрытым удивлением. — Бриан прав. Это построили не люди.

— А кто же?! — Изумлению присутствующих не было предела.

— Гномы, — был ответ.

Глава II

Ял покачивался на мелкой зыби посреди угольной черноты. Тусклый свет молодого месяца пропал за наползшими откуда-то с материка облаками, а слабые искорки звезд не в силах были осветить морские просторы. Впрочем, этого и не требовалось.

— Держи на Дракона, Кусающего Свой Хвост, — уверенно сказал Тэн И севшему к рулю жрецу.

— То есть на Кольцо Вечности? — осведомился митрианец.

— Воистину так, — кивнул кхитаец.

— Во имя Митры, — откликнулся стариk. Оба замолчали, весьма довольные друг другом.

— Можно начинать грести? — поинтересовался Хорса.

— Несомненно, — с достоинством произнес жрец.

— С превеликою охотою, — в тон ему ответствовал Хорса.

Подгоняемый мощными согласными гребками двух здоровых сильных мужчин, лодка, легко разрезая воду и слегка подпрыгивая на короткой волне, помчалась к близкому берегу.

— Думается мне, — шепотом заговорил Тэн И, — что боцман не был неискренен, советуя нам что-либо предпринять, а не просто достичь берега.

— Посему стоит над этим поразмышлять. — Хорса никак не желал отстать от взятого кхитайцем и жрецом курса на сложную, но располагающую ко всяческим умствованиям манеру изъясняться высоким штилем.

— Могу ли я как-либо способствовать верному и скорейшему течению мысли вашей? — хорошо поставленным, глубоким и красивым голосом, что было заметно, даже когда оный был крайне приглушен, вопросил с кормы лодки старец.

— Будем весьма благодарны, если так и произойдет, — со всем вежеством приветствовал благие намерения гандер. — Позвольте лишь осведомиться об имени вашем, почтенный.

— Зовите меня Касталиусом, — попросил жрец. — Я состою при одном тарантийском храме Митры, что стоит на перекрестке Шорного Ряда и Старой Канавы.

— Весьма древняя и почитаемая обитель. Там издавна пребывают чудесные мозаики и искуснейшей работы серебряные фигуры, — со знанием дела подтвердил кхитаец. — Здоров ли верховный жрец Диомед?

— Митра благоволит ему, ибо муж сей ведет жизнь праведную, посвящая ее превеликим трудам и молениям, — объяснил Касталиус. — Вся обитель молится о его здравии.

— Весьма достойно, — заключил Тэн И. — Не настало ли время, после столь утешительных для сердца моего известий, приступить к обсуждению прискорбного положения нашего?

— Давно пора, — согласились в один голос Хорса и жрец.

— Засим приступаем. Вальедо, да и Гонзalo, говорили, будто лучше нам не встречаться с капитаном Табарешем и, насколько будет возможно, не показываться ему на глаза. Опасаюсь, что для достижения целей наших таковой осторожностью придется пренебречь.

— Согласен, — поддержал его Хорса. — Нам следует сделать так, чтобы Табареш не настиг «Полночную звезду» и не повернул назад и не отыскал по случайности кенига. А таковое нельзя исключить, потому что хотя и не верится мне в колдовство означенного

головореза, но без должного ветра слухи не летают, как говорят у нас в Ларвике. Из чего следует, что некто должен отвлечь внимание Табареша на себя.

Выслушав столь замысловатое, но, вне всякого сомнения, логически безупречное доказательство, Тэн И на мгновение задержал с ответом.

«Евсевий, сам не ведая того, вершит препохвальную просветительскую миссию!» — успел подумать королевский слуга.

Но Касталиуса не так легко было сбить с мысли.

— Воистину так, — согласился он, слегка даже кланяясь молодому человеку. — И, видится мне один лишь способ исполнить задуманное: обнаружить себя. Но сделать это можно сей же час либо немного времени спустя, а также либо оставаясь здесь, на воде, либо пребывая на суше.

— Полагаю, лучше на суше. Ибо там сможем возжечь великие огни и тем самым, смутив думы противника, заставить его уподобить трех человек изрядной толпе, — предложил Хорса.

— И шум некоторый издавая, тому смущению дум весьма способствовать, — выразил свое одобрение Касталиус.

— Должен вам возразить, — покачал головой Тэн И. — Табареш, как есть он муж, умудренный странствиями по хлябям морским, с легкостию превеликою распознает и нехитрый обман наш, и отсутствие поблизости судна, размерами нефу короля зингарского подобного, а равно и всякого иного судна, определит немедленно. Равно как и то, что лишь трое на берегу сем пребывают, а вовсе не две сотни, как быть тому должно, явится ему воочию вскорости. А посему, досадуя на время, попусту потраченное, изловит нас, так как располагает для такового действия командой в количестве преизрядном.

— Если вообще обратит внимание на тщания и потуги наши, а не минует балаган сей и фиглярство без интереса, лишь в сердце своем злобном глумясь и потешаясь, — резонно добавил кхитаец.

— К тому же и описания берегов здешних гласят, что не во всяком месте вовсе подойти к оным возможно без зазора, — стал рассуждать над сомнениями Тэн И гандер. — Посему опасаюсь крушение потерпеть в бурунах пенных и каменьях острых.

— Да ведь и на воде узрит враг окаянный, что не флот пред ним явился, но лишь член утлый с изгнаниками, — заспорил жрец. — А сокрушит он суденышко и того проще, нежели в лесу темном и непролазном изловит нас.

— Верно сказано, — согласился Тэн И. — Но выхода иного, по моему разумению, не остается. Берег столь далек, а быстрота перемещения нашего столь ничтожна, что сколь бы мы ни поспешили, не в наших силах и суши достичь, и устроить все, как задумано, кциальному сроку. А посему остается лишь ожидать и уповать на милость Митры всевидящего и на судьбу.

Гандер и кхитаец разом перестали грести. Воцарилась торжественная тишина, увенчанная звездной Короной, бриллиантово горевшей в бездонных черных небесах.

— А теперь надо принять какой-нибудь план, иначе будет действительно поздно, — опомнился Хорса первым.

— Думаю, стоит прибегнуть к весьма простой тактике Чжу Цзяо Юня, — предложил кхитаец. — То есть пытаться заговорить пиратам зубы, не слишком уклоняясь от правды.

— Не подойдет, — отрицательно покачал головой королевский поверенный. — Табареш нас, может статься, и выслушает, но курса, положась на наши рассказни, не сменит — он,

судя по всему, верит только себе.

— Мне вообще неохота попадать на его корабли, — заметил жрец. — Это не первое мое странствие по водам, и везде о Табареше идет дурная слава. А в последнее время, говорят, он якшается с призраками.

— Так что же Вальедо об этом промолчал?! — возмутился Хорса. — А с виду такой доброхотливый!

— Он боялся, — просто ответил Касталиус. — Моряки избегают всякого упоминания о нечисти во время плавания. Вальедо оказал вам великую милость хотя бы тем, что предупредил о колдовских способностях пирата.

— А ты что же, не страшишься морских демонов? — спросил гандер.

— Нимало, — был ответ. — Они все безбожники. Весь экипаж Гонзalo, кроме молодого Фрашку. Моя же крепость прочнее любых мечей и недоступна злым козням. Хотя бы и сонмы призраков вились надо мной, смердя и глумясь, и волновали хляби морские, но не устрашусь. Они властны растерзать мое тело, душа же моя останется непоруганной и пребудет в свете.

— Как сказал бы кениг, «мне мое тело еще пригодится», — заметил Хорса. — А что ты можешь против духов, почтенный Касталиус?

— Никакого колдовства, — улыбнувшись светло, развел руками стариk. — Все знания наших храмов основаны на постижении природы света, от Митры исходящего. Лучше священных гимнов пока нет ничего.

— А как же чернокнижники? Пелиас, например, или Озимандия? — несколько запальчиво возразил гандер. — Уж они-то не допустили бы демонов ни к телу, ни к душе! Пелиас, во всяком случае.

— Им еще придется заплатить за свой говор с воинством тьмы, — гордо изрек Касталиус. — Поскольку ищут суть в несущем. Обманывая слуг тьмы, обманываются и сами на свою пагубу и имеют намерения ложные.

— Ну да, — вздохнул Хорса, — Ладно, будем читать гимны. Озимандии здесь, увы, нет. И обманывать станем не слуг тьмы, а людей Табареша, хотя особой разницы я не вижу.

— И обманывать станем не по мелочи, — заговорил примолкший было Тэн И. — Вести переговоры с пиратами — это унизительно и бесполезно, ибо они все клятвопреступники.

«Не по мелочи» — это как? — не понял жрец. — Изъяснись, собрат мой по вере.

— То есть устроим представление, — объявил Тэн И. — Сила убеждения, присущая этому благородному искусству, мало уступает силе проповеди.

— Несомненно, так как искусство — путь к красоте, а красота — самый свет Митры, — быстро оправдал данную тактику жрец. — Но каков твой замысел?

— Он несложен, — отвечал кхитаец. — На Восточном Великом океане бытует меж моряками легенда о Тхэнге По Безруком.

— Чем же столь знаменит сей муж? — заинтересовался немедленно Касталиус. — Он был благочестив и основал храм Митры?

— Отнюдь. — Тэн И сделал вид, что почесывает нос, скрывая улыбку. — Это случилось пятьсот или шестьсот зим назад. Тхэнг По служил у короля Мьянданга главным флотоводцем, и заслуги его были велики. Но однажды Мьяндангу пришла в голову блажь узнать, сколь велик Восточный океан и где его предел. Он поручил Тхэнгу По привезти сведения о том, а иначе пригрозил отрубить голову. Надо сказать, что земли те расположены таким образом, что любому кораблю был лишь один обратный путь в гавани королевства

Джая: оно было обращено побережьями своими к разным морям, и никто не знал, сливаются ли оные моря где-либо. На полночь и восход уходил великий материк, соединяясь с восточным Кхитаем лишь узким перешейком. Другой берег материка тянулся на полночь. Но предания гласили, будто некогда, во времена строительства великих судов, больших даже чем «Полночная звезда», кхитайские мореходы обогнули материк. Тхэнгу По было велено, отплыв на полночь и восход, возвратиться с полуночи или привезти неоспоримое доказательство раздельности Северного моря и Восточного океана.

— И он, конечно, отплыл? — полуутвердительно произнес Хорса.

— Отплыл, — кивнул Тэн И. — Он открыл множество земель, но трижды ему пришлось возвращаться, ибо силы моряков были на исходе и люди бунтовали. А король все жил и жил и не собирался отступаться от задуманного. Трижды прощал он Тхэнга По, но каждый раз вновь отправлял в плавание с прежним условием.

— Что же случилось в четвертом плавании? — Касталиус загорелся интересом к рассказу.

— Тхэнг По достиг пресловутого Гремящего Пролива. Страшная сказка оказалась правдой. Чудовищной высоты скалы, густые, как молоко, туманы, камнепады, ледники, рифы, водовороты. При этом сам пролив донельзя разветвлен, длинен и извилист. Приливная и отливная волны гонят воду со страшной скоростью, и одолеть поток или удержаться в нем чрезвычайно затруднительно. На вершинах обрывов вспыхивают странные огни, мерещатся какие-то развалины, слышатся голоса. Непонятно, ветер ли это плачет в скальных теснинах или переговариваются духи. Нагромождения ли это камней или действительно руины великанских сооружений. Никто не знает об обитателях тех пустынных мест, но они существуют: рвы, валы, каменные хижины, загоны для скота — все это есть на равнинах и в холмах той страны, но самих жителей не видно...

— Постой, постой, — осадил кхитайца на сей раз Хорса. — Тебе-то откуда, месьор Тэн И, известно обо всем этом?

Ответ Тэн И был столь же прост и поразителен, как давешний ответ Вальедо на вопрос кхитайца про сведения о Табареше:

— Я был там. Помнишь, я рассказывал о варварах, бороздящих равнины океана на катумарамах? Я странствовал с ними. Они добрались до Гремящего Пролива и прошли им много раньше Тхэнг По.

— Что же лежит дальше? — не унимался Касталиус.

— Туманы... Впрочем, это неважно, — скомкал ответ Тэн И. — Северное море и Восточный океан — единое целое.

— Бедный мореход! Знай он секрет заранее! Что же стало с ним? — с искренним участием к судьбе древнего мужа спросил жрец.

— Превратность царит на земле искони, — вздохнул кхитаец. — Дело обернулось так: ночь выдалась страшная и бурная, с неистовым ураганом. Корабль Тхэнг По застрял в Гремящем Проливе. Гибель шла со всех сторон, и тогда великий мореход не выдержал. Страшным проклятием наградил он короля Мьяндонга и поклялся уничтожить его королевство и топить корабли до тех пор, пока у людей не пропадет охота странствовать по морю. Взамен обещал он духам Гремящего Пролива свою душу, а в залог того, что он исполнит свое обещание и в уплату за то, что его экипаж отпустят с миром, он сам отрубил себе правую руку.

— И что же? — Даже у Хорсы по спине пробежал мороз. Обстановка непроницаемой

густой ночи с таинственным мерцанием созвездий где-то в недостижимой вышине располагала к невеселым раздумьям.

— Легенда говорит, что его желание исполнилось. Он прошел-таки Гремящим Проливом и добрался в Джайю с севера. Король Мьяндонг умер на следующий день после его возвращения. Тхэнг По же выходил в море еще сорок лет, пока не сделался девяностолетним старцем. Он исчез где-то в Восточном океане, далеко на юге. Никогда более не знали Джайя и Кхитай столь искусного мореплавателя. Но с тех пор на Восточном океане и в Северном море стали замечать парусник, иногда мелькавший у самого горизонта, иногда появлявшийся внезапно прямо по курсу. На мачтах и реях его светились бледные огни. У руля стоял однорукий мореход. У него не было правой руки. Мало кто выживал после встречи с ним... Вот, собственно, и вся история, — завершил рассказ Тэн И.

— Ну что ж, Западный океан знает подобное, — задумчиво, но с достаточной уверенностью проговорил Касталиус. — В Күше тебе поведали бы о Н'Кану по прозвищу Здоровяк. Зингара и Аргос никак не могут поделить меж собой сомнительное по чести право считаться родиной Освальдо Седого, а Ванахейм прославился Хенгистом Злосчастным. По всему же побережью до самого юга знают о неком Бейдиганде Справедливом, но никто не имеет понятия, откуда он взялся.

— Странно, по имя сие напоминает мне те, что мы слышали в Темре, — прошептал кхитаец Хорсе.

— Так вот, — продолжал речь служитель Митры. — Верно ли я понял тебя, что ты вознамерился показать Табарешу маскарад?

— Иного выхода нет, — отвечал Тэн И. — Будь небо ясно, и свети луна во всю мочь, я бы первый отказался от этой безумной затеи. Но после колдовского пятидневного шторма даже люди Табареша уверуют в чудеса.

— Я не прочь, — заявил Хорса. — Виттигис не раз переоблачался в одежду атлантов или кхарийцев и совершил дерзкие вылазки. Думаю, и нам будет небесполезно обратиться к тому же.

— Что ж, — рассудил Касталиус, пожевав губами и подвигав подбородком, отчего колебания распространились и по всей бороде, — Это будет обман, кой входит в правила негласного нашего соглашения с Табарешем. Это не будет предательством. Митра да благословит нас!

— Да благословит! — поддержал его Тэн И.

— Только кого же из сих достославных, если можно так выразиться, мужей хотели бы вы изображать? — поинтересовался старик.

— А ты опиши их, месьор, — попросил кхитаец, — и мы сделаем выбор...

Это нетрудно, — с готовностью согласился Касталиус, трогая рукой ласковую и после шторма несколько более прохладную, чем обычно в этих широтах, воду. Рассказывать он любил.

— Н'Кану из нас не получится. Это исполинского роста и довольно массивный чернокожий человек. Он брит наголо, и у него огромные желтые глаза. Его корабль — что-то вроде фелюги, и у него есть экипаж — двенадцать чернокожих под стать ему. В руке у него обычно устрашающих размеров изогнутый меч — вроде того, что у вашего друга из Темры, а на плече — большой говорящий попугай...

— Нет, — отверг такой способ Хорса. — Это у нас заведомо не выйдет. Кто такой Освальдо Седой?

— Жестокий корсар времен Ригелло, открывателя Барахас. Табареш не совершил еще и сотовой доли его злодеяний. Боги... Митра, — поправился Касталиус, — покарал его за жадность. У этого — гаула цвета морской волны. Сам он дожил до старости, но сединой отличался с юношеских лет. Он похож на Гонзало и одет так же, но, пожалуй, пошире в плечах и крупнее, коренастее. А лицом отличается в том, что за всю жизнь не получил ни шрама, ни ожога. Волосы у него длинные, хоть в косу заплетай. Обычно он стоит с ламирой на носу. Смотрит вперед, прищурясь, и оттуда же командует маневрами с парусами.

— У него есть команда? — осведомился Тэн И.

— Есть. В том и беда, — огорченно проговорил жрец.

— Нет. И корабли не те, и команда, и обличье — все это не для нас, — подвел итог Хорса. — А ванахеймец?

— Как и положено, желтоволосый, глаза рыбы, весь в коже, шерсти и мехах, на поясе прямой меч. Бородатый по самые глаза. Плечистый, роста среднего. Занимался всем: рыбу ловил, бил зверя, разбойничал, торговал, возил грузы. Как разбогател, стал плавать там, куда никто еще не забирался. Возомнил загарпунить морского единорога. Так и сгинул на полночном горизонте, среди ледяных плавучих гор. У него в руках или где-нибудь поблизости вечно гарпун или острога. Корабль весь в сетях, снасти кругом рыболовные, гарпуны, бочки для засолки рыбы. Но есть и оружие — по бортам щиты висят. А что за корабль, того сказать не могу. Походит на саэту, но не саэта. Невысокий — планшир локтя на три над водой, узкий, длинный, верткий, как веретено. Может вроде галеры на веслах ходить. Трюма нет почти — так, подпол. Парус один, прямой. А форштевень крутой, и на нем зверь диковинный вырезан. Команда невелика — человек семь видно.

— Это уже лучше, — раздумчиво произнес Тэн И. — Месьор Хорса сошел бы за него, если бы отрастил бороду, а вместо гарпуна взял бы арбалетную стрелу. Но принять нас за Хенгиста можно только при очень богатом воображении.

— Мы бы вполне сошли за рыбакскую лодку, но не за корабль из Ванахейма, — отрезал, Хорса. — Я на четверть ванахеймец и знаю, каковы там корабли. Итак, остается Бейдиганд Справедливый?

— Он самый, — улыбаясь уголками рта, изрек Касталиус. — Но он — единственный призрак, что может предвещать не только беду. Потому его и зовут Справедливым. Появляется он не просто так, а после каких-нибудь событий, сразу, либо через день-другой. Морской бой,ссора на путине из-за рыбной банки, грабеж, буря с кораблекрушением или если кто заплутает, с курса сбьется — всех причин не счесть, И неправая сторона всегда оказывается наказанной, а страждущий — спасен,

— Кто определяет правого и неправого и тяжесть наказания или степень прощения? Сам Бейдиганд? — недоверчиво вопросил Тэн И.

— В том и заключается загадка Бейдиганда Справедливого, — отвечал жрец. — Он судит как последователь Митры светозарного!

— Так вот зачем ты плаваешь по морям, а не сидишь себе тихо в Тарантии! — воскликнул проницательный Хорса. — Бейдиганд Справедливый не дает тебе покоя! И ты нарочно припас его напоследок, хотя именно он, мнится мне, как нельзя лучше подойдет для задуманного маскарада?! И мы потратили столько времени впустую, слушая морские басни?! А ну живо выкладывай все, что ты знаешь о нем, почтенный!

— Во имя Митры, месьор Касталиус, — весомо прибавил Тэн И.

Донельзя довольный произведенным впечатлением, жрец степенно приступил к

повествованию, но, подгоняемый деловитым Хорсой, вынужден был поторопиться.

— Одет Бейдиганд в простую холщовую хламиду серо-коричневого цвета, как носят служители Митры. Но пояс у него широкий, из доброй кожи и богато украшен серебром. Украшения, как повествуют, состоят из переплетения диковинных растений и разных удивительных зверей. На шее у Бейдиганда серебряная цепь и на ней амулет — крылатое солнечное колесо, также узором дивным обрамленное. Обут сей муж в кожаные мягкие сапоги. Сам он ростом невысок, сед, стрижен коротко, волосы прямые, бороды и усов не носит вовсе. Лицом мягок и благообразен. Глаза карие, чуть удлиненные и смотрят весьма проницательно. Ресницы длинные, брови густы, но не кустисты. Нос немножко шире, нежели обычно у хайборийцев, остер и горбат слегка. Сложением крепок, но не могуч. В деснице держит посох из дуба, на кой опирается. Вот и все, что удалось мне собрать о нем за двадцать лет скитаний.

— Немного, но и этого довольно для призрака, — удовлетворенно сказал Хорса. — Теперь о его спутниках...

— Их бывает от одного до двадцати человек. Это жрецы, воины, песнопевцы. Только женщин среди них нет ни единой.

— И это славно! — Холодные глаза Хорсы, казалось, засветились в темноте.

— Какой же его корабль? — умело скрывая волнение, испросил Тэн И.

— Как ни странно, но все утверждают, что это большая лодка. Кто говорит, что сорок локтей длина ее, кто утверждает, что десять. Остов сей лодки деревянный, а обтянута она — смешно сказать, и не верю я тому — кожей!..

— Ничего смешного, — со всей серьезностью оборвал Касталиус Хорса. — В Ванахайме так делают кожаные рыбакские членоки. Но они слишком малы. А вот в Темре, на озере Лохллин, таких лодок видывал я премного.

— Хорса перевел облегченно дыхание.

— Решено. Пусть этот ял — не кожаная лодка, но выкрашен он в черный цвет, значит, на это могут не обратить внимания. Два воина у нас есть: я и месьор Тэн И. Жрец — тоже. — Гандер оценивающе посмотрел на Касталиуса. — Седой, волосы прямые, холщовая хламида, серая... Пояс... Возьми мой! — И гандер, отстегнув крючок, бросил жрецу свой черный кожаный пояс, тоже украшенный серебром. По поясу бежали волки, гонясь за оленями.

— Дивных растений тут нет, ну да стерпят. Много ли этот Табареш смыслит в растениях?

— А вот и цепь с амулетом. — Порывшись в своих пожитках, ххитаец выудил оттуда массивную серебряную цепь с кулоном в виде изогнувшегося, как хитрый морской узел, дракона. — Это не крылатое солнце, разумеется, но все же. — Ххитаец с поклоном протянул цепь жрецу.

— Да, но ведь сказано, что волосы стрижены коротко, а лицо бритое! — боязливо заметил Касталиус.

— Дело поправимое и недолгое, — ухмыльнулся Хорса. — У Тэн И есть все необходимые притирки и благовония и прекрасная бритва из Турана! А у меня есть чистый платок: графиня снабдила меня платками в таком количестве, что хватит на три похода!

...Через некоторое время почтенный Касталиус предстал несколько в ином обличье: без своей длиннющей бороды, без усов, подстриженный, причесанный, гладко выбритый, благоухающий, с серебряной цепью на шее, в чистой, еще не одеванной в этом плавании хламиде и опоясанный дорогим ремнем Хорсы. Надо сказать, жрец весьма помолодел:

теперь ему нельзя было дать более пятидесяти, хотя на деле его возраст измерялся почти шестью десятками лет. Впрочем, с бородой он смотрелся на все семьдесят.

— Иное дело,уважаемый! — Хорса с удовольствием взирал на служителя, явно гордясь плодами проделанной работы. — Ныне и нам, любезный Тэн И, предстоит немного преобразиться!

— Всенепременно, месьор Хорса, — с готовностью согласился кхитаец, — С превеликою охотою.

Для королевских слуг приготовления к предстоящей опасной, но чрезвычайно волнующей встрече не были столь трудны. Костюм Тэн И был непривычен в любом месте эа пределами Западного Кхитая, а Хорсе нужно было лишь скинуть верхнюю рубаху и явить очам присутствующих прекрасного плетения кольчугу из мелких колец. Что касается пояса, то у гандера был и второй — менее роскошный, чем первый, купленный за немалые деньги в Ларвике, но не менее замечательный. Медный позлащенный узор из дубовых листьев делали не где-нибудь, а в самом Бельверусе. К тому же это был подарок графини Этайн.

— Не знаю, каков должен быть истинный Бейдиганд Справедливый, — Касталиус поскреб непривычно гладкий подбородок, — так как изображений сего мужа я не видел доселе, но мне стало казаться, что наш план не столь безумен, как мнилось поначалу.

Он еще раз посмотрелся в отполированную серебряную пластину, заменявшую Тэн И в походах зеркало, и выражение довольства и некоторой даже вычурности появилось на его лице.

— Если Митра будет милостив и вызволит нас из этой передряги, — продолжил он, откладывая зеркало и вперяя задумчивый взор в темноту, скрывавшую полуночный горизонт, — я обязательно наведаюсь в те края, что зовутся Темрой. Возможно, там помнят что-либо о Бейдиганде Справедливом.

— Возможно, — обнадежил жреца Тэн И. — Земля Гвинид, как именуют Темру местные жители, хранит немало преданий из самых давних лет, когда хайборийцы еще не ступили эа Эйглофянский хребет, а свет Митры уже был явлен миру.

— Да, чего стоит история Диармайда, — мечтательно промолвил Хорса. — И о Белой Деве Горы... Впрочем, это уже не о Митре, — пояснил он, внезапно смешавшись.

Тем временем в состоянии моря и воздуха появились перемены. Совершенно явственное течение, постепенно усиливающееся, повлекло лодку прочь от берега, и Хорсе с Тэн И пришлось спона сесть на весла. Пройдя около двух лиг обратно на полночь — точнее определить расстояние не было никакой возможности, ибо побережье таилось во мраке до утра, — они пеняли, что до поры избежали риска быть унесенными в открытый океан.

В то же время воздух стал наполняться влагой. Где-то над пиктскими болотами опять клубились тучи и расходились во все стороны, заливая небеса сумраком, густо-лиловым в дневные часы и кромешно-черным ночью. Откуда-то из самого чрева тьмы полз седой туман, не такой густой, как бывает в северных горах, но достаточно плотный, чтобы ограничить видимость до полулиги. Крупные океанские звезды еще виднелись в вышине, но свет их проходил будто сквозь вуаль, рассеиваясь и трепеща.

— А ведь Бейдиганд обычно появляется в тумане, — вспомнил жрец. — Только одно ныне тревожит меня: не пройдет ли Табареш мимо, сбитый с курса маревом?

— Здесь будут три корабля, — возразил Тэн И. — Откуда-нибудь нас заметят. Кстати, наши уключины слишком скрипят для корабля-призрака.

— У меня есть в запасе масло, — отвечал Хорса, запуская руку в одну из котомок.

Нескольких капель хватило, чтобы сделать суденышко полностью бесшумным.

— А это что за скрип? — приглушенным шепотом вдруг спросил Хорса.

— Где? — таким же сдавленным шепотом осведомился Тэн И. — Я не слышу ничего!

— А я слышу! — убежденно изрек гандер.

— Вот ты и сам ответил, — резонно заметил Кхитаец. — Теперь и я различаю скрип и даже плеск. Это с полуночи. Кроме Табареша тут некому плавать.

— Ага, — прислушавшись еще раз, Хорса кивнул. — Вот и они. Остается подождать совсем немного.

Вскоре ушёй их достиг не только скрип и шуршание парусов, но и плеск волн от хода некрупного маневренного корабля. Сквозь туман прступил угольно-чёрный абрис парусника со стремительными плавными обводами, длинного и узкого, как стрела. Под косыми парусами курсом на полдень шла саэта, проходя в четверти лиги мористее яла, на котором находились трое изгнанников с «Полночной звезды».

— Быстрее туда! — прошипел Хорса, хотя Тэн И и без того уже начинал разворачивать лодку, а Касталиус способствовал успешному повороту на руле.

Через некоторое время стало ясно, что ход большого судна настолько стремителен, что ялу за ним не угнаться.

— Сюда бы пиктский челн! — с завистью и досадой в голосе пожаловался неизвестно кому Хорса, — И кричать нельзя — призраки не говорят!

Сделали еще десятка три гребков, хотя надежды убегали, как вода сквозь решето.

— Придумал! — возгласил Кхитаец. — У нас есть фонарь и ворвань!

— А у меня легкая синяя ткань! — сообразил Хорса. — Для графини купил в Кордаве. Устроим блуждающий огонь!

Укрепить на шесте фонарь, высечь огонь, обернуть стекло синей вуалью было делом нескольких мгновений. Над волнами, колеблясь и путаясь в космах тумана, поплыл таинственный синеватый свет, не приметить который эа четверть лиги даже при крайней занятости и поспешности было затруднительно.

— Нас заметили! Касталиус! Вставай да прими вид... Ну, повнушительнее, что ли! Ты все-таки уже не ты, а сам Бейдиганд Справедливый.

— Вот уж не думал, что придется когда-либо представлять сего достойного мужа, — изрек глубокомысленно жрец. — Ну, да все во имя Митры!

И Касталиус поднялся по весь свой рост, опершись на посох и глядя в сторону саэты, у которой уже можно было различить серо-чёрную, а в свете дня красно-чёрную, окраску бортов, так, как умеют смотреть только жрецы храмов Митры: спокойно, внимательно и беззлобно, но столь проницательно, что у попавшего под его взгляд мороз пробегал по коже. Хорса греб размашисто, плавно, красиво, беззвучно опуская и взметая весла. На руле восседал Тэн И, и улегшийся ветер лениво развевал лисьи хвосты, притороченные к его островерхой шапке, долженствующей дополнять его нынешний наряд, но до сего момента хранимой где-то в недрах походного мешка, поскольку погода стояла жаркая. Колокольчики на куртке кхитайца звенели тихо-тихо, так что ухо могло уловить даже не звук их, но лишь тень звука. Тем не менее пели они так, что даже за несколько десятков локтей человек воспринимал их таинственный перезвон.

В безмолвии ночи раздались отчетливые слова команды. Сильный и грубый мужской голос по-зингарски командовал саэте менять курс. Ими заинтересовались.

— Теперь следи внимательно! — прошептал Хорса, обращаясь к Тэн И. — Мы должны

идти с ними одним курсом.

— Это будет нелегко, — одними губами отвечал кхитаец. — И очень недолго. Хорошо, что ветер слабый. Митра благоволит нам.

Между тем во мраке простили контуры еще двух кораблей. Чтобы не выдать своего местонахождения, суда корсаров вынуждены были обходиться без световых и речевых знаков, и ведомые повторяли все маневры флагмана.

— Как он вышколил своих людей! — невольно восхитился Тэн И. — Сколько точно следуют они указаниям капитана!

И вправду, оба хараса, идущие чуть позади саэты Табареша, стали забирать на юго-восток.

А туман сгущался, что было на руку троим смельчакам. С саэты слышались взволнованные голоса. Несколько человек явно спорили. Отдельных слов было не разобрать, но, судя по звукам и строю речи, это была какая-то чудовищная смесь зингарского, аргосского и шемитского. Кхитаец отлично знал все три языка, но смысл этих пререканий покуда оставался неясен.

Ял развернулся на юго-восток. Теперь Табареш прижимал лодку к берегу, а один из харасов, при условии хорошего хода, мог не допустить лодку к сушке.

— Мы вряд ли ускользнем из такого коридора, — мужественно оценил положение Тэн И. — Но я бы предпочел иметь дело со слугой, чем с самим капитаном. Мы будем уходить к берегу.

Саэта проделала поворот с легкостью и, набирая ход, устремилась в погоню за членом. Рулевой саэты старался срезать угол и зайти ялу в кильватер. Харас шел наперерез. Курсы его и лодки быстро сближались.

— Странно, но я не слышу ни звука с хараса! — внезапно понял Хорса. — Или мои уши отказываются мне служить?

— Нет, не отказываются, — проговорил Касталиус. Голос его заметно дрожал, но не от страха — от напряжения. — Я тоже ничего не слышу с этого корабля, хотя до него не более тридцати пяти локтей. Даже если его экипаж состоит из немых, то плеск воды и скрип руля не могут кануть в безмолвие. Я начинаю сомневаться, что это корабль!

— А что же это по-твоему?! — не понял гандер, в недоумении обличиваясь на жреца.

— Призрак! — был ответ.

Спустя несколько мгновений стало ясно, что Касталиус прав. Пепельно-серый харас, покачиваясь на волнах, как настоящее судно из дерева, меди, пеньки и парусины, был будто облит этой серой краской. Тени, складки, пятна полусвета, рельефность и шероховатость дерева, тканность парусов, упругая волокнистость такелажа — всего этого не было в надвигающемся на ял корабле! Оставаясь здравым, без малейшего намека на прозрачность, сохраняя цвет, харас был вместе с тем воздушно невесом, как образы духов, являемые искусствами магами в храмах Митры, когда служители пропускали свет через цветные стекла особой формы и хитро расставляли зеркала — уж Тэн И и Касталиус знали об этих чудесах по своему немалому опыту! Но что было кошмарнее всего, так это экипаж — подобия людей, их тени, отражения в кривом зеркале. И эти тени передвигались по палубе, но не шагом, а скользили бесшумно и беспрепятственно.

— Пусть этот Табареш и вправду колдун, — со злостью выдохнул Хорса, — только я видел колдовство и похуже этого. Те, кто сидел под Седой в горах Темры, были не худшими в мире волшебниками! Касталиус, вот тебе возможность отличиться: если ты сейчас развеешь

это кисейное облако, Табареш покажет нам свою корму!

— Я не колдун! — горделиво произнес жрец. — Все, что я могу, это священные гимны...

— Так читай же их! — нетерпеливо сказал, будто выплюнул, Хорса, стараясь не сбить дыхание: долгая гребля в таком ритме утомляла даже его. — Митра и Виттигис мне свидетели, я испытаю все, чтобы сегодня победить!

Касталиус медленно воздел левую руку и, обратившись в сторону призрака, нос коего уже виделся им снизу вверх, приступил — вполголоса — к чтению нараспев.

Ей жертву приносил мощный воин.

Искусный наездник

И просил даровать ему силу

Колесницами править

И телесное здоровье.

Врага издали высмотреть.

Ненавистника одолеть.

Недруга сразить единым ударом.

Едва дошел он до этих строк, нос бесплотного хараса навис над лодкой. Хорса сделал еще один гребок и приготовился инстинктивно к удару: так по-настоящему, несмотря на свою невесомость, выглядел призрак! Корпус парусника коснулся кормы яла прямо за спиной Тэн И... И растаял как легкий дым, не оставив следа!

Удивлены были все, а больше всех, пожалуй, сам Касталиус. Он так и остался стоять, оторопело глядя туда, где только что был корабль,

— Касталиус! Мнится мне, что Бейдиганд Справедливый не сможет упрекнуть тебя ни в малодушии, ни в безверии! — ободрил клирика Хорса. — Заклинания твои были искусны!

— Да, это так, — изрек Касталиус, пытаясь погладить отсутствующую ныне бороду. — Но и мне думается кое-что. Силой священного гимна я сокрушил одно из видений колдуна, но ныне сам колдун подступит ко мне, и что затем?

— Это мы еще посмотрим, — обнадеживающе заявил гандер. — Пока что там начинают браниться, — кивнул он в сторону саэты.

И действительно, стоявший на носу человек обращался к кому-то внизу и согласия меж сторонами не было.

Сквозь туман и темноту виделся некто высокий, широкоплечий, в капюшоне, несмотря на отсутствие ветра и дождя, куртке из хорошей кожи, моряцких штанах из плотной парусины и сапогах, немного не достающих до колеи. Мужчина говорил по-зингарски мощным, раскатистым и грубоватым голосом, уже не беспокоясь, что его могут услышать с воды или с другого корабля.

— С каких это пор вы стали трусливыми, как шемитские купцы? Подумаешь, эка невидалъ — Бейдиганд Справедливый! Когда мы последний раз уносили ноги? Кто-нибудь из вас еще помнит такое?

С палубы раздалось несколько возмущенных воплей.

— Ага! Ты, Алвеш, и ты, Корпена, остальных я невижу отсюда! Да, тогда Фрашку-старший начистил нам зад, и что с ним теперь?! Его давно сожрали рыбы где-то на закат от Барахас, и ни он, ни Бейдиганд в своей захудалой посудине, ни Бел, ни старый дурак

Освальдо, ни сам Митра не помогут Гонзало уйти от меня! Завтра вы будете рядиться в парчу и атлас аргосских градоначальников и спать с их герцогинями, как с портовыми девками! Эй, там, на руле! Фасулос! Держись за этой лодкой! Сейчас я посмотрю, что это за призраки! Сдается мне, что это самозванцы!

— Табареш, не делай этого! Я тебе говорю! — Сиплый голос принадлежал, очевидно, уроженцу Барахас. — Однажды меня чуть не сожрали рыбы, когда нас разбило об эти поганые скалы, которых больше никто и никогда не находил, а в другой раз этот аргосский демон — Сотти, сдохнуть ему в бочке с нечистотами! — чуть не выпустил мне кишки! И оба раза мы видели этого жреца!

— Заткнись, Таско! Ты всегда был спрутовой отрыжкой, ею и останешься! Любая рыба, даже акула, как она ни прожорлива, поперхнется таким деръемом, как ты! Пусть все, у кого трясеются зад при виде этого облезлого старика и двух наряженных под воинов холуев, сойдут в трюм, а Табарешу хватит и пятерых, чтобы пустить ко дну этого святошу! Правильно мне сказал Стигиец: «Митрианец столь заботится о спасении души, что необходимо помочь ему избавить ее от оков плоти». Вот этим я и займусь!

При слове «Стигиец» — а это, по всей видимости, была чья-то кличка — толпа моряков охнула и, судя по глухому ропоту и невнятной ругани, стала разделяться на трусов и сорвиголов.

— Он ни разу не упомянул второй харас, — заметил Тэн И. — Значит, это тоже видение.

Хорса взглянул на дальний от них корабль: тот шел ровно, поворяя маневры ведущего. Паруса его шевелились под ветром, но как-то мертвенно, неправдиво. Без сомнения, корабль не был настоящим.

Но усталость брала свое. Как ни вынослив был Хорса, но состязаться в ходе с парусником для гребного яла было делом безнадежным. Черно-красная змея саэты, не смущаясь мелкой зыбию, с легкостью пронизала прозрачные волны, кажущиеся в ночи нереальными, будто стоячими.

Фасулос — или кто там стоял на руле у корсаров — сумел-таки вопреки ухищрениям кхитайца зайти ялу в след, и теперь гонка становилась похожей на бегство муравья от слона.

— Я прочту еще гимн! — вдохновился Касталиус. — Тот, кто чернит имя Митры и глумится над самыми святыми канонами веры нашей, да будет покаран и низвергнут и да не устоит перед священными песнопениями!

И жрец, исполнившись достоинства и праведного гнева, вновь принялся декламировать нараспев. Вид его был суров и являл собой истинное воплощение небесной справедливости, обличающей деяния непотребные и богопротивные.

Да, у виновного потухнет свет,
И не заблещет пламя его огня;
Сияние померкнет в шатре его.
И светильник его угаснет над ним!
Сократятся силы его,
От своего же умысла он падет;
Запутается в сеть его нога.
И по тенетам — его путь;
Вервие за пяту схватит его.
И петля уловит его;

Разложены по земле силки на него
И по дороге — на него западни!

На носу саэты, за свою эмейподобность и раскраску называемой на всем Океане «Аспидом», происходили вещи удивительные и неприятные. Табареш наконец развернулся лицом к преследуемым. Капюшон был надвинут на самые глаза, так что лба и бровей видно не было. Глазища у корсара были большие и непроглядно, матово черные. Он испытывал взглядом Касталиуса, стоящего против него в яле на расстоянии полулиги, но воля жреца была непреклонна: он легко выдерживал этот немой поединок, и, похоже, у Табареша возникли сомнения по поводу истинной природы явившегося невесть откуда в глухую туманную полночь челна с тремя людьми на борту.

Крупный, тонкий, с изломом нос, узкие скулы, большой алчный рот, полные губы и кустистая черная борода — усов Табареш не носил — таков был облик легендарного пирата. А на шее у капитана саэты висел амулет в виде двух переплетенных золотых эмей. Неспроста только что прозвучало слово «Стигиец».

Двое молодых моряков втащили на нос тлеющую багровыми угольями небольшую бронзовую жаровню и поспешили удалиться.

Табареш, погладив змейку на амулете, порылся у себя за пазухой и вытащил оттуда некий сосуд — не то флягу, не то флакон с благовониями. Затем он простер руки над жаром, что-то проговорил и плеснул жидкости из флакона прямо в угли. Заклубился густой разноцветный пар, скрыв на миг жаровню, а потом рядом с капитаном — их разделяла жаровня — появился некто в человечьем обличье, но было ясно, что тот, кто приходит из колдовского пара посредством заклинаний, не может быть рожденным женой от мужа.

Это был мужчина, ростом не уступавший Табарешу. Явившийся из цветного пара отличался стройностью и прекрасным телосложением. Облачен он был в белые тонкие полотняные одежды, что-то вроде длинной, до колен, туники с косым подолом, в черный плащ, заколотый на правом плече золотой фибулой, узор которой, выполненный скорее всего сканью, был столь тонок и витиеват, что разобрать его было затруднительно. Лицо у пришельца было худое, узкое, как сабля, желтоватое, с острыми, будто выполненными резцом каменотеса чертами и тонкими бескровными губами. Маленький прямой рот и приподнятый узкий подбородок придавали лицу выражение надменности. Темные холодные глаза имели явно удлиненный, но не узкий, как у гирканцев, а скорее миндалевидный разрез. Брови были тонки, виски немного вдавлены, лоб высок. Черные и прямые жесткие смоляные волосы едва не достигали плеч. Длинные, тонкие и ловкие пальцы его были унизаны сверкающими перстнями. Обут он был в мягкие кожаные сандалии.

Пришедший, не произнеся ни слова, следя жесту Табареша, взорвался на плывущий впереди саэты ял, его экипаж и в особенности на Касталиуса.

Мгновение длился поединок взглядов, а затем сухие губы демона сложились в недобрую высокомерную усмешку, а глаза вспыхнули льдистым блеском.

«Стигиец! — подумал Тэн И. — Вот уж воистину меткое прозвище!»

О стигийских магах все были наслышаны премного, некоторые из зрели воочию, кто-то сподобился повстречаться с ними близко, а вот король Конан и, следственно, многие из его ближайшего окружения посвятили общению с ними значительную часть своей жизни.

Немудрено, что матросы «Аспида», хоть и попривыкли, наверно, к магии капитана,

держались от него во время колдовства подальше, а свое отношение к таинственному и, судя по количеству украшений, злобному и жадному Стигийцу перенесли на всех прочих призраков, не исключая Бейдиганда Справедливого. Не радовались и сидевшие в яле.

Только Касталиус то ли не вполне понимал всю серьезность положения, то ли так уверился в силе духовных песнопений, что и стигийский демон казался ему теперь нипочем.

Но, как оказалось, жрец прекрасно все осознавал и был куда внимательнее главного королевского поверенного и лучшего королевского слуги вместе взятых.

Резкий и насмешливый металлический голос Стигийца распорол зловещую тишину, как острый обсидиановый нож разрезает гнилую холстину:

— Это не духи, Табареш! Это даже не Бейдиганд Справедливый! Это обычные люди. Ты можешь раздавить их челн, как ореховую скорлупу.

— Они в мгновение ока развеяли по ветру один мой харас, хотя я возился с ним сутки напролет! — прорычал в ответ Табареш. — Или каждый тупой купец может теперь делать так?!

— Нет, — отвечал Стигиец. — Пусть жрец и сумел сделать прежде ему недоступное, но твоему кораблю из крепкого живого дерева и холодного железа он не страшен. Иди же вперед и убей, а я помогу тебе! У жреца — того, что стоит с посохом, — красивый серебряный змей на толстой цепи. И я чувствую запах золота!

— Фасулос! — взревел, оборотясь к корме, Табареш. — Держи взятый курс! А вы, бездельники и трусы, несите абордажные крюки! Мы выловим вашего Бейдиганда из его челна, как сонную рыбу из бочки! Все призраки океана будут падать ниц при встрече со мной!

И Табареш уставился на беглецов взглядом не менее жадным, чем взирал на них безумный демон. Саэта на полных парусах настигала ял, но Хорса продолжал работать веслами по-прежнему плавно и размеренно, словно еще надеялся на что-то.

— Месьор Касталиус, — обратился к жрецу Тэн И. — Не соблаговолите ли вы прочесть еще один гимн? Думаю, ныне это не будет излишним...

— Прочту, — ответствовал жрец, и глаза его блеснули. — И это отнюдь не кажется мне излишним! Посмотрите, сколь переменился океан!

И вправду, со стороны открытого океана покатились, поглощая суетную мелкую рябь, пологие длинные волны. Где-то вверху переменился ветер, и тучи теперь отступали в спешном порядке обратно, к возвышенностям пущи. А со стороны моря шли на смену им другие, более плотные и тяжелые. Туман тоже потек каким-то образом в сторону побережья, и из-за его змеистых волокон с моря надвигалось нечто угрюмое, грозное и страшное, гораздо страшнее призрачных харасов — магических опытов Табареша.

А капитан «Аспида» не замечал ничего и лишь покрикивал на своих людей, которым по этой причине тоже недосуг было смотреть, что же творится эа кормой. Те же, кто из суеверия не принял участия в погоне, уже спустились в трюм.

— Нам-то какая польза от этой перемены? Утонем вместе с Табарешем, или нас тоже слопает гигантский фаститоколон? — осведомился гандер, не переставая, однако, грести, хотя все тело ныло от постоянного напряжения и усталости.

— Если Митра и допускает причиненное последователям его зло, то лишь для общей пользы добра, — назидательно произнес Касталиус и снова, задрав гордо голову, принялся высматривать что-то мористее их преследователей. — Нам же пока не на что жаловаться, — добавил он по-простому. — Кажется, там еще один корабль!

Тэн И, отличавшийся острым зрением вообще, а особенно в потемках — в силу опыта многолетнего обитания в подземных храмах Кхитая, — обернулся, оторвавшись на несколько мгновений от руля.

— Это гаула! — определил он. — Но откуда? Их уже давно не строят!

Это не просто гаула! — севшим внезапно голосом вытолкнул из себя Касталиус. — Это гаула Освальдо... Освальдо Седого!

— Не ночь, а шествие призраков! — нервно хохотнул Хорса. — Вот бы Освальдо оказался более реален, чем фокусы Табареша!

В ответ на это с океана донеслась песня, и пели ее уж точно не на «Аспиде».

Трепещет лазоревый парус.
Гаула как чайка быстра.
Как буря страшна наша ярость,
Ведь смерть — нам родная сестра!

— А они правы, — раздумчиво проговорил Касталиус. — Парус у них действительно лазоревый. А ярости Освальдо было не занимать! Весь Океан боялся Ригелло, а Ригелло, как тунец от акулы, бегал от Освальдо! Так говорят летописи.

Речи жреца были прерваны шумом, поднявшимся на пиратском корабле. Похоже, команда, какие бы отъявленные головорезы там ни собирались, решила взбунтоваться, не смущаясь присутствием страшноватого Стигийца. Еще бы: пятидневный ураган, потом Бейдиганд Справедливый, одними лишь песнопениями в дым раззывающий все чары капитана Табареша, жадный и жестокий дух — Стигиец и, наконец, сам Освальдо Седой, да как раз с той самой песней, от звуков которой содрогалось когда-то море.

— Табареш, послушай, там Освальдо Седой! Хватит с нас твоей магии! Пусть эти шемиты берут себе все свое золото! Поворачивай назад!

— Таско! Если ты не заткнешь сей же час глотку, — пророкотал капитан, — я сам ее тебе заткну! По курсу у них Бейдиганд Справедливый, позади — Освальдо! Меньше пейте аргосского на ночь!

— А поет по-твоему кто? А, Табареш?! — Голос по мощи не уступал голосу капитана и принадлежал явно уверенному в своей неприкосновенности человеку. — Мой тебе совет: возьми на полночь и выкинь за борт свою стигийскую мумию!

— Алвеш, ты старый, выживший из ума болван! Шемиты сожгут наш корабль при первой возможности: у них хватит золота купить самого Сета, не то что эскадру с Барахас! А стигийцы сожгут его и так: ты что, забыл, какая буря притащила нас в эту дыру!

— Пусть лучше мне вспорет живот зингарский гвардеец, чем призрак выдерет из меня душу и сожрет на моих глазах! Пройдись на корму и посмотри сам, коли ты оглох и не слышишь песни Освальдо! Фасулос, приготовиться к повороту!

Похоже, умудренный опытом Алвеш, проплававший с Табарешем полжизни, был на саэте бессменным боцманом и тем единственным, кто не боялся капитана.

— Они поворачивают! — возликовал Касталиус. И было отчего, ведь саэту и ял разделяли уже каких-то четверть лиги.

— Погоди радоваться, Касталиус, — ухмыльнулся Хорса, не переставая грести. — Они еще но одинажды могут повернуть обратно!

А песня набирала силу. Слитный хор мужских голосов заунывно, но с уверенной злой силой тянул старинный мотив, пришедший из тех славных времен, когда саэты и харасы еще не пришли на смену гребным галерам и гаулам. И слушать песню эту было жутко, ибо пришла она с Серых Равнин, откуда пришли и те, кто ее пел.

— Стигиец, — обратился Табареш к демону, равнодушно наблюдавшему его перепалку с командой. — Убей его! Мне надоел этот старый болван! Он знает обо мне слишком много и совсем перестал меня бояться. Ты получишь много золота, когда мы настигнем «Полночную звезду»!

«Так вот оно что! — подумал Хорса. — Оказывается, великий Табареш, коего так все боятся, стал личиной при своем демоне! Так он протянет недолго!»

Дух взглянул на пирата, оставленного командой, и темно-карие бездонные глаза Стигийца впились в капитана, как две отравленные иглы.

— Нет, — изрек дух. — Там, эа кормой, настоящий Освальдо Седой. Все золото «Полночной звезды» не стоит того, чтобы я скитался над морем, как этот туман. И как скоро будете скитаться вы все. Тебе не повезло, Табареш. Ты оскорбил его.

— Кого?! — выкрикнул недоумевающий Табареш.

— Освальдо Седого. Его покарали за жадность, тебя покарает он — за гордыню. А я не уподоблюсь ни тебе, ни ему. Я ухожу, Табареш. Над тобой простерто крыло смерти, и власть твоя надо мной кончается. Помни, что хоть часть твоего золота осталась у меня, а, значит, не пропала даром.

Стигиец говорил все это прежним ледяным голосом, будто и не предсказывал своему бывшему хозяину жуткую гибель.

— Стой, кусок мертвчины! — рявкнул пират. — Не я ли вытащил тебя из небытия! Иди и убей, иначе...

— Иначе не будет, — произнес дух. — Я ухожу. Поспеши на корму. Освальдо Седой — захватывающее зрелище.

Капитан, не говоря ни слова, выхватил длинный нож и замахнулся на Стигийца... Но поздно! Только догорающая жаровня бросала багровые отсветы в ставший еще более густым ночной мрак, подсвечивая белесый туман.

— Проклятье! — выругался Табареш и в ярости сорвал с головы капюшон. Пират оказался плешив: густые черные волосы обрамляли аккуратный купол девственной лысины. — Эй, там, на корме! Фасулос! Алвеш! Я выгнал Стигийца, Нергал вас всех сожри! Что у нас за кормой!

— Пропади ты пропадом, колдун! — услышал он ответ Алвеша. — Теперь за нами пришли! Но уж я-то продырявлю тебя первым!

Прозвенела тетива, и Табареш, схватившись рукой за грудь, рухнул навзничь на настил. В сердце торчала длинная стрела.

— Тэн И, у тебя с собой арбалет? — живо поинтересовался Хорса, — Как бы нам не получить напоследок такие же.

— Не этого следует опасаться! — вместо кхитайца ответил Касталиус. — Если вы помните гимны и молитвы, то читайте и молитесь, и да спасет нас Митра! То, что пришло с моря, чернее самой ненастной ночи.

— Ты еще мало знаешь про темноту, — глухо ответил Хорса. — Ты не был в пещерах Служителей Бездны. Гимны я знаю, а Тэн И знает их не хуже тебя. Только сядь прежде к рулю, а месьору Тэн И позволь помочь мне на веслах.

А песня приближалась неотвратимо и неостановимо. Призрак гаулы — по три десятка весел с каждого борта — под широким треугольным парусом лазоревого цвета — цвета моря, и это было заметно даже сейчас — с невиданной быстротой настигал саэту, тщетно пытающуюся уйти на полночь.

Невеста вам — вечное море.
Нам волны — девичьи уста.
Как мачта крепка наша воля
И совесть как парус чиста

На носу гаулы стоял седой коренастый мужчина. Его длинные волосы были гладко зачесаны назад и собраны в косицу, перехваченную шнурком. Лицом он и вправду напоминал Гонзало — такой же большой и скрюченный нос, презрительно-насмешливые тонкие подвижные губы, худые впалые щеки, выпуклые виски, неисчезающие морщины на широком лбу, твердый, слегка раздвоенный подбородок.

Одет капитан-призрак был все же побогаче Гонзало, а может, он так вырядился ради особого случая? Ослепительно белая рубаха, зеленые штаны, сапоги с отворотами до колен, медные шпоры, широкий красный кушак и синий камзол с золотыми пуговицами и огромными красными обшлагами. Блестящая тонкая и длинная ламира с витиевато исполненной гардой и столь же изысканной рукоятью пока смотрела смертоносным острием вниз. Пустые ввалившиеся глаза призрака щурились, и вокруг них расползлась сетка мелких морщин.

Гаула, с легкостью догнав стремящуюся на всех парусах на полночь саэту, поравнялась с ней и пошла борт к борту. Обнаженные по пояс гребцы сосредоточенно работали веслами, и загорелые спины их блестели от пота, словно палящее солнце стояло в зените, а не лежала кругом глухая пасмурная ночь. А над гребцами вдоль борта выстроились те, кто должен был идти на абордаж. Они могли быть кем угодно, но только не бесплотными видениями, и сталь их палашей льдисто мерцала, скалясь нестареющими хищными клыками, как оскал их смеющихся ртов. И все, кто осмелился оставаться в этот час на верхней палубе саэты, знали, за кем будет верх в этом абордажном бою. Но седой капитан медлил.

Но вот он поднял левую руку, и песня смолкла. Поворотясь в сторону «Аспида» и подойдя к борту, Освальдо позвал:

— Табареш! Если ты не совсем потерял свою удачу, принимай бой!

Ответом было молчание. Табареш лежал на носу, раскинув руки и не шевелясь.

— Он не сможет ответить тебе, Освальдо! — решился перечить призраку Алвеш, невысокий крепыш с черными пока что волосами, обладатель роскошных длинных усов. — Оставь нас! Я убил его!

— Ты не знаешь, о чем говоришь! — оборвал его Седой. — Или ты надеялся убить демона простой стрелой? Вставай, Табареш, и отвечай за свои слова!

К пущему ужасу моряков саэты, недвижный дотоле труп дернулся, шевельнул пальцами, потом оперся на руки и сел, дико озираясь вокруг.

— Оставь нас, Освальдо! — не отступался Алвеш. — Возьми его, если он досадил тебе словом или делом! Пусть демоны судят демонов, а живые — живых!

— Живые?! — насмешливо спросил Освальдо. — С тех пор как стигийский мертвец

ступил на палубу этого судна, вы трупы — все до единого! Вы слуги его и его Хозяина. Каждая озза золота в ваших карманах тянула на оэзу вашей души, и наконец золото перевесило. Вы — мешки с золотом! Ты зря так пекся о своей душе, Таско! Ее давно нет! Сегодня вы падете под нашими клинками и встанете нам на смену, а мы уйдем на Серые Равнины и больше не потревожим прах земли. С Табарешем же я буду говорить сам!

Освальдо выбросил вперед правую руку с ламирой и коротко скомандовал:

— На абордаж!

Что происходило на «Аспиде» дальше, ни Хорса, ни Тэн И, ни Касталиус уже не видели. Черное облако опустилось на сцепленные мостиками-claveами корабли, и только на носу гаулы рубились жестоко и беспощадно два капитана. Стигиец согнал Табарешу. Он не мог покинуть саэту, но и гибнуть в небытии не желал. Как только капитан пал мертвым, дух вселился в его тело, надеясь избежать своей участи. Но обмануть Освальдо Седого было невозможно!

Ничего этого, экипаж маленького яла не знал. Последнее, что видели они, это ламиру, пошедшую на треть в грудь того, кто был недавно Табарешем. Сей же миг на палубные доски рухнуло тело капитана «Аспида», а разящий металл клинка оказался воткнутым в жилистую плоть Стигийца. Руки духа, тянувшиеся к горлу Освальдо, бессильно упали, и тут же демон стал таять, как быстро сгорающая свеча. Золотые перстни посыпались с исчезающих пальцев, яркимиискрами вспыхивая при падении.

Когда же тело Стигийца истлело до конца и лишь пустая одежда осталась висеть на ламире легендарного corsара, черный мрак, объявший суда, распорола ослепительная молния. Вой, подобный вою тысячи духов, вырвался на волю и полетел в пустынное пространство океана. Оглушительный громовой раскат потряс небесную твердь. Неистовый вихрь разметал в клочья черное облако и поднял на высоту семи локтей гигантский вал, покатив его на берег. Из туч хлынул сплошной молотящий ливень, скрывший за своей стеной все то, что осталось от «Аспида» и гаулы-призрака. Казалось, повторяется картина пятидневной давности, однако ныне было иное. Тогда злобствовал колдовской шторм, туманя разум и угнетая душу. Нынешний шквал был очистительным.

Ворвань в фонаре вспыхнула в последний раз и потухла, залитая водой. Синий платок сдуло безвозвратно в море. Впрочем, это никого уже не заботило.

— Держи против волны! — заорал Хорса жрецу. — Если ты встанешь к нему бортом...

— Упаси тебя Митра Пресветлый подумать и сказать такое! — ответствовал скороговоркой Касталиус и продолжил истово шептать молитвы.

Тэн И промолчал, но Хорса знал, что кхитаец тоже молится, не произнося ни слова вслух. Тем не менее губы его чуть заметно шевелились.

Налегая на весла что есть мочи, ближайшие приближенные аквилонского монарха — замерзшие, голодные, вымокшие до нитки — пытались перевалить за пенящийся где-то почти над головой гребень, чтобы не оказаться ни накрытыми неподъемной массой воды, ни увлеченными ею на каменистый берег. Думалось, что людям не под силу совершил подобное, но внезапно, когда, казалось, ял уже опрокидывался кверху килем, какая-то неведомая могучая длань толкнула его вперед.

Перепрыгнув через верхушку волны, пронзив завесу из белой шипящей пены, лодка, разом лишившись весла, полетела в глубину черной разверстой пучины...

Глава III

Едва забрезжил рассвет, путники собирались в дорогу. Вперед послали Полагмара и Майлдафа — посмотреть, не поджидают ли их пикты при выходе из скал. Впрочем, пиктов сейчас не опасались. После битвы с тургартом, шквала с грозой, степного пожара пикты скорее всего не отправились бы с первыми лучами солнца на боевую вылазку, что и подтвердили вернувшиеся разведчики. У народа пуши было в запасе время, чтобы настичь и убить дерзких прищельцев. Ускользнуть тем было некуда, до любой границы было не меньше седмицы пути, а гонцы и барабаны пиктов передавали вести с огромной скоростью от селения к селению, от клана к клану.

Волки к рассвету поутихли, но, едва взошло солнце, затеяли настоящие переговоры. Вой слышался то с одной, то с другой стороны, при этом ни разу ни один волк не перебил другого. Ни одного волка люди пока не видели. Звери искусно прятались в камнях, щелях и им одним известных норах.

— Как будто разговаривают, — высказал наконец общее впечатление Родригес-младший.

— А они разговаривают, — без тени насмешки объявил Полагмар.

— Несомненно, — поддержал барона Майлдаф.

— Интересно, о чем? — Молодой зингарец захотел узнать побольше.

— О том, кого из нас сожрать первым, — мрачно пошутил Алфонсо.

— Вовсе нет, — все так же серьезно возразил гандер.

— Так ты знаешь, о чем они воют? — загорелся Евсевий.

— Точно не поручусь, так же как и ты за писания гномов, — с прежним спокойствием пояснил барон, — но по сути все ясно.

— Ну так поведай нам, вдруг это важно. — Сотти никак не желал верить, что это не розыгрыш.

— Итак, — с важным достоинством начал Полагмар, — волки, как и люди, живут там, где им лучше, по крайней мере, стараются поступать так. В Гандерланде они в конце весны поднимаются в горы, потому что к этому времени там вырастает сочная и густая трава и олени уходят на верховые леса и луга, а олени — главная еда волков из крупной дичи. Полевые мыши также выходят из нор и успевают достаточно размножиться. А по осени волки вслед за оленями возвращаются в долины и тогда не брезгуют напасть на скот. Летом они тоже таскают овец, но летом это не так заметно.

— А они всегда идут в таком количестве? — осведомился Евсевий.

— Нет, довольно редко. Обычно семьями, но случается и так. А поскольку каждая волчья семья живет на своей земле, то все остальные как бы приходят к ним в гости, но прежде спрашивают разрешения. А еще они советуются, как идти дальше, или приглашают других идти с собой. Вот об этом они сейчас и говорят.

— И когда же планируется выход и почему именно здесь? — не отставал от Полагмара Сотти, стараясь найти брешь в теоретических построениях барона по поводу волчьего языка.

— А они идут вместе с нами, — обрадовал всех барон. — А здесь, потому что пикты не заходят в скалы и вообще не охотятся вдоль ручья. Он у них священный, а значит, и добычу у волков не отнимают. В скалах волки со всей округи собираются и уходят наверх. Нам повезло. Мы попали сюда как раз о такой день.

— Это они тоже тебе сказали, месьор? — выговорил ошарашенный Деггу.

— Нет, об этом я уже и сам догадался, — высокомерно изрек Полагмар. — Не так уж трудно.

— А у меня есть мысль, — изрек вдруг примолкший было Майлдаф.

— Неужели? Весьма, весьма отрадно, — съязвил Арриго.

— Она такова, — не обращая внимания, продолжал Бриан. — Конана среди нас нет, но проводник нам нужен. Проводника берут обыкновенно из местных, как, например, когда-то меня.

— Как же, помню, — заметил Евсевий. — До сих пор аукается.

— Здесь проводника не добудешь. Не вижу причины, отчего бы не использовать волков. Они не хуже Конана знают, куда надо идти.

— А ведь это занятно. — Евсевий поскреб бороду, что он делал только в случаях необычайно важных. — Пожалуй, от реки нам уходить не стоит — в лодках посуху не пройдешь, а пешком заблудимся — да и подземный город нам на руку: в развалины пикты не полезут, а нам — не впервые. А вот пока мы туда доберемся, нам лучше быть в сопровождении волков. К ним пикты не подступятся. Им тоже жить охота, а с такими стрелами я бы на волка не пошел.

Рассуждения Евсевия были признаны разумными и приняты как руководство к действию, поскольку ничего лучшего никто придумать не сумел.

Взялись за весла, и скалы медленно поплыли назад: в извилистой протоке сильно разгонять вельбер не было смысла.

Когда лодки проходили мимо странного рисунка на стене, Майлдаф, опережая предупредительное восклицание Деггу, неожиданно вскочил на ноги, едва не опрокинув челн.

— Евсевий! Ты посмотри! Я же говорил, что город построили паки! Твои гномы остались на Севере, в Граскаале. На закате их нет, это мне король рассказывал.

— Митра Солнцезарный! — проговорил Евсевий. — Так вот откуда они явились!

— Кто? Какие, в конце концов, паки? Я о них уже в третий раз слышу. Куда явились? — занервничал Арриго. — Я не понимаю вас, месьоры, Положительно не понимаю!

— Паки — это вроде гномов, только поменьше и поглупее, оттого и не такие вредные, — доходчиво разъяснил Бриан. — Живут у нас в Темре, только в горах. Я многих лично знаю. Шумный народец, но гостеприимный. А что хотел сказать друг Евсевий, этого я и сам не понимаю.

— Хочу лишь то сказать тебе, Майлдаф преславный, что паки те из сих краев явились в Темру, когда их силою своей изгнали гномы из сих земель, куда пришли позднее, от восхода.

Импровизация получилась неплохая, но по достоинству ее оценили только Сотти да Конти. Горец, привыкший к подобным выходкам ученого, не стал ничего говорить, предпочитая подождать более простого объяснения.

Прочие сидели раскрыв рты, и только Алфонсо мрачно заметил:

— Мне грести, или будем стоять на месте?

— Погоди, любезный, — попросил аквилонец. Он вновь поскреб в бороде, взирая на рисунок. Прошло несколько долгих мгновений.

— Поплыли, — выдохнул Евсевий. На губах его опять играла хитрая улыбка.

Изъяснитесь же наконец, — чуть не взмолился Арриго.

Изъясняюсь, — покровительственно молвил Евсевий, взявшись за весла. — Паки пришли в эти места раньше гномов, хотя они наверняка некогда были одним народом. Это

было пять тысяч лет назад. Может, лет на пятьсот раньше или позже, но пять тысяч лет назад паки тут жили. Это я вижу по луне и звездам, нарисованным на скале. Звезды не всегда располагались так, как сейчас. Они тоже движутся, только очень медленно. Это заметили атланты, а потом кхитайцы, так что я не фантазирую. Так, как нарисовано на скале, звезды стояли пять тысяч лет назад. Паки нарисовали здесь свою огненную пирамиду, а затем гномы изгнали их, и они ушли к горе Дол Улад, то есть Седой.

— Очень интересно, — пробурчал Арриго. — А нам-то от этого какая польза?

Если бы руки у Евсевия не были заняты веслами, он бы красноречиво развел их в стороны.

— А чтобы знать, — ответил за ученого Майлдаф. И ответ был достоин вопроса.

Скалы кончились, и охранное колдовство паков и гномов снова уступило первозданной мощи пиктского леса.

Ручей извивался змеей, делая в чаще длинные меандры. Кое-где упрямая вода размывала твердую породу, и тогда в плотным строе деревьев виднелся просвет.

Пиктов не было видно. Зато показались волки. Это были красивые и крупные звери, и даже барон Полагмар — признанный теперь всеми знаток волчьей природы — и Бриан Майлдаф никогда не видели столько больших волков сразу. По словам барона, это была несколько иная порода, чем волки севера. Помимо размеров они отличались более широким лбом, широкой пастью, светлой серебристой шерстью и общей тяжеловесностью, что не мешало им двигаться ловко и проворно. В этом пловцы смогли вскоре убедиться еще раз.

Здоровенный волчище зашел в ручей и водил над водой носом, не обращая никакого внимания на людей. Внезапно зверь рванулся всем телом вверх по течению, словно гнал кого-то. Так и оказалось. Через мгновение в зубах у волка трепыхалась увесистая блестящая рыбина.

Волки точно знали, где следует подниматься в горы. Олени, кабаны, лоси, косули всех видов и расцветок огромными стадами текли вверх. Живой поток во много раз превосходил мощью небольшую речку, качавшую лодку на медленных мелких волнах. Такое изобилие было немедленно использовано. Майлдаф и Евсевий легко подстрелили оленя, а на рыбу, кроме самых сообразительных волков, иных претендентов и вовсе не отыскалось.

На второй день пути начался медленный, но уже заметный глазу подъем. Течение немного убыстроилось, но не настолько, чтобы как-то затруднить греблю. Мягкая красновато-бурая почва сменилась желто-коричневой. Все больше попадалось крупных валунов и глины. Берега перестали быть низкими и плоскими, временами взбираясь на невысокие обрывы.

Никто не верил, что весь поход к таинственным пещерам в горах так и пройдет в обстановке идиллии. Пиктов ждали за каждым поворотом. Костер разводили небольшой, благо в лесу было куда теплее, чем в ветреных скалах, и прятали огонь в ямку. Для пущей безопасности в каждом вельбере кто-нибудь один временно освобождался от гребли, выполняя роль впередсмотрящего. Разговаривать старались как можно тише, а то и вообще молчали. Только барон Полагмар и Евсевий оставались невозмутимыми. Гандер не переставал восторгаться богатством здешних охотничьих угодий, уповая на то, что по поведению зверей и птиц сумеет предугадать расположение пиктской засады. Тарантиец переживал отсутствие пергамента, но тренированная память надежно запечатлевала все, что только встречалось на пути примечательного. Чертеж Евсевий делал на светлой гладкой коре неизвестного дерева, напоминающей бересту, но гораздо более гладкой и лишенной черных осин.

Бестревожно минул и третий день пути, и сменившая его ночь. К полудню четвертого дня характер местности значительно изменился. Зеленые холмы уступили место каменистым осыпям и угрюмым гранитным взлобьям. Обрывы правого берега поднимались уже на высоту семи локтей, обнажая глинистые корявые корни росших над кручей деревьев. Гигантские стволы с широкими листьями, лианы, пышные кустарники и диковинные цветы, похожие на те, что растут в джунглях Черных Королевств, сменились мелколиственными, пусть менее массивными, но более гибкими и стойкими породами.

Здесь нагорье поднималось вверх, и самый крутой участок подъема им еще предстоял. Ураганные океанские ветры взбирались по этому склону вверх, прилизывая и утюжа каждую былинку. Выживали только наиболее гибкие и цепкие. Великаны вроде гинкго, куда взбирался на берегу Деггу, здесь были обречены. Но иа плоскогорье, на ровном пространстве, широколиственные породы вновь должны были почувствовать себя вольготно, хотя ждать встречи с теплолюбивыми цветами там не приходилось.

После полуденной трапезы и первых скадиев преодоленного расстояния впереди послышался шум переката. Воздух звенел от птичьих криков, по волки вместе со своей добычей куда-то исчезли, о чем Полагмар не замедлил всех оповестить.

— Перекат опасен еще и тем, что по таким местам проходят границы между кланами. Если здесь этот ручей почитают за священный, то в нескольких лигах вверх за него не дадут и гнилого плода, — предупредил Арриго.

— Тогда вперед, на разведку, — сделал справедливый вывод Майлдаф.

Выбрали место под корнями старой сосны на левом берегу, причалили, спрятали вельберы. Правый берег здесь не был слишком высок и крут, и Сотти с Полагмаром без труда переправились туда. Берег густо зарос папоротниками, а дальше поднимался холм, за которым дыбилась песчаная грива.

Вторую пару разведчиков составили, конечно, Майлдаф и Евсевий. Тащить с собой длинные боевые луки в густой чаще было неудобно, и они обошлись охотничими. Этот берег был ровнее, но дальше скатывался к юго-западу покатым спуском.

Должно быть, там был овраг или большая глубокая лощина.

Оставив Арриго и моряков вместе с Конти и Родригесами караулить лодки, Бриан с Евсевием углубились в лес. Сначала путь их лежал по ровному, едва поднимающемуся склону. За кустами жимолости и иных пород плескался ручей, вдоль берега коего, эти самые кусты старательно обходя, и пробирались двое приближенных его монаршего величества, который и сам ныне странствовал в одиночестве по неизведенным дебрям.

Обогнув очередную колючую заросль, тарантиец и горец оказались перед крутым откосом, уходящим на добрых десять локтей вверх. Переглянувшись, разведчики кивнули друг другу в знак понимания и двинулись вправо, прочь от потока, намереваясь одолеть подъем незаметно для тех, кто, возможно, поджидал их у переката.

Через двести с небольшим шагов откос резко повернул к востоку, а Майлдаф с Евсевием оказались перед дальнейшим спуском в ту самую лощину. Противоположный склон этой лощины находился не меньше чем в полулиге, а сама впадина заросла кустами и травами настолько, что они образовали единую плотную живую изгородь, прорваться сквозь которую мог разве только лось или медведь. Шерстистый тургарт, впрочем, тоже без труда переплыл бы это колючее море, но лес не был стихией этого зверя. Впереди, на востоке, лощина круто взбегала — почти упиралась в скальный выход. Но скалы здесь не стояли стеной, а громоздились друг на друга титаническими глыбами, самые мелкие из которых были

величиной с вендинского слона, а самые крупные могли равняться с угловой башней в стене тарантийского дворца.

Подниматься надо было здесь или, в противном случае, не подниматься вовсе. Пристально оглядевшись и едва не принюхавшись по-собачьи, Майлдаф махнул брезгливо рукой, что должно было означать: «Поднимаемся, пропади оно все пропадом!»

Подниматься по крутому склону и постоянно держать в поле зрения его гребень было нелегко, прячась за щедро рассыпанные валуны и тут и там торчащие кусточки, оскальзываясь на не вполне еще просохшей после трехдневной давности ливня глине.

Наверху их ждал сюрприз — развалины каменной стены сухой кладки. Камни были темны и стары. Возраст их не поддавался определению, но некогда стена составляла около трех человеческих ростов, как можно было судить по некоторым ее участкам. Толщина стены достигала четырех локтей. Камни давно покрыл мох и лишайник, трава проросла сквозь щели, вездесущая камнеломка разорвала гранитные оковы, но кладка была сделана на совесть: гранитные блоки были подогнаны друг к Другу без малейшего зазора, а где нужно и обтесаны.

Пробравшись сквозь пролом, Евсевий и Майлдаф спрыгнули в густой пыльный бурьян. И тут же нырнули в него с головой, благо трава была достаточно высокой, чтобы скрыть присевшего на корточки взрослого мужчину. Причиной столь поспешного отступления был пикт, вылезший навстречу хайборийцам из зарослей на противоположном краю небольшой поляны. К счастью, туземец передвигался каким-то странным способом — спиной вперед, поэтому и не заметил лазутчиков. По дальнейшему наблюдению выяснилось, что причиной сего необычного поведения дикаря являлась объемистая корзина, куда тот складывал крупные Иссиня-черные ягоды. Ягоды эти росли на низких кустах с широкими зелеными листьями в форме лодочки с мелкими зазубринками по краю, и, чтобы достать до ягод, приходилось сгибаться в три погибели и приподнимать лист. Лабы избавить себя и свою поясницу от утомительных движений, пикт ползал на коленках и тащил по земле корзину, наполненную уже до половины.

Пикт был так увлечен своим занятием, что даже не заметил, как сзади по-кошачьи подкрался некто большой и сильный, чью тень увидеть не удалось по причине полуденного солнца.

Майлдаф напал на дикаря сзади и сдавил ему горло так, что тот мог только с большим трудом проталкивать внутрь легких воздух, но в то же время и не задыхался до смерти, а Евсевий быстро острым кинжалом разжал пикту зубы, запихал в рот кляп и туто связал за спиной руки. Встряхнув пленника за шиворот, как котенка — он оказался на три четверти локтя ниже Майлдафа, — Бриан недвусмысленно толкнул его к пролому в стене. Видя внушительный меч на поясе горца и кинжал в руках Евсевия, пикт безропотно подчинился.

Захватив горсть ягод, Майлдаф думал было попробовать, но остерегся: яд от растений, когда им напитывали стрелы, действовал безотказно и быстро, в отличие от змеиного. Подталкивая разом обмякшего и понурого пикта острием кинжала, Евсевий погнал его впереди себя сначала под гору, а потом через лес к стоянке.

Возвратившихся горячо приветствовали, ибо ожидание длилось уже весьма долго. Гандер и Сотти пока не вернулись, что вызывало тревогу.

— А что мы будем делать с пленным, позвольте узнать? — поинтересовался Арриго. — Кто-нибудь из нас, кроме Конана, знает пиктский?

Бриан почесал в затылке, только сейчас сообразив, что об этом стоило подумать, прежде

чем бросаться сзади на первого попавшегося пикта.

— Ничего, — отмахнулся горец. — Если он не совсем тупой, мы ему быстро растолкуем, чего хотим. Вот и Евсевий у нас умный, он придумает.

В ответ Евсевий поморщился, но промолчал: он терпеть не мог, когда его называли умным человеком, ибо сам себя таковым не считал.

— Попробую объясниться с ним на языке рисунков, — с сомнением в голосе предположил Евсевий, — Если он захочет разговаривать.

— Захочет, — веско заявил мрачный Алфонсо, и по одному его виду было понятно: он знает, что говорит.

— Привяжите его к дереву и выньте кляп, — вздохнул Евсевий. — Времени у нас мало.

Пока все это выполняли, пикт слушался беспрекословно. Едва Алфонсо извлек изо рта пленника моток тряпок, засунутый в горячке схватки решительной десницей того же Евсевия, пикт ошарашил всех долгой, сбивчивой и проникновенной речью на непонятном языке.

— Евсевий, ты что-нибудь понял? — спросил, опомнившись, Майлдаф, когда пикт наконец-то умолк и теперь стоял и таращил на своих похитителей испуганно-угодливые карие глаза. Сам он был молод — не старше семнадцати лет, значительно ниже Майлдафа, но для пикта весьма рослый. Питался юноша, очевидно, неважко, ибо был худ, но крепкие мускулы рук и ног и широкая грудь свидетельствовали, что ему приходится выполнять постоянную физическую работу, причем не слишком легкую. Лицо у него было продолговатое, смуглое, виски выпуклые, длинные прямые черные волосы зачесаны назад и собраны в длинный хвост. Рот был маленький, губы тонкие, скулы узкие, щеки худые, нос большой, тонкий и горбящийся, а глаза сощуренные, хитрые. Краски ни на лице, ни на теле, прикрытом только чем-то вроде короткой юбки, не было, только на левой груди пребывала татуировка, изображавшая большого лесного паука.

— Хвала Митре! — просиял ученый.

— Ты что-то услышал в этой тарабарщине? — удивился Арриго.

— Конечно! — обрадованно изрек Евсевий. — Это шемитский, один из приморских диалектов. Очень исковерканный, надо сказать.

— Подожди, посмотрим еще, поймет ли он тебя. Наверно, он знает только, как говорить на шемитском неправильно, а как правильно — не знает, — скептически предположил Донато.

— Ты тоже не слишком правильно говоришь по-аргосски, но с месьором Сотти вы прекрасно друг друга понимаете, — парировал аквилонец и смерил Донато уничтожающим взглядом, после чего обратился к пикту с длинной речью.

— Зачем говорить так много? Ведь он же забудет, о чем спрашивалось вначале! — недоуменно заметил Бруно.

Но пикт, как ни странно, что-то ответил, а Евсевий кивал головой, подтверждая, что понимает его.

— Он говорит, что его зовут Одри, что значит «рыба». Но это не настоящее его имя, а прозвище. А имя свое он нам открыть не может, так как очень боится, что его услышат злые духи. Шемитскому же он научился понемногу, когда купцы оттуда приезжали на меновой торг. Они три раза в год приезжают сюда.

— Что же он тогда делает здесь? Украл, наверно, что-то, вот и наказали? — спросил Серхио.

Евсевий перевел, пикт залопотал что-то в ответ.

— Нет, его не наказали, — усмехнулся аквилонец. — Сейчас у него возраст посвящения в воины, и он проходит свое испытание. Здесь пролегает граница их клана и земли каких-то дионтов. Наверно, другой клан. Это очень опасный рубеж, и охранять его нелегко.

— Почему же он нам все это рассказывает? Если он готовится в воины, то он должен молчать, а не выбалтывать секреты! — сообразил принц Конти. — Мы ведь даже не начинали пытать его!

Евсевий опять перевел, тщательно подбирая выражения. Юноша понял, но отвечал без тени смущения...

— Это не считается у пиктов трусостью. Они полагают, что воин должен биться мечом, копьем и палицей, а не языком. К тому же никакой страшной тайны он не выдал. А по ручью, он говорит, нам все равно придется идти, потому что лодка не может пройти по суще, так что ни их кордона, ни заставы дионтов нам не миновать.

— Забавно! — осклабился Донато. — А если мы пригрозим ему смертью, он покажет нам обходной путь? А может, и грозить не стоит? Может, и это не считается у них трусостью?

— Нет, — покачал головой Евсевий, когда обменялся речами с привязанным к дереву пиктом. — Не покажет, потому что обходного пути нет. К северу лежат земли некоего горного клана, с которым у них всегда война. Горцы держат на замке все пути на плоскогорье, и потому дорогу туда он не знает. К югу местность совершенно непроходима из-за топей. Нам можно пройти только по ручью и одной заброшенной тропке сразу за лощиной, но ее тоже стерегут дионты.

— Хочу сказать от себя, что дионты — это, по всей видимости, не пикты, — добавил Евсевий. — Своих он называет «Дети Серого Отца», а дионтов так и зовет — дионтами.

— Так спроси у него, кто это такие, — посоветовал Майлдаф.

— Непременно, — кивнул Евсевий.

Только он начал переводить, как папоротники на правом берегу раздвинулись и оттуда выскочили один за другим Полагмар и Сотти. Оба были запыхавшиеся и крайне возбужденные.

— Скорее! — быстро заговорил гандер. — Есть надежда прорваться! Они там сражаются с кем-то. Пока возятся, можно проскочить. А это еще кто? — осекся он, только теперь заметив привязанного к дереву Одри.

— Это мы с Евсевием поймали, — небрежно бросил Майлдаф. — Его зовут Одри. Он нам сказал, что здесь тоже есть горцы.

— Замечательно, — кивнул Сотти. — Это его, наверно, пикты звали. Орали как оглашенные. У них, по-моему, маловато людей. Им будет не до нас.

Одри, видимо, сообразил, что дело неладно, и затараторил что-то, обращаясь к Евсевию. Тот любезно ответил.

Одри сделал большие глаза, задергался и опять обратился к Евсевию, умоляя о чем-то.

— Он просит, чтобы мы отпустили его воевать с дионтами, — поведал Евсевий.

— Пусть обещает, что ничего о нас не скажет и не будет в нас стрелять, тогда отпустим, — посоветовал Сотти, нимало, казалось, не смущенный тем, что пикт и Евсевий запросто беседуют.

— Доверять дикарю?! — возмутился Арриго. — Он продаст нас со всеми потрохами! Я был в пуще и знаю их нравы!

— Вы были на границе, военачальник, — заметил Сотти. — А продавать нас ему будет некогда.

— А если мы его не отпустим, то, боюсь, и некому. Драка идет нешуточная. И зачем он нам, живой или мертвый? И потом, пикты, конечно, врут, как и все люди, но они дети перед шемитами, на языке коих он объясняется. Знаете, какую Шем получает прибыль от этих походов?

— Не знаю и... — начал было военачальник.

— Напрасно, — холодно оборвал зингарца Сотти. — Полюбопытствуйте у Норонья, он вам, может, и ответит.

— Хватит рассуждать! — рассердился флегматичный гандер. — Или мы плывем, или нас перебьют пикты или эти... Словом, те, кто выживет!

— Плывем, почтеннейший!

Все обернулись. Майлдаф, скаля зубы, стоял с мечом в руках, а где-то, уже локтях в семидесяти, трещали кусты: Одри и след прости.

— Вельберы на воду! На весла! — скомандовал Серхио, мигом оценивший обстановку.

Боцман хоть и не был великим стратегом, но боев он на своем веку повидал достаточно и теперь предпочел не дожидаться, пока будущие союзники договорятся между собой.

Команда подействовала на всех, не исключая Сотти и Арриго. Вельберы стрелой понеслись навстречу неизвестности.

Ручей снова сделал извилину, и они очутились перед перекатом, который пришелся как раз промеж двух гранитных щек, уходящих на десять локтей вверх. Это и была граница горной пущи. Дальше начинался самый последний, но зато и самый высокий и крутой подъем к нагорным равнинам пиктов и горам, где, как выяснилось, обитали какие-то загадочные дионты.

Над ручьем с левой стороны поднималась та самая полуразрушенная стена, что Евсевий и Майлдаф обнаружили при вылазке. Из-за нее раздавались воинственные крики пиктов, слышался звон мечей. С противоположной стороны к самому краю обрыва подступал лес, откуда беспрерывно свистали стрелы. Некто невидимый, должно быть дионт, нещадно обстреливал пиктскую заставу.

Ручей журчал на перекате, обнажая кое-где острые гранитные клыки. Здесь было мелковато даже для вельберов, но выйти на берег и преодолеть препятствие волоком было невозможно.

— Под правым берегом чисто! — крикнул Донато, бывший впередсмотрящим на головном вельбере. — Можно пройти! И молитесь вашему Митре или кому еще, чтобы на нас не скинули увесистый камень слева, а справа не засадил стрелу наш любезный Одри!

Первый вельбер, управляемый Алфонсо, вильнул влево, весла ударили с новой силой, лодки рванулись вперед.

Коридор между щеками был длиной локтей двадцать пять, и вельберы, будь все на открытой воде, пролетели бы столь мизерное расстояние в мгновение ока. Но здесь протока была столь узка, что весла с левой стороны пришлось уложить вдоль борта и отталкиваться от стены руками, а с правого борта грести очень осторожно, чтобы вельбер не ткнулся носом в обрыв и не застрял, а также чтобы не скрести впustую веслом о многочисленные камни.

Один за другим вельберы втянулись в протоку. Правый берег навис над головой, и того, что находится там, никто не видел, только корни, извиваясь, торчали из скалы. Над левым берегом вставали руины стены, венчавшей собой небольшой перевал. Дальше левый берег

опять круто скатывался вниз, но через три скадия вновь карабкался на скальную кручу. Кто возвел здесь эту крепость, рассуждать было недосуг. Достаточно было знать, что теперь его держали пикты, и если они заметят вельберы — а они это непременно сделают, если они не слепые, — то хайборийцы оказывались беззащитны под их стрелами. Впрочем...

— Евсевий! Майлдаф! В этой канаве воды меньше, чем в турецкой пустыне! — обратился к аквилонцу и горцу Сотти. — Мы справимся на веслах и без вас! Возьмите луки!

Совет был подан дальний, и не последовать ему было бы неразумным упрямством. Теперь можно было без затруднения применить боевые луки, и, мгновение спустя, пиктский оборонительный рубеж оказался под двойным прицелом: с правого берега и с воды.

Первый вельбер прошел уже треть пути, когда на него обратили внимание. Пикты завопили вновь и не замедлили выстрелить по канувшим где-то в лесу белым колдунам, наславшим на лучших воинов клана большого разъяренного «рихо», о которых им донесли барабаны.

Пиктам мешали стрелы с противоположного берега, поэтому они не оказались столь точны, как могли бы быть на таком невеликом расстоянии, но Бруно невольно вскрикнул, когда костяной наконечник пробил ему плечо, а Фулвио упал ничком. Стрела торчала у него из-под левой лопатки.

Майлдаф и Евсевий выстрелили едва ли не раньше, чем пикты. Вопль негодования был знаком того, что хотя бы одна стрела нашла цель.

— Стреляйте, не давайте им высунуться! — призвал Арриго.

— Им и без нас не дают, — хладнокровно отвечал Майлдаф. — А они все равно будут стрелять, потому что они — воины.

Но, словно в подтверждение его слов, лучники на правом берегу принялись выпускать стрелы столь часто, что пикты и вправду лишились возможности высунуться из-за прикрытия, чтобы посмотреть, что же делается внизу.

— Наверное, там слева у них подошло подкрепление, — предположил Сотти.

Первый вельбер уже выходил из теснины, когда положение на правом берегу изменилось. Грязнуло дружное «Клукхту!», зазвенели мечи. Пикты предприняли обходной маневр, а может, подошли с севера горцы, и неведомым дионтам пришлось плохо. Поток их стрел ослаб, и пикты, вынужденные отсиживаться за стеной, снова поймали на прицел две совсем было ускользнувшие от них лодки.

Конечно, Евсевий и Майлдаф не замедлили вернуть пиктам долг, но в древней крепости засели лучники не менее опытные и меткие. Видимо, граница с дионтами, не в пример меже с соседним кланом, считалась рубежом чрезвычайно важным, и сюда посылали только лучших воинов.

Бриан и Евсевий успели сделать по два выстрела в ответ на один выстрел пиктов, но ведь пиктов было раз в десять больше! Вельberы еще счастливо отделались, но Донато и Серхио были ранены, а Мархо разделил участь Фулвио. Мархо не повезло особенно. Он был загребным в лодке Серхио и, в отличие от рулевого, не мог наклониться. Четыре стрелы пронзили его насквозь, а пятая пробила грудь.

Но вельберы продолжали путь. Первый челн, благодаря тому что Мегисту вытащил весло из уключины и работал им теперь как шестом, уже вырвался из каменных тисков. Алфонсо, Евсевий, Майлдаф, Мегисту, Сотти, Полагмар и принц Конти, которого нарочно усадили посередине, — могли чувствовать себя в относительной безопасности. Не повезло только бедняге Фулвио.

На противоположном, восточном участке бывшей стены кипел рукопашный бой, лучникам здесь делать было нечего — слишком велик был риск угодить в своего.

Шум боя на правом берегу сошел на нет. Кто-то одержал победу, и, судя по всему, это были противники пиктов, поскольку дождь стрел, обильно сыпавшийся на крепость, возобновился. Но то ли дионты не делали разницы между пиктами и хайборийцами, то ли успели забыть, что Евсевий и Майлдаф им помогли, но еще один выстрел был сделан по второму вельберу.

А вот вельбер был мишенью куда как уязвимой! Не показываясь из-за стволов, дионты обрушили на лодку град стрел. С головного челна было видно, как выронил весло и медленно упал лицом вниз Родригес-младший, как тяжелый панцирь увлек вон из лодки уже мертвое тело Арриго, как загорелый здоровяк Бруно дернулся и затих, когда разом несколько смертельных жал вонзились в него. Учитывая, что Мархо уже был в той лодке бесполезным грузом, положение оставшихся четверых становилось катастрофическим.

Родригес-старший в бессильной ярости воздел к небу кулак, но что он мог против невидимого врага, глумившегося над ним с недосягаемой высоты! Майлдаф и Евсевий выстрелили по деревьям на удачу. По радостному реву пиктов, приписавших, должно быть, чужой успех себе, стало понятно, что дионты почувствовали на себе мощь аквилонских луков. Лучшими стрелками на материке по праву считались гирканцы, но и они не побрезговали бы такими воинами!

— В воду их, иначе сам пропадешь! — взревел Серхио. Кривясь от боли, сам раненный в предплечье, он поврежденной левой рукой держал руль, а правой схватил за рубаху неподвижного Марха, приподнял тело и выпихнул за борт. Могучий Деггу, тоже получивший ранение, с трудом освободил лодку от тела Бруно. Военачальник Арриго обрел вечный покой на дне безымянного ручья, но Родригес не желал поступать с братом так кощунственно. Молодой человек едва сдерживал слезы, когда Донато, не в первый раз видевший смерть, резко бросил ему в лицо:

— Живо за весла, если хочешь похоронить его по-людски, сопляк!

Зингарец подчинился. Второй вельбер, вслед за первым, вышел на широкую воду.

Тем временем пикты вновь стали одолевать, и новые стрелы полетели в сторону вельберов. Первый был уже трудносягаем, и лишь две стрелы безвредно ткнулись в обшивку, даже не застряв в ней. Но второму не повезло в третий, и, к счастью, в последний раз. Пикты добили-таки Донато, а старший брат последовал за младшим.

Серхио обернулся, провожая взглядом гибельный перевал. На обломках угловой башни стоял молодой пикт с натянутым луком и стрелой, нацеленной, казалось, прямо на него, Серхио, и моряк понимал, что лучник не промахнется. Это был Одри. Пикт глянул вниз и отпустил тетиву. Стрела просвистела рядом с плечом Серхио. В последний миг моряк увидел, как пикт махнул ему рукой и исчез за стеной. Это был знак. Одри сдержал обещание.

На открытой воде — а сразу перед щеками ручей разливался, становясь тихой речушкой, — Деггу мог один с успехом заменить четверых, и он настиг первый вельбер, сбросивший скорость в ожидании товарищей, уже через пятьдесят локтей.

Шум боя удалялся, и новая страна, куда они проникли, потеряв половину людей, открывалась перед ними. Знакомый волчий вой был первым мирным звуком, приветствовавшим их появление.

Глава IV

Три дня кожаный челн Ллейра и Ойсина шел, ведомый гигантским селиороном, на полуночный восход, и К^онан снова видел, как огромен и многолик Океан. Сначала они благополучно пересилили шторм. Ойсин и вправду на редкость умелоправлял суденышком, но парус потом все же пришлось убрать. Носовую часть лодки успели затянуть кожаной крышей, прежде чем хлынул ливень.

Вскоре увидел король Конан, как морские звери и птицы небесные сопутствуют им, направляясь к полуночному закату, и понял, что не обманулись в ожиданиях своих Ойсин и Ллейр и что попал их челн в иные моря, нежели те, что знал Конан прежде. Ибо море сделалось не серым, подобно свинцу, но винноцветным, как свойственно водам юга. И дивные животные являлись к поверхности: о существовании многих не подозревал король Конан. И другие чуда морские — дельфины, и меч-рыба, и кальмары, и великие рыбы, и морские кони, и иные — сопровождали челн в течение этого дня и еще трех, пока не явились им с полуночного заката берега Касситерид.

Все это время вели они беседы о давних годах, кои были памятны Ллейру и Ойсину, и о временах нынешних немало поведал им король Конан, но утаил, зачем оказался в море, сказав, что лишь плыл в Мессантию, получив приглашение от короля аргосского Мило.

Касситериды возникли на горизонте на четвертый день плавания, к полудню. Ветер дул попутный, и челн быстро шел курсом на северо-запад. Море, вовсе не похожее на суровые воды у берегов Ванахайма, играло волнами цвета молодого виноградного вина — еще сизо-зеленоватого, не приобретшего утонченности и строгости рубина от многолетней выдержки. Воздух уже за несколько лиг от островов звенел от птичьего гомона. В волнах резвились дельфины, стремительно неслась на небольшой глубине или прямо по поверхности, словно скользя, причудливые птицы с длинными крепкими клювами, использующие крылья как плавники, но не умеющие летать. Они казались жирными и неуклюжими, но в воде перемещались с ловкостью, не уступающей дельфиней. Солнце стояло в зените, играя ярко-желтыми лучами, и ничто не предвещало событий, ради коих прибыли сюда — случайно или по доброй воле — трое мужчин на кожаной лодке.

Но сами острова, в противоположность радостному, полному жизни морю, выглядели сурово, будто древние развалины в зеленом весеннем лесу. По сути, так оно и было. Касситериды медленно и неуклонно погружались в океан. Волны размывали песчаные их берега и незаметно подтачивали гранитные скальные твердыни. От некогда обширного архипелага ныне остался большой низкий остров, являвший собой гряду холмов, заросших темным сосняком, и мелкое озеро, этими холмами окруженное. Собственно, озеро и занимало большую часть поверхности острова, а холмы служили ему лишь обрамлением.

Кроме этого острова рядом располагались шесть гораздо более мелких островков, также являвших собой лесистые холмы и дюны, и целая россыпь скал и рифов, поднимающихся над поверхностью с обширной рыбной банки, еще не ушедшей глубоко в пучину.

Это хорошо, что ветер попутный, — рассуждал Ойсин, снова восседавший на корме, время от времени поправляя руль загорелой рукой, перевитой тугими веревками мускулов и окольцованной серебряным браслетом старинной работы. — Успеем войти в протоку, что отделяет озеро от океана. Когда настанет отлив, да еще такой, как сегодня, берег обнажится, а тащить лодку через перешеек у меня большой охоты нет.

А краген? Он как проникнет в озеро? — Ллейр спрашивал специально, чтобы Ойсин говорил дальше. И он, и Конан уже знали все возможные подробности предстоящего им, но таковы были обычаи: рассказчику надлежало время от времени задавать вопросы, чтобы он вел свое повествование от вехи к вехе. Все прекрасно знали, что последует дальше, но слушали с удовольствием. В устах хорошего рассказчика старое предание всегда звучало свежо.

Он проникнет в озеро сухим путем, ибо способен ползти по суше, перебирая своими клешнями и щупальцами. Все живое, что есть на острове, в это время прячется и затихает, хотя на земле он вовсе не быстр и не способен вести охоту. Но черной волей своей угнетает всякую тварь и вселяет беспричинное беспокойство и уныние во всякое сердце.

— И в сердце человека? — не унимался Ллейр.

— Как и всякого живого существа, — важно подтвердил Ойсин. — И немалой стойкостью воли должен обладать человек, который посмеет выйти на поединок с чудовищем, ибо поддаться его чарам значит потерпеть поражение, еще не приступив к схватке.

— А как же одолеть чудовище? Ведь силою он много превосходит величайших из тварей, ходящих по суше, и даже исполинские эйзы избегают встречи с ним в темных глубинах, — продолжал расспрашивать рыжеволосый Ллейр.

— Так и есть, — кивал Ойсин, блестя на солнце гладко бритой головой, лишь на висках его серебрилась благородная седина. — Но, влекомый видом луны, лежит он на мелководье либо и вовсе выползает на сушу, и там много теряет в проворстве, хоть и не убывает черная сила его, и горе тому, кого захватят его клешни и щупы. Искусный же воин прежде всего лишил бы крагена зрения, ибо огромные его глаза преисполнены ненависти и злобы, и не только зрит он ими все происходящее, но и вселяет смущение в сердце противника своего. После же следует отсекать мечом один эа одним щупы его, подобные гигантским змеям, и тут надо явить изрядные доблесть и ловкость. Огня чудовище не страшится, но и защиты от него не имеет, посему и горящий факел может послужить оружием умелому воину. Также следует затем отсечь крагену гигантские его клешни, ибо пока есть при нем хотя и одна из двух, невозможно подступить к нему вплотную. И тогда лишь, пробив крепкий панцирь его, на что способна лишь могучая рука великого мужа, можно поразить крагена в самое сердце и прервать тем его злодеяния.

— Да, непросто совершить такое, — согласился Конан. Рассказ закончился, и теперь можно было просто поговорить. — Однажды в пустыне мне пришлось схватиться с подобной тварью. Она более напоминала червя, но ее можно было назвать и песчаным спругом. Было это так...

Конан начал свою повесть — о караванных тропах Турана, зуагирах и песчаном равнине. Киммериец уже рассказывал это, но в опытах и не очень подробно, так что теперь уже ему

задавали вопросы Ллейр и Ойсин, а он со значением отвечал, продолжая вить нитку рассказа. Остров меж тем приближался.

* * *

Огромное красное солнце медленно опускалось в густые желто-зеленые тростники. Две гигантские исхлестанные ветром скалы, издали видимые как длинные и тонкие, словно неровные столбы, служили ему воротами для ухода в подземный мир. Немногочисленные в этот час птицы с прощальными кликами солнцу кружили над озером, собираясь устроиться поудобнее на камнях и кочках.

Над зарастающим озером поднимались холодные сизые туманы. Звуки в их мареве глохли, затихали. Силуэт большой птицы показался над травой.

— Вид замечателен, — молвил Ллейр, любуясь редким зрелищем заката. — Так ли было все и двадцать лет назад? — обратился он к Ойсину.

В отличие от спутников, Ойсин уже посещал Касситериды.

— Почти так, — отозвался жрец. — Только озеро еще больше заросло.

— Поднялось ли море?

— Разве что немного.

Ловким маневром руля Ойсин обогнул плоский камень, на котором чайки, складывая крылья и чистя перья клювами, готовились ко сну.

Смеркалось. Протрещал запоздалый бекас, и все стихло. Скала слева теперь разделяла выступающий над горизонтом край солнца на две неравные доли, небо же на западе покрылось разноцветными, слоями наползающими одна на другую полосами — облака и туман на разной высоте различно отражали последние лучи.

— Где мы будем его ждать? — спросил Конан.

— На скалах, — отвечал Ойсин.

Они же почти отвесные,

— Там есть бухта и лестница наверх, и плавника всегда в достатке.

— Кто построил лестницу?

— Не только лестницу, там есть и вырубленные нарочно пещеры, — пояснил Ойсин. —

Не знаю точно. Мореходы многих народов высаживались здесь.

— Неужели до этого забытого богами места так часто добирались? — немного удивился король.

— Чаще, чем ты думаешь, и даже работали. Добывали олово.

— Зачем же ушли отсюда?

— Наверно, рудники истощились. И мореплавателей стало меньше, — вздохнул Ойсин. — Последние записи в книгах о посещении этих островов до меня и Байдиганда — пятисотлетней давности. Нам стоит поторопиться, — добавил он.

Несмотря на двадцать прошедших лет, Ойсин отлично помнил проход, и скалы росли на глазах. Когда солнце показывалось из-за овида самым краем и плясало на чистой у скал воде дорожкой последних алых бликов, лодка вошла в бухту.

Глава V

Обоих Родригесов и Донато похоронили на песчаном мыске как раз у начала первых горных отрогов, у подножия могучего камня, на четыре человеческих роста поднимавшего свою макушку над ручьем. Евсевий отслужил предписанный по канонам митрианства обряд, и плавание продолжилось.

Бросать второй вельбер не хотелось, да и девятерым в одном челне было тесновато. Поврежденная левая рука у Серхио распухла и отказывалась служить, но правая была в порядке и руль держала крепко. К боцману и Деггу, отделавшемуся царапинами, пересели Сотти и Полагмар. Принца градоначальник Мерано предусмотрительно оставил вместе с лучниками.

Холмы на правом берегу постепенно делались все выше, напоминая теперь лесистые предгорья Темры. На левом берегу местность ровно шла вверх. Скальные гряды словно ступени вставали одна за другой, разделяя склон на террасы. Долина ручья все глубже врезалась в тело плоскогорья, и лес спускался к воде с уже весьма отдаленных окрестных высот.

Дионты не показывались, и Евсевий начал уже было думать, не примерещись ли ему все это, когда всеобщее молчание нарушил Майлдаф.

— Месьор Сотти! — позвал он. Громко кричать не пришлось, так как вельбера шли не более чем в локте один от другого. — А почему ты просил Евсевия переводить? Ведь ты же понимал, о чем он говорит с Одри?

— Понимал, — согласился градоначальник. — Но я не знаю шемитский так же хорошо, как Евсевий, а говорю на нем и вовсе скверно. Но то, что говорят другие, особенно если это не очень сложно, всегда пойму. А зачем тебе понадобилось это знать, Бриан?

— Да так, незачем, — не стал врать Майлдаф. — Я про дионтов хотел поговорить. Они, конечно, мерзавцы, что стреляли в нас, но выглядят занятно.

— Как! — поразился Евсевий. — Ты успел их рассмотреть и до сих пор молчал?

— Ну да, — согласился горец. — Как-то не к спеху все выходило. Так вот, они получаются невысокого росточка, вроде гномов, только немного повыше, и коренастые, но не такие плотные, как гномы. Сами или белобрысые, но не как гандеры, а как нордхеймцы, желтоватые, что ли, или каштановые. И лица у них такие... Ну, мелкие, наверно. — Горец явно испытывал затруднения в подборе точных слов для описания дионтов. — Носы вздернутые слегка, лоб широкий такой, крутой, но не высокий. И скулы узкие и острые. А еще уши прижатые. Сильнее, чем обычно у людей. И подбородок твердый, как будто из камня высечен, но не тяжелый, как у месьора Публио. В общем, так у нас в Темре всегда рисовали Народ Холмов.

— Что за Народ Холмов? — спросил Конти. — Месьор Бриан, расскажи.

Майлдаф вопросительно глянул на Евсевия.

— Расскажи, Бриан, — кивнул тот, — раз уж сам затянул. Может быть. Народ Холмов существует? В паков тоже не все верили, а что получилось?

— Народ Холмов — это такой народ, который живет в холмах, поэтому и называется Народом Холмов, — изрек горец со значением. — И это истина. Они выглядят так, как я вам только что описал, а женщины у них все больше блондинки и, говорят, очень недурны собой. Этот народ очень древний. Они пришли в Темру вместе с паками, если не раньше, прогнав

на север, в Гиперборою, другой народ, Фиана-на-талиан, но речь сейчас не о них. Когда в Темру пришли мы, и там стала земля Гвинид, Народ Холмов уже ушел в холмы, оставив нам леса и болота. Они жили на холмах и под землей, внутри холмов, но не как паки — в тесных темных коридорах, — а в больших подземных залах с озерами и светящимися сталаклитами...

— Бриан, откуда ты знаешь такие слова? — поразился месьор Сотти. — Ты хоть и торгуешь шерстью...

— Я тебе могу прочитать наизусть «Превратности» Орибазия Достопочтенного, притом на староаквилонском, — заявил Бриан. — С Евсевием познакомившись, он тебя еще и не такому научит. Но это потом. Так вот. Народ Холмов ушел в холмы, потому что кто-то их туда загнал, как мы потом загнали паков в пещеры, Но кто это сделал, сказать нельзя, так как Народ Холмов из-за этого стал скрытен и недоверчив. Сначала горпы подружились с ними. Ну, не подружились, конечно, но и не вздорили, даже свадьбы иногда играли. Торговали, из луков стреляли на лугу, но и это прошло, как проходит все хорошее. Народ Холмов выдумал себе какую-то дурацкую веру, или духи им нашептали, или кто-то принес — они со всякими якшались: с паками, с гномами, еще невесть с кем... И стали горды безмерно. И это еще бы ладно, но зачем-то они озлились на весь свет, холмы свои закрыли, стали людей убивать.

Ни к чему хорошему это не привело. Нас было больше, и мы быстро победили. И тогда Народ Холмов вообще пропал. То ли ушел опять неизвестно куда, то ли сгинули они в своих сидах. Но если и так, то не все, потому что иногда их видят в холмах, и это всегда к беде. Вот старый Махатан, троюродный дед Мойи по отцовской линии, видел такого, а через три дня у него все куры передохли от какого-то мора. Ну и прочие неприятности.

Говорят еще, что они теперь стали колдунами, что их потрогать нельзя, а они над тобой властны... Но это врут. Если бы так было, они бы давно нас извели, да и Аквилонию с Киммерией заодно. А мы живем. Вот, собственно, и все. Всяких саг про Народ Холмов я знаю много, но это уже мелочи, — закончил Майлдаф. — Вот, кстати, вам живой пример, — указал он на правый берег в направлении вниз по течению.

Все взоры немедленно обратились туда. И действительно, на стволе, упавшем в реку, стоял человек в точности такой, как описал горец.

Вышел ли он к речке только что или наблюдал за людьми, прячась за деревьями, было уже неважно. Главное, что их заметили во второй раз и что берега реки не безлюдны. А это было чрезвычайно

— Давайте его поймаем! — азартно предложил Конти.

— Не выйдет, принц, — усмехнулся Алфонсо. — Пока мы развернемся, он будет уже за четверть лиги отсюда.

— По-моему, вообще не стоит их трогать, если судить по рассказу Майлдафа, — заметил Сотти, — Этого малого Евсевий легко бы снял стрелой, но через полдня и нас перестреляют как цыплят где-нибудь на повороте.

— Месьор Сотти прав, — подтвердил Евсевий. — Наши потери и без того велики, чтобы нападать первыми. Пускай дионты воюют с пиктами без нас. Наше спасение — это движение. Чем дальше мы сумеем прорваться, тем ближе мы к восточной границе пущи.

Лежащее поперек потока дерево вместе с любопытным дионтом скрылось за поворотом.

К вечеру они поднялись по ручью так высоко, что на берегах опять появились ели. Местность с потерей ярко-зеленых теплолюбивых растений стала более привычной на вид,

но и более мрачной. Или так казалось, потому что подступал вечер, а долина ручья все глубже врезалась в склон?

За очередным извивом — двенадцатым с тех пор, как они миновали злополучную теснину, как подсчитал Евсевий, — им открылся остров, который вода обегала двумя спокойными светлыми струями.

Остров был невелик — не более десяти локтей в поперечнике — и низок. На нем, помимо высокой травы, рос огромный дуб, под сенью коего покоялся внушительных размеров серый камень. На лицевой его поверхности, некогда полированной, а ныне весьма потертой, виднелись высеченные неведомо когда линии.

— А вот и подарок от гномов! — обрадовался Майлдаф. — Высаживаемся?

— Скорее пристаем, — поправил его Серхио. Евсевий сделал с рукой все, что мог, но покуда она болела. Серхио терпел.

На Деггу все раны зажили мигом, как на псе. Могучий моряк с легкостью вытянул на сей клочок суши обе лодки.

Времени у нас не так много, посему поторопись. Смеркается здесь быстро, — предупредил аквилонца Сотти.

— Знаю, — ответствовал Евсевий. — Но все ж не так, как в Черных Королевствах.

Ученый вновь склонился над камнем, водя, как слепой, по плохо видным чертам пальцами, беззвучно шевеля губами, почесывая бороду и время от времени царапая что-то ножом на коре.

Все остальные занялись своими делами. Принц Конти совершил путешествие по острову и нашел его достаточно замечательным, для того чтобы соорудить такой же в парке мессантийского дворца. Майлдаф, Полагмар и Сотти озирали окрестности. Взору их представлял однообразный и суровый, но вдохновляющий своей мужественной мощью и первобытной силой пейзаж. Увидеть такое в Аквилонии возможно было разве только в Темре или Гандерланде, но и там леса были хоть как-то обжиты. По крайней мере, путник знал, что это действительно так. Здесь же все было незнакомо, а оттого дышало тайной, и майлдафовские саги оживали дыханием этих гор и лесов — конечно, для тех, кто их слышал, и пять — или сколько там? — тысяч лет, которыми Евсевий определил возраст серого камня, не казались тяжкой глыбой: они дремотной тишиной, седым лишайником и пыльцой незнаемых трав лежали на лапах этих вековечных елей.

Впрочем, тысячетия вряд ли волновали Мегисту, Алфонсо и Деггу, занявшихся самым полезным — если не считать Евсевия — делом — рыболовством. Тростинки-поплавки лениво покачивались на темной — видимо, где-то поблизости был торфяник — блестящей воде. Иногда раздавался ленивый шлепок: это один из счастливых рыбарей швырял на окаймлявшие берег плоские камни жительницу местных хлябей, толстую и серебряную, как пузатая статуэтка в доме кхитайского купца.

Серхио просто повалился на прогретую солнцем землю, в мягкую траву. Его лихорадило. Прижав раненую левую руку к груди, он баюкал ее как ребенка.

— Готово, — прозвучал внезапно приговор Евсевия. — Если я понял все верно, то мы попадем в Тарантию раньше, чем остатки былой эскадры соберутся в Мессантии.

— Каким образом? — Впервые за все время этих удивительных приключений градоначальник Сотти выглядел возбужденным и неподдельно заинтересованным.

— Давайте сначала найдем более сносное место для нашего пристанища, — взглянув на неуклонно скатывающееся за горизонт светило, предложил Евсевий. — По

дороге же я поведаю вам то, что удалось вырвать мне из когтей безжалостного времени.

Майлдаф тяжело вздохнул: Евсевий умел говорить просто, доходчиво и сочно, но едва он начинал волноваться из-за каких-нибудь своих манускриптов и пергаментов, как немедленно сбивался на книжный язык, превосходивший даже гандерскую велеречивость. «Ладно хоть не на староаквилонском, а то пришлось бы переводить», — утешил себя Бриан.

Вельбера вновь заскользили по медленно текущему жидкому зеркалу. Серхио порывался сесть на руль, но выглядел боцман настолько неважно, что Евсевий запретил ему это. Темнокожий мулат Серхио побледнел так, что кожа на лице у него приобрела серый оттенок. «Как рожа у пикта», — пытался шутить моряк. Серхио опять лихорадило, он сильно потел и вскоре сам вынужден был признать, что зря храбрился, когда пытался водвориться на своем исконном месте у руля. Теперь он полулежал в вельбере, забывшись тяжелым сном, благо в лодке ныне было просторно.

— Что с ним, месьор Евсевий? — спросил хмурый Алфонсо.

— Боюсь, что жизнь уходит из него. Медленно, по капле, благодаря его природной телесной крепости, но уходит, — печально молвил ученый. — Я сделал все, что в моих силах, но, увы, я не лекарь, и снадобий здесь тоже нет. Будь на моем месте Зейтулла, он бы придумал что-нибудь, наверняка. Природа предоставляет нам тысячи снадобий для излечения любых хворей, надо лишь суметь использовать их. Возможно, кора дерева, на которой я царапаю ножом, содержит нужное нам целебное вещество, но я не умею его добывать. Впрочем, сомневаюсь, что даже лучшие врачеватели Бельверуса или Аграпура вернули бы Серхио с Серых Равнин, в страну коих он уже ступил одной ногой.

— Что же с ним, месьор? — взволнованно спросил Деггу.

— Полагаю, яд. Стрела была отравлена. Я высосал кровь из раны, прижег ее, а лишнюю кровь выпустил. Но это не яд змеи. Природа щедро снабжает нас не только снадобьями, но и страшными орудиями убийства. Это, должно быть, яд какого-то растения, действующий медленно, но неуклонно, и противостоять ему не в силах ничто. Не исключаю также, что Серхио поразила некая неизвестная болезнь, присущая лишь здешней местности, и рана лишь усугубила ее воздействие. Так бывает. Я много путешествовал и смею это свидетельствовать.

— В Күше мрет половина, если не больше, из тех, кто рискнет остаться там надолго, — согласился вечно хмурый Алфонсо. — И на Барахас дела обстоят не лучше.

На ночлег расположились у самой воды под скалой, закрывавшей костер с трех сторон. Серхио становилось все хуже. У него появился жар. Большого уложили на ворох веток и травы, обкладывали нагретыми в огне камнями, укрыли целым ворохом одежды — каждый поделился чем мог, — смачивали свежей водой губы. Но облегчения это не приносило. Серхио пришел в себя, но был чрезвычайно слаб и время от времени вновь ненадолго впадал в забытье. Злой недуг одолевал, и сил бороться с ним у моряка оставалось все меньше.

— Евсевий, расскажи, что ты прочел на камне, — попросил больной. — Я спал и не слышал тебя, пока мы плыли.

— Я еще не успел ничего рассказать, — утешил его аквилонец. — Сейчас самое время, ибо плыть нам осталось, похоже, недолго.

Все собрались вокруг огня, кроме Полагмара и Алфонсо. Барон взобрался на вершину скалы и караулил там, а моряк, заявив, что все равно ничего не поймет в ученых премудростях, переправился на правый берег и соорудил на дереве насест, чтобы предупредить появление незваныхочных гостей оттуда, если таковое случится.

— Этот камень третий по счету, если за первый считать тот, в красных скалах, — начал Евсевий. — Второй мы проскочили. Он был где-то перед развалинами старой крепости. Возможно, однако, что его уже и нет, потому что в сезон дождей — весной и осенью — этот ручеек набухает и сильно разливается, размывая берега. Не исключено, что за тысячи лет второй камень давно занесло песком.

— Но это нам не помешает, — продолжил аквилонец. — Суть в том, что мы приближаемся ко входу в пещеры, ведущие к подземному городу гномов. До него остается день пути. Завтра в это же время мы должны быть уже под землей. Для этого придется постараться, но тридцать лиг нам вполне по силам.

— Пять тысяч лет назад тоже измеряли длину в лигах? — удивился Конти.

— Нет, — улыбнулся Евсевий. — Там сказано про ориентир. С того островка открывался дивный вид на горы. Вход находится на склонах той горы, что была ближе к нам. Помнишь двуглавую вершину?

— Помню, — кивнул Майлдаф. — Но наши горы выше. На этих до самой макушки растет лес, а у нас снег лежит и не тает.

— Несомненно, — кивнул Евсевий. — Я представляю высоту этих гор, она не превышает четырех тысяч локтей. Основываясь на том, что мое предположение верно, я вычислил и расстояние до той горы. Отсюда до нее около тридцати лиг. Возможно, тридцать пять, но не более. Итак, вход существует, если за эти долгие годы ничего не случилось. Но с этой стороны гор он единственный. Вход находится в пещере и закрыт от непосвященных рекой. Но в определенный час вода перестает течь, и это время следует использовать, чтобы проникнуть внутрь.

— Что это эа время? И как мы определим его? — осведомился Сотти.

— Не поручусь, что перевел все точно, — скромно отвечал Евсевий, — но думается, что это время отлива. Луна нарисована так, как в этих местах она должна стоять при отливе. Так же стоит луна и на рисунке паков в красных скалах.

— При чем здесь отлив? — не понял Сотти. — На морском побережье это имело бы смысл, но в горах!

— В озерах Темры, а это Киммерийские горы, — возразил Евсевий, — водятся эйсы, а на высоких перевалах находят отпечатки морских раковин. «Воды наших озер глубоки, и лишь Великое Закатное Море сравнится с ними, если сможет». Так гласит надпись на камне. Что мы знаем о строительном искусстве древних гномов? Они и сейчас стократно превосходят лучших архитекторов Бельверуса и Хоршемиша и тем не менее называют себя уходящим народом. Каково же тогда было их могущество во времена расцвета!

Евсевий замолчал и задумался.

— Что там было еще? — нарушил ход его размышлений Майлдаф.

Больше ничего, кроме одной малости. Кроме того, что мы обязаны дождаться урочного часа, нам предстоит открыть ворота. Для этого следует передвинуть имеющиеся на воротах рычаги так, чтобы расположением оных обозначить название подземных чертогов,

— А ты сумеешь это сделать? — усомнился Бриан, — Не пришло бы нам выплыть из пещеры, как тому пантенцу, что видел Белую Деву Горы.

— Если поток застигнет нас у запертых ворот, нам не выплыть, — «утешил» его Евсевий. — Полагаю, смогу.

— Откуда же тебе известно это название? И вообще, зачем раскидывать на дороге камни со столь важными сведениями, если они так пеклись о своей неприступности? — выразил

недоверие сообщенному аквилонцем Сотти. — Это же детская глупость либо самонадеянность!

— Камни были поставлены здесь для друзей, — пояснил аквилонец. — Шла великая война, и даже годы мира приходилось проводить в неусыпном бдении. На камнях лежало магическое заклятие, позволявшее прочесть письмена только друзьям. Потом прошли века, война кончилась, и даже память о тех днях ушла. И ушла сила заклятия. Письмена стали видны всем, но никто их не понимал. Мы первые.

— Откуда тебе известно все это? — усомнился в достоверности сообщенных Евсевием сведений Сотти. — Неужели написано на камнях?

— Какая разница? — перебил Майлдаф. — Евсевий никогда не врет, в отличие от меня, хотя обмануть может запросто. Главное в другом: название этого сида гномов ты нашел?

— Нашел, — кивнул Евсевий, даже сквозь ночную тьму весь сияя от гордости. — И в том же кроется разрешение сомнений любезного градоначальника.

И, расправив плечи, он продекламировал строки, звучавшие торжественно и мрачно... однако лишенные всякого смысла, ибо язык стихов был неведом никому из присутствующих.

— Замечательно! — после мгновения молчания, воцарившегося после прочтения Евсевием сих виршей, выговорил Сотти. — Но что нам это дает?

— Погодите, — отозвался аквилонец, — Эта загадка не так уж сложна. Мне доводилось встречаться с подобными и прежде.

— Так как же называется город? — не унимался Майлдаф. — Загадки, это все, конечно, замечательно, но у нас нет на это времени. Или разгадка известна тебе?

Название заключают в себе первые знаки строк. Они образуют слово, заменяющее одно сочетание в тексте. Это сочетание и есть название города гномов. «Могучая Твердыня» или, на древнем языке, если я верно произношу, Габилгатол.

— Как? Язык сломаешь! — посетовал Майлдаф. — Ты уверен, что не забудешь его?

— Я записал, — улыбнулся Евсевий. — Не столь важно, как оно звучит. Главное, нам известны знаки. Так что не все было столь просто, месьор Сотти. Язык древних стигийцев всегда был закрытым наречием, и немногие иноземцы владеют им. У меня нет оснований считать, что в древности было иначе. Разве что самих стигийцев тогда не было.

— Все это прекрасно, — подытожил Сотти. — Но что нам нужно в этих заброшенных пещерах? Если даже мы отыщем в них золото, но ляжем рядом с ним костями и прахом, что в том проку?

— В том-то и дело. На той стороне гор пещеры выходят к Черной реке. Нам останется сделать один шаг, как мы окажемся в Аквилонии! — возвестил Евсевий.

Известие произвело должный эффект. Некоторое время все молчали, осмысливая сказанное. Потом же Майлдаф выдвинул соображение практического свойства.

— Это замечательно, но тащиться целую седмицу по заброшенному, безлюдному и темному подземному силу, где, прошу заметить, олени и кабаны не водятся, да еще и без проводника? Под Дол Уладом у нас были всякие перстни, камешки, Кулан, старый маг Озимандия и даже дракон Диармайда, и то мы едва выбрались. А здесь мы одни, да еще неизвестно, какая нечисть захватила теперь эти сиды. Если в сагах говорится правда о Народе Холмов, то я встречаться с ним не хочу. Паки были хоть и вредные, но не злые, а эти... — Бриан махнул рукой. — Нам не по силам такой переход под горами. Мы заблудимся, подохнем с голода, упадем в пропасть и попадемся в лапы каким-нибудь дионтам. Уж лучше пикты. Горцы все-таки, как сказал Одри. Может, я с ними договорюсь.

— Месьор Майлдаф прав, — не столь взволнованно, но соглашаясь в общем с горцем, заговорил Сотти, — У нас не будет ни пищи, ни света б течение многих дней, да и картой подземных чертогов мы не располагаем...

— Не стоит волноваться, — успокоил их Евсевий. — У нас достаточно мяса и рыбы, чтобы прокоптить их и создать запас на три-четыре дня. Дерева для факелов мы нарубим. А пешком идти нам не придется. Весь город пересекает подземная река. Мы промчимся по ней до самой Границы, и никакого чертежа не потребуется. Вода не умеет поворачивать вверх.

— Убедительно, — проговорил Сотти. — Я не люблю подземелий, — сказал он и поглядел искоса на принца Конти, но молодой человек не обратил внимания на его слова. — Думаю, рискнуть стоит. В конце концов, как говорят мудрецы, раньше мир был лучше, а пять тысяч лет назад и подавно.

— Сомнительно все это, — проворчал Майлдаф. — В этих сидах и вода вверх потечет. Попомните мое слово. Я бы и один дошел до Границы через все эти горы. Король сказал, что дойдет, значит, и я сумею. Но дела не ждут. В Хоршемише мне заказали партию шерсти, и я не хочу упустить эту сделку. А раз так, то пропадать в сиде, пусть даже там будет красиво, как на Островах Счастья, никак нельзя...

— Вы выкарабкаетесь, — слабым голосом выговорил Серхио. Оказывается, он нашел в себе силы внимательно выслушать все, что рассказал Евсевий. — Жаль, я не дойду. Мне предсказали, что пока я буду в море, я буду жить. Смерть найдет меня на суще. Так и вышло. Я жил неправедно, но не так уж скверно, как может показаться, почтеннейшие. Сейчас я усну, потому что устал. Не думаю, что пробуждение на Серых Равнинах будет приятным, да...

Серхио затих. Дыхание у него стало ровным, как у младенца.

— Он еще придет в себя. Скорее всего, — присев у ложа больного и ощупав его чело и пульс, сказал Евсевий. — Но до утра не доживет.

Серхио действительно просыпался еще трижды. Выпивал несколько глотков теплой воды, бормотал что-то никак не связанное с происходящим вокруг и снова погружался в сон. Посреди ночи Алфонсо подал сигнал, что неплохо бы его заменить, потому что на дереве ночью прохладно. На его место влез Деггу, а вот гандерландский барон так и провел в дозоре всю ночь, лишь иногда появляясь у костра, сказать, что все спокойно, и обогреться.

Серхио дотянул-таки до рассвета и отошел, только когда первый розовый луч, пробившись сквозь еловый забор, упал ему на лицо. За эти сутки моряк осунулся так, будто не ел ничего по меньшей мере три дня. Полагмар, почувствовав себя в родной стихии, вернулся из разведки, кою провел по собственному почину в гордом одиночестве, и возвестил, что путь пока свободен. На склоне небольшого холма вырыли могилу для Серхио и только тут вспомнили, что Деггу до сих пор не являлся с наблюдательного поста. Алфонсо мигом переправился на правый берег и полез на дерево. Через некоторое время моряк спустился оттуда все такой же хмурый и мрачный, переправился обратно, выпрыгнул на траву, втащил нос вельбера, чтобы тот не унесло течением...

— Мы поторопились, — бросил он. — Надо было копать две ямы. Деггу убит, и можете убить меня, если я знаю, кто это сделал. Кто-нибудь пускай сейчас поплынет со мной. Деггу тяжеловат для одного. Заодно и посмотрите.

На что следует посмотреть, Алфонсо не уточнил. Оставил на левом берегу Конти и Полагмара, остальные, оставшиеся пока в живых, сели в вельбер, перевезший их через воды к мертвому Деггу.

Неподалеку от ручья вырос могучий дуб. В шести локтях над землей Алфонсо устроил свое воронье гнездо, к которому следовало восходить, сначала карабкаясь по стволу соседнего дерева, после чего подтягиваться на руках по его нижнему суку, который проходил в непосредственной близости от нижнего сука упомянутого дуба, на который и следовало перебраться тем же способом. Затем, по суку дуба, надо было добраться до его ствола и там уже продолжать путешествие, цепляясь за весьма шаткие и тонкие ветви.

Тело Деггу безжизненно лежало поперек помоста. Голова, руки и ноги свисали вниз. Майлдаф с Алфонсо перевернули моряка. Глаза убитого были широко распахнуты, на лице застыла гримаса ярости, отвращения, ужаса и невероятного напряжения, будто Деггу до последнего мгновения с кем-то боролся. Горло чернокожего великана было разорвано, а грудь исполосована страшными, как ножи, когтями.

— Похоже, он схватился с леопардом, — высказал предположение Евсевий.

— Нет, — помотал головой Мегисту. — Леопард — воин. Он не нападает на человека бесшумно. Мы бы слышали, как они сражаются.

— Кто же тогда? Если это не зверь, не хочешь ли ты сказать, что он дрался с демоном или кем-нибудь вроде этого? — вполне серьезно спросил Майлдаф.

— Да, — кивнул Мегисту. — С демоном. Вот он. Мегисту указал куда-то перед собой. На суку, сливааясь цветом с листвой, болтался какой-то невнятный огрызок плоти, из коего в разные стороны торчали длинный клюв с зубастой пилообразной челюстью, пара когтистых лап, по толщине и впрямь не уступающих леопардовым, с длинными кинжалыми когтями, а также кожистые крылья с когтями, как у дракона, одно из коих было сломано. Размером демон превосходил самую большую из морских птиц.

— Ну и тварь! — одновременно с содроганием и восхищением изрек Евсевий.

— Сейчас достану. Поближе посмотрите, — буркнул Алфонсо и, закинув ноги на сук и проворно перебирая руками, пополз к демону.

— Осторожно! Вдруг он еще живой! — предостерег зингарца Мегисту.

— Я посмотрел бы на тебя живого со свернутой шеей, — пыхтя, выговорил Алфонсо, подбираясь к чудищу. Ухватив странное создание за лапу, моряк сбросил его вниз. — Деггу защитил всех нас от этой пакости.

— У него человеческая башка, — сообщил Алфонсо, возвратившись, — Помогите мне снять отсюда Деггу.

Алфонсо был из зингарских крестьян, и как его угораздило попасть на флот, никто не знал. Жизнь он воспринимал без радости, что и выражалось во внешней мрачности. Но те, кто успел сойтись с зингарцем поближе, знали его как доброго малого, готового прийти на помощь, а также как прекрасного исполнителя зингарских деревенских песен, в коих звучала тоска по горячим южным звездам, спелому хлебу и черным девичьим глазам.

Деггу похоронили рядом с боцманом. Должно быть, демон свалился на моряка как снег на голову, так что тот и вскрикнуть не успел. Но реакция у бывшего охотника на морского зверя всегда была отменная, так что одного сокращения могучих мышц достало, чтобы сломать птицех-ловеку шейные позвонки и крыло. Мегисту, однако, отказывался верить подобному объяснению. После того, как Евсевий сделал стилосом корявый набросок, запечатлев неизвестного доселе науке новоявленного супостата, кушит, сняв с шеи маленького золотого бычка с бирюзовыми глазами — амулет, часто носимый митрианцами, — произвел над останками чудовища некий языческий обряд, по окончании коего подверг расчлененную и распотрошеннную тушу сожжению по частям. Запах у паленого

демона был премерзкий.

По завершении всех церемоний снова сели в вельбера. Плыли быстро, по возможности пристально следя за берегами. Дионты больше не показывались, и многие уже начали подумывать, что их владения позади, но Майлдаф и Полагмар быстро разуверили их в этом, указывая то на затеей на деревьях, то на явно расчищенный топором участок берега, то на след давнего кострища. Обыкновенно невозмутимый Евсевий заметно нервничал, но не из-за дионтов. Он хотел преодолеть расстояние до пещеры к часу, когда начнется отлив. Провести несколько лишних ночей в пуще не хотелось никому, но тарантийцу не давали покоя дурные предчувствия. Он пытался гнать подобные мысли, но беспокойство никак не желало униматься. А ведь надо было еще заготовить факелы. А солнце уже подбиралось к зениту...

Пещера открылась перед ними неожиданно. Евсевий вряд ли ошибся в определении расстояния, но если и ошибся, то в пользу путников. Скорее всего, просто вход в подземное царство оказался ниже по склону, чем предполагал тарантиец, предрасположенный строить планы в расчете на худшее.

Речка вытекала из-под свода высотой в три локтя и шириной в семь. Камень был обтесан в форме заостренной арки, подобно стрельчатым окнам в мессантайском дворце. Туннель уходил в скальную стену, поднимающуюся над ручьем локтей на десять и длящуюся направо и налево сколь можно было охватить взглядом, плавно сливаясь далее со склонами речной долины. Впереди и выше громоздились откосы, кручи и скалы, преодолеть кои было, очевидно, возможно, но затруднительно. Где-то вверху, гордо врезаясь в небесную лазурь, зеленела вершина, что служила им ориентиром. Небольшие ровные гранитные площадки по обе стороны потока ограничивали распространение леса, наседавшего с обеих сторон. В общем, вид у места был безлюдный, глухой и запущенный, что не могло не радовать.

Вырубив в лесу шесты, Майлдаф, Евсевий, Полагмар и Алфонсо проникли на вельбере под свод. Тоннель не был глубок. Потолок медленно, но довольно ощутимо понижался, и локтей через тридцать касался воды. Дальше пройти было невозможно. Шест до дна не доставал. В воду опустили веревку с привязанным к ней камнем. Майлдаф принялся травить моток. Камень достиг дна довольно скоро.

— Шесть с половиной локтей! — провозгласил горец. — Не мало!

— Для подземных колодцев это выглядит обычно, даже мелковато, — не удивился Евсевий. — В Ванахайме есть бухта, где прилив достигает десяти локтей. Я был там.

— Я бы тоже не отказался там побывать. Прямо сейчас, — вздохнул Майлдаф.

Глава VI

На море стоял полный штиль. Зеркальная зеленовато-голубая поверхность воды едва лениво колыхалась, и чистейшие голубые небеса любовались своей высокой непорочной лазурью в этом гигантском зеркале. Первые золотисто-розовые лучи встающего над восточным горизонтом светила нежно и ласково гладили омытый ночной благовонною тьмою мир.

Поднявшийся в этот рассветный час над океаном некто мог бы видеть, что на многие лиги окрест ничто не нарушает первозданной гармонии небес и вод, и лишь в центре этой воображаемой окружности находится — малой щепкой — чудом попавший сюда маленький ял, где, устав от борения с незнающей милости стихией, спали, разметавшись, трое мужчин. Четвертый — в грубой серо-коричневой хламиде, перепоясанной тем не менее черной кожи с серебром поясом, с массивной серебряной цепью на шее с амулетом в виде крылатого солнца, седой, стриженный коротко, но однако ж с налобной лентою, гладко выбритый, круглицы, с проницательными, слегка удлиненными глазами, нешироким немного горбатым острым носом — положив на колени резной дубовый посох, сидел смиренно, дожинаясь, пока проснутся первые трое.

Солнце быстро поднималось над горизонтом, и вскоре лучи его не только светили, но и весьма ощутимо грели. Разумеется, все трое, пережившие ураган, вымокли до нитки, но столь велика была их усталость, что ночной холод не мог пробудить их ото сна. На солнце их влажная одежда стала быстро высыхать, что явно понравилось сидящему. Он бы с радостью укрыл всех троих чем-нибудь сухим и теплым, но — увы! — все, что было у них пригодного с собою, также безнадежно промокло. Заботливый жрец прежде всего извлек из походных мешков самые необходимые для просушки вещи и как мог разложил их в небольшой лодке.

Главным образом ему попадались шерстяные накидки, завернувшись в которые удобно было сидеть в замке у камина, идти где-нибудь в предгорьях студеной ночью или путешествовать верхом, но никак не грести веслами. Наконец отыскались два теплых плаща и шерстяная туника. Присовокупив к обнаруженной одежде три накидки, он принялся загалкивать обратно, только что извлеченное на свет платье. Судя посему, бедолаги собирались куда-то на юг, потом что теплой одежды было крайне мало, а вот легких и весьма дорогих нарядов — предостаточно. Накидки же были обретены незадолго до отплытия, ибо покоились на самом верху мешков, то есть были втиснуты туда в последнюю очередь.

Завершив сии благочестивые деяния, жрец решил отдохнуть, да так и просидел чуть не до полудня, созерцая первозданность океана и охраняя сон своих случайно обретенных спутников.

В полдень, когда светило добралось до зенита, изрядно уже припекая, и тень сидящего сделалась короче локтя, невеликого роста желтокожий человек в красивой, но очень странной одежде со множеством пришитых к ней маленьких серебряных колокольчиков пошевелил иссохшими губами, приоткрыл глаза и, увидев нового члена экипажа, неожиданно молниеносно по-кошачьи извернулся, в одно движение оказался на корме у руля, вперив в пришельца цепкий и злой взгляд.

— Кто ты такой? Откуда ты взялся? — сказал человек хрипло, ибо горло у него пересохло, как туранская пустыня. Тэн И — а это был, конечно же, он — на сей раз пренебрег правилами любезного обхождения и хорошего тона, но положение обязывало не

доверять никому, тем более какому-то незнакомому мужчине, забравшемуся откуда ни возьмись посреди бушующего моря в их лодку.

Жрец посмотрел на кхитайца внимательным и сочувствующим взглядом своих серосиних глаз и отвечал:

— Вы поступили очень правильно, когда привязали бочонок и плотно его закупорили. Буря была такой, что не сделай вы так, у вас бы не осталось ни капли воды. Ныне тебе следует смешать воду с вином и напиться, после же, да будет всевидящий Митра свидетелем моим словам, я охотно отвечу тебе.

— Митра? — все еще недоверчиво и одновременно с облегчением переспросил Тэн И. — Ты исповедуешь митрианство, месьор?

— Да. Вы это так называете, — как-то странно согласился жрец. — Вот, кажется, пригодный для питья сосуд. Я нашел его среди ваших вещей. Позволь, я наполню его.

— Если тебе будет угодно. — Не вполне еще пришедший в себя кхитаец начинал понимать, что картина, представшая взору его, если выражаться осторожно, неправдоподобна. Пока жрец, кряхтя, помогая себе кинжалом, снимал с бочонка плотно пригнанную дубовую крышку, пока зачерпывал кружкой, принадлежавшей Хорсе, действительно чудом не потерянную воду, пока доставал из-за пазухи серебряную же флягу и доливал в воду густо-красного цвета крепкое вино, Тэн И напряженно искал непротиворечивое объяснение настоящего.

Но цепь его рассуждений неизменно с печальным звоном рассыпалась. Даже предположение о том, что все они мертвы и теперь очень своеобразно добираются к предвечному свету, не выдерживало опровергающих его доказательств. Ну зачем мертвому утолять жажду? И почему он так озяб, хотя солнце в зените? Разве мертвые мерзнут? Да и не хотелось ему ни к какому свету, а хотелось пить, есть, согреться и узнать поподробнее, как наискорейшим образом прибыть в Кордаву или Мессантию. Да хотя бы и к пиктам, но в обитаемый край. Все это были думы плотские и недостойные царства света.

А странный жрец уже держал перед Тэн И наполненную соблазнительным напитком кружку. Королевский слуга протянул руку, чтобы принять подношение, и тут взгляд его приковал амулет, висевший на цепи на широкой крепкой груди жреца. Это было солнечное колесо — круг с четырьмя спицами, образующими прямой крест. Если это рукотворное солнце четыре крыла, прикрепленные к ободу колеса в местах, где спицы смыкались с ним, образуя, таким образом, продолжение спиц. По ободу и спицам вился орнамент из переплетающихся волнистых линий и листьев растения, больше всего похожего на папоротник. Символ был, без сомнения, митрианский, но непривычный. Кхитайца не оставляла мысль, что где-то он все же видел нечто подобное или, по крайней мере, слышал о таком.

— Ты хочешь что-то узнать или вспомнить? — сочувственно глядя на кхитайца, поинтересовался жрец. — Испей сначала, после же спрашивай.

Не отрывая взора от амулета, Тэн И сделал пару мелких глотков, стараясь не торопиться — воды было немного и ее стоило беречь, — и почувствовал, что живительное тепло уже разливается по его телу, а утраченные, казалось, безвозвратно силы вновь возвращаются к нему. Вино было великолепным, хотя и явно не из южных, специально отбираемых пород винограда. И тут внезапная догадка озарила его сознание: еще не веря сам себе, Тэн И опустил кружку и осторожно, внимательно наблюдая за реакцией собеседника, спросил:

— Да не сочтет месьор меня сумасшедшим, но престранные обстоятельства вынуждают

меня задать тебе этот вопрос. Не Бейдиганд ли по прозвищу Справедливый зовут тебя?

— А если и так, что же здесь странного? — спокойно ответил вопросом на вопрос жрец. — Да, имя мое Бейдиганд, а зовут меня Справедливым, что, вне всякого сомнения, неверно. Ты опасаешься, что я сейчас растаю как видение? Можешь дотронуться до меня, и ты убедишься, что это не так.

— Я верю тебе, почтенный, — поклонился Тэн И. — Вино, коим ты щедро поделился со мной, не оставляет места для сомнений. Скажи мне, где произрастает виноград, из которого его изготовили? Я много странствовал и немало знаю о яствах и винах, но подобного не пробовал ни разу. Это некий северный род винограда?

— Он растет на моем острове, — пояснил назвавшийся Бейдигандом. — Напиток сей и вправду бодрит и притен животу.

Как же ты попал в лодку? Откуда? И где твоя кожаная ладья и твои люди? И где мы теперь? И далек ли берег? И что за остров, о коем ты упомянул? И, наконец, прости меня за многословие, кто же ты сам? Дух? Вестник Митры? Архонт?

— Не спеши. Пей вино и слушай, — улыбнулся «призрак». — Мой кожаный член зовется каррой. Мы встретили вас посреди моря. Своих людей — а было их ныне десятеро — я отпустил. Находитесь вы ныне в океане. Если угодно, называй его Закатным, но помни: воды — едины и омывают все берега. Далека ли суша? И да, и нет. Прежде чем ответить на этот вопрос, я должен знать, как вы попали сюда. У моего острова много имен. Зови его Зеленым. Наконец, кто я? Колдун, чернокнижник, маг или дух?

Бейдиганд забрал пустую кружку из рук внимавшего ему кхитайца, поставил ее рядом с собой на банку, вновь порылся эа пазухой и вытащил большое румяное и сочное яблоко, от коего исходил замечательный аромат. На черенке остался еще совсем зеленый листочек. Придирчиво осмотрев плод, жрец обтер, его полой хламиды и вручил кхитайцу.

— Подкрепись. Сразу после долгого голодания лучше не вкушать грубого хлеба и солонины, — назидательно, с видом человека, знающего предмет досконально, изрек Бейдиганд Справедливый.

Тэн И, благоразумно стараясь не то что не перечить гостю, но и не прерывать его, не преминул последовать данному совету. Яблоко оказалось на диво сытым и вкусным.

— Это из садов нашего острова, — не без гордости за свое угождение заметил жрец. — Итак, кто же я такой? Не думаешь ли ты, что право на долгую жизнь могут иметь не только духи, демоны, колдуны, чернокнижники, жрецы Сета? Отчего бы честным людям не пожить подольше во благо себе и другим?

— Справедливо, — согласился Тэн И. — Но не является ли смерть, ждущая всякого в конце пути, даром Митры светозарного для всех? Не есть ли это ступень к совершенству для следовавших Брте и воздаяние соратившимся Дрэгой, дабы осознали глубину падения своего и покаялись в конце времен?

— Без сомнения, — быстро согласился Бейдиганд. — Но не есть ли и жизнь дар Митры? Ужели чистота мысли, слова и дела обречены столь быстро покидать сей мир? Не ими ли жива Арта? — Жрец пытливо взглянул на кхитайца, и в глазах его заплясали веселые искорки, — Или открытие мира не угодно Митре вездесущему?

— Я — не призрак и не дух. Я — человек, — просто сказал Бейдиганд. — Митра позволяет мне жить, и я живу и стараюсь не огорчить Его.

— Сколько тебе лет, почтенный? — не удержался от вопроса Тэн И. Яблоко было большое, и кхитаец, увлеченный рассказом, несмотря на голод, справился с ним едва на

четверть. — И я ни разу ничего не слышал о Зеленом острове...

— Лет мне побольше, чем вашей Аквилонии, Ты ведь оттуда?

— Я из Западного Кхитая, — несколько огорчился подобным невниманием к его родине со стороны столь сведущего мужа Тэн И. — Это к восходу от Вилайет. А сейчас, ты прав, я служу государю Аквилонии.

— Вот видишь! — воскликнул Бейдиганд Справедливый, доставая из-за пазухи еще одно такое же яблоко — для себя. — Мир столь необъятен, что мне не хватило и полутора тысяч зим, чтобы дойти до Внутреннего моря! Неудивительно, что и ты не знаешь о Зеленом острове. Хотя если бы ты был родом с побережья, то знал бы, сколько раз моряки видели далеко на Закате разные острова, а некоторые и бывали на них. А об удачливых рыбаках, каждый год ходивших на путину куда-то во владения морского Бога, тебе известно? А про Хенгиста Злосчастного, охотника на морского единорога? А...

— Про Хенгиста — да, — похвастался Тэн И, прерывая разговорившегося ровесника блаженного Эпимитриуса, забывшего даже надкусить яблоко. — Брат Касталиус вчера поведал нам о нем. Так он тоже не призрак?

— Нет, — покачал головой Бейдиганд. — Но речь сейчас не о нем. Итак, Зеленый остров. Брат Касталиус о нем не поведал?

— Нет. Вчера у нас было для этого мало времени, поскольку...

— Твой рассказ впереди, — остановил его Бейдиганд. — Это было очень давно, когда хляби морские еще не сомкнулись над Атлантидой. А еще много раньше Закатный материк тоже был гораздо больше, нежели сейчас. Крайняя к Закату часть его канула на дно еще до появления Атлантиды, но некоторые земли остались существовать как острова. Их населяли уцелевшие после той древней катастрофы пастухи-овцеводы — народ простой и грубоватый. Управляли ими немногие вожди и песнопевцы, не павшие в жестоких битвах тех давних дней и не уплывшие в Атлантиду или на Закатный материк. Так и было дано начало Островам В Тумане, о коих говорят сказки Зингары, Аргоса и Ванахейма. И кое-кто еще им верит и поступает верно! Сколько рыбаков искали эти самые владения Морского Короля! Сколько мореходов ушло к Островам Счастья! А уж пираты просто обыскались их — думали, раз счастье — значит золото! И очень немногие добрались до нас, — понимающе и грустно улыбнулся Бейдиганд.

— Почему же так произошло, почтенный? — осведомился Тэн И. — Ты ведь только что сам заметил, что все воды едины. А если так, то...

— В этом и есть загадка Островов. — Бейдиганд ласково погладил свой шероховатый — теплый, наверно, на ощупь — посох. — Как будто невидимая пелена стоит меж нами и Закатным материком, Я плаваю по всем морям и неизменно возвращаюсь в наш Гленллан, где старый храм из серого гранита на зеленом холме. А другие проходят мимо и исчезают далеко на закате в мглистых туманах, где им суждено спать на скалистых островах или вечно блуждать в тоске по пустынным свинцовым волнам. И далеко не каждый рыбарь находит нас. А кому-то везет, и он видит Исчезающий остров. Он то стоит высоко над морем, и приходится взбираться по его каменным лестницам, чтобы одолеть скалы и попасть на его поля, то спелые тучные колосья едва выступают над соленой хлябью. Тем, кто видел его, сопутствует всю жизнь удача. И много еще чудес хранит море, — поспешил закончить жрец, понимая, что слишком распространяется, а ошеломленный слушатель может спрашивать без конца. — Потому и был я столь изумлен, увидев вас здесь. Берег нашего острова в двадцати лигах на полночь и закат. Наверно, вам позволено было преодолеть пелену. Я не могу

допустить, чтобы вы ушли отсюда, не восполнив ваши запасы воды и пищи. Если ты достаточно восстановил свои силы, то нет нужды беспокоить твоих товарищей. Я еще достаточно крепок, чтобы держать весло.

— Почту за честь сидеть рядом с таким великим мужем, — серьезно сказал Тэн И. Вопреки опасениям жреца, он вовсе не собирался засыпать его вопросами. — Сегодня мне явилось доказательство существования богов. Это больше, чем знание. Это оправдывает мою жизнь.

Бейдиганд поднялся со скамьи и уверенно встал во весь рост в небольшом качающемся яле. Он и вправду не был высок, но удивительно благороден и осанист. Казалось, кхитаец видел перед собой не просто ученого жреца, но всю историю земли, озаренной светом всевидящего Митры. Полторы тысячи лет! Сколько же знаний хранил он в своей памяти!

Бейдиганд не сказал ничего, только снял амулет и положил его на дно лодки, чтобы не мешал грести. Потом присел на банку рядом с Тэн И.

Возьми весло. И расскажи мне, как случилось, что вы оказались здесь. И кто твои товарищи?

— Тот молодой месьор, белобрысый, — начал объяснять кхитаец, взявшись за одно из чудом не унесенных волнами весел, — Хорса из Гандерланда. Поверенный короля Аквилонии Конана. Второй — жрец-митрианец из Тарантии. Но он уже двадцать лет странствует по морям. Вчера ему пришлось изображать тебя...

— ???

— Да, это так, — подтвердил Тэн И. — Началось с того, что король аквилонский Конан решил: на Закатном океане слишком неспокойно, чтобы оставить дело без вмешательства. И, по своему обыкновению, вмешался...

* * *

...По ходу рассказа Бейдиганд Справедливый не однажды еще искренне удивлялся, мрачнел и хохотал — во всей этой истории обнаружилось немало смешного. Когда же кхитаец дошел до финала, до схватки двух призраков, до черного вала, через гребень коего перенеслись трое морских скитальцев, жрец надолго замолчал, и порой непонятно было, слушает ли он вообще повествование Тэн И.

Кхитаец закончил говорить, а Бейдиганд все еще не раскрывал рта. Так они гребли еще лиги три, прежде чем Тэн И решился вновь нарушить молчание.

— Ответь, почтенный, есть ли на островах люди старше тебя? И каково число прожитых ими лет?

— Есть, — просто ответил Бейдиганд. — Я ведь говорил тебе, что острова были заселены, когда они еще не были островами. Некоторые живут там с тех давних пор. Один песнотворец помнит времена, когда боги приходили к людям и жили среди них.

— Боги? — поразился Тэн И, не веря своим ушам. — Так ты не веришь в Митру?

— А ты и не догадался сразу? — тихо улыбнулся Бейдиганд. — Вести о Митре пришли к нам с восхода, когда о моего рождения оставалось пять сотен лет. Впрочем, все вести приходят к нам с восхода, — как о нежданно скорбно изрек жрец. — Но Митра пришел откуда-то из самых глубин континента. Мы давно уже не были на Востоке. Тебе, должно быть, ведомо куда больше о том, где он явился впервые.

— Есть разные предания, — пояснил Тэн И, — Я надеялся, что ты или кто-нибудь из твоего народа знает точно. Я думал, что кто-нибудь из вас видел Его... Значит, богов было много?

— И да, и нет, — поведал Бейдиганд. — Они были столь могущественны, что их нельзя было звать иначе. Ты назвал меня архонтом? Пожалуй, это слово подошли бы для них, хотя и оно не слишком точно. Но ведь они были однажды сотворены Им. И какая разница, звать его Митрой либо по-иному?

— Некоторые, и их не так мало, зовут его Сетом, — заметил Тэн И. — Они тоже правы?

— Ты говоришь о Восставшем В Мощи Своей? — по-своему назвал это имя Бейдиганд. — Песнопевец видел его во дни былой славы.

— Он был тогда славен? — Удивительным открытиям Тэн И не было конца.

— Песнопевец говорит, да, — спокойно отвечал жрец. — Или тебе известно про него иное? Расскажи мне о Митре, и я лучше пойму тебя.

И кхитаец снова повел речи о Пресветлом и всевидящем Митре, создателе всего сущего, о его враге — Великом Змее, о блаженном Эпимитриусе, о Духе Глубин, хоронившемся под Киммерийскими горами.

Тэн И говорил, Бейдиганд слушал, и оба согласно гребли. Океан был спокоен, как бассейн в королевском саду. С того времени, как кхитаец очнулся, до того, как он закончил повесть о Митре, они прошли лиг пять.

— Океан здесь всегда столь тих? — спросил Тэн И, когда жрец, выслушав повесть, опять умолк.

— Вовсе не всегда, — удивляясь такой наивности, ответствовал он. — Сейчас начало лета, благодатная пора. А что будет поздней осенью! Волны не уступают высотой холмам Гленллана! Однажды с дома сорвало крышу и унесло на три с половиной лиги! Впрочем, скоро ты сам посмотришь на этот дом. А первым взору твоему откроется маяк. Он стоит на самом краешке длинного мыса и виден за десять с лишним лиг. Его высота — шестьдесят локтей. Прибой у нас в Гленллане самый высокий и почти самый шумный на всем Зеленом острове...

Жрец продолжал вести речи о родном Гленллане, как будто все свои полторы тысячи лет не был там и вот теперь возвращался, а Тэн И слушал и думал о том, как же легко уживаются в одном человеке вечность и обыденность. Не верить жрецу было нельзя — уж слишком убедительно звучало все это, да и Зеленый остров, если он и вправду вскоре покажется на горизонте, будет глупо объявить иллюзией. Но как же этот человек, ставший легендой Закатного океана и знающий об этом, видевший, может быть, самого Эпимитриуса и говоривший с теми, кто видел мир столь давний, что его можно было посчитать за вторую Вселенную, — как же просто этот человек говорил о бухте, прибое, маяках и холмах. Он провел здесь полтора тысячелетия, и ему все это ничуть не наскучило!

— Скажи, почтенный Бейдиганд, — остановил Тэн И равномерно что-то вещавшего в ритме гребли жреца. — Ты говоришь об удивительных вещах, и они, несомненно, заслуживают превеликого внимания, но вскоре я увижу все это сам. Скажи мне прежде: мы попали на острова счастья? Мы в земляхечно блаженных?

— Хороши земли блаженных! — рассмеялся Бейдиганд. — На сто лиг на полночь и восход от нас ~ Остров Стеклянной Башни, на двести лиг к северу — мглистые туманы с их скалами и полно еще всяких ужасов и непотребств. Ты думаешь, я живу на небесах и у нас никогда не умирают? Вовсе нет. Всего пятьдесят лет назад ушел Фердиад, а ведь он застал

время прихода кхарийцев! Думаешь, у нас никогда не воевали и не преступали клятвы и законы? Думаешь, у нас все купаются в золоте и равно богаты? Думаешь, мы не пашем и не сеем? Нет, ты ошибаешься, если думаешь так.

— Если же ты говоришь о покое, — тут же продолжил Бейдиганд, не давая Тэн И вставить слова, — то и покоя мы не достигли. Да, самый свежий, невесомый и прозрачный день на лугах Гвинид — бледное пламя свечки перед самой мрачной нашей ночью, но некоторые хранят память о большем. И даже те, кто не жил тогда, — всяк снедаем тоской по тому началу, к коему нам не вернуться. О, неверный свет истинной красоты! — вздохнул жрец. — Впрочем, ты сам все поймешь через некоторое время, — закончил он.

Только Бейдиганд договорил, со дна лодки раздался стон человека, которому перед самым пробуждением привиделся кошмар.

— Гвинид... Майлдаф! Откуда ты тут взялся, горский лохматый пес!

Это очнулся Хорса.

— Майлдаф?! — воскликнул Бейдиганд. — Откуда тебе известно это имя?

— Торговля шерстью, купцы Майлдаф и Махатан, — пробормотал гандер, поднимаясь и присаживаясь на банку на корме яла. Он зачерпнул ладонью воду и умыл лицо.

— Теплая и горькая. — Хорса не то пожаловался, не то просто объяснил тем, кто не знает. И только тут он заметил, что в яле находится незнакомец.

— Почтенный, — вымолвил огороженный поверенный его величества, соблюдая этикет при виде одеяния жреца-митрианца. — Откуда вы тут взялись? Была такая буря...

— На этот счет тебе все поведает месьор Тэн И, я же не намерен еще раз повторять известное каждому ребенку с закатного побережья, — назидательно изрек жрец. — И про бурю мне известно. А вот если бы ты, — в глазах Бейдиганда засветился жадный огонек, — сказал мне, про какого Майлдафа идет речь, Митра зачел бы тебе это как слово во имя правды.

— У меня и без того немало заслуг перед ним, — спокойно парировал гандер, — Бриан Майлдаф из Темры, которую сами горцы зовут землей Гвинид, телохранитель кенига Конана, мой друг. Вот, собственно, и все. А тебе-то откуда про него известно? И разве нужно было плыть сюда, чтобы все это узнать?

— Многие на наших островах — выходцы из Гвинид, и я в их числе, — обращаясь к Тэн И, пояснил Бейдиганд. — Киран Майлдаф — он первым пришел на Острова из Гвинид. Он принес свет на эту землю и сделал ее великой, и славны были деяния его.

— А со святым Диармайдом ты не встречался, любезный? — слегка насмешливо спросил Хорса.

— Встречался, — с готовностью согласился Бейдиганд. — И ничего смешного в этом не было...

— Так ведь он был митрианец! — удивился Тэн И. — А ты, почтенный Бейдиганд, еще расспрашивал меня о Митре! Или то было испытанием?

— Бейдиганд?! — не поверил своим ушам Хорса. — Так мы все еще разговариваем с призраками?

— Он не призрак! — заявил кхитаец.

— Диармайд еще не знал ничего о Митре! — одновременно с Тэн И возмущенно возразил жрец, — А испытаний вам и так досталось преизрядно!

От поднявшегося шума немедленно пробудился почтенный Касталиус. Едва он приоткрыл глаза, взор его упал на Бейдиганда, а именно на крылатое серебряное солнце на

его груди. Жрец снова надел амулет, опасаясь, что забудет его по рассеянности в чужом челне.

— Бейдиганд Справедливый! Мы обрели тебя! — восхищенно прохрипел служитель храма Митры.

Он неожиданно резко вскочил, забыв, что находится в небольшом яле, лодка закачалась больше допустимого, и Бейдиганд Справедливый вместе с Касталиусом дружно повалились за борт, разбив тонкое, едва волнистое зеркало спокойных вод и подняв фонтаны брызг.

Хвала Митре, оба умели плавать, хотя каждый, вынырнув и отплевавшись, поспешил плыть на выручку другому.

Ухватив своего кумира за шиворот хламиды, Касталиус пытался выдернуть того сколь возможно высоко из воды. Сам же Бейдиганд, несмотря на более чем старческий возраст, с проворством, говорящим о большом опыте в подобных делах, и недюжинной силой с легкостью оторвал руку торговца от своей одежды, резко перевернул его, как упирающегося котенка, который не хочет, чтобы его мыли, к себе спиной и, обхватив его под мышкой одной левой рукой, принялся загребать десницей, продвигаясь тем самым к стоявшему в трех локтях ялу.

Хорса также потерял равновесие и съехал на днище, больно ударившись спиной. И лишь кхитаец удержался на месте и теперь прикидывал, как ему подвести лодку к оказавшимся за бортом, чтобы половчее их выудить.

Через несколько мгновений Бейдиганд сообразил, что Касталиус вовсе не нуждается в спасении от смерти через утопание и, отпустив митрианца, ворчливо изрек:

— Вот к чему приводят излишняя поспешность и небрежение советами старших!

Ощупав амулет, Бейдиганд убедился, что нырять на дно океана за ним не придется, и тем несколько успокоился. Ухватившись за крепкую руку гандера, а другой уцепившись за борт лодки, жрец влез на борт. За ним тем же способом последовал Касталиус.

Мокрые и растрепанные, в обвисших хламидах, с которых ручьем текла вода, жрецы выглядели уморительно, и, как ни странно, в их чертах было несомненное сходство, выраженное, скорее, не во внешности, но во внутреннем облике.

— Не зря я высушивал эти накидки, — мрачно изрек Бейдиганд. — Выпей вот вина, — протянул он Хорсе флягу, — да вылови вон те яблоки, — указал он на воду, где покачивались еще два прекрасных плода. — Подкрепитесь вместе с... Как твое имя, служитель Митры?

— Касталиус, — отвечал тот.

— Вместе с Касталиусом, — подхватил Бейдиганд, — и садись на весла. Да не забудь разбавить вино, не то будет плохо. О воде не беспокойся, скоро берег. Курс... — Бейдиганд сверился с солнцем. — Ладно, на руль сяду я сам. Еще заплутаете, — закончил он мысль. — Держите равновесие, будем переоблачаться, — бросил он приближенным монарха Хайбории и принялся стаскивать с себя прилипшую к телу хламиду.

Бейдиганд Справедливый, видимо, и вправду проплыл по морям не одну тысячу лиг, поскольку нимало не стеснялся своей наготы. Был он мужчина крепкий, широкоплечий, с сильными узловатыми мышцами рук и ног; юношеской стройностью он похвалиться не мог: брюшко отрастил весьма почтенное, что было, впрочем, естественно для таких лет.

В отличие от него Касталиус предстал худым, как щепка, но жилистым и, несомненно, выносливым человеком. Было видно, что возвеличивание духа не привело в его случае к умерщвлению плоти. Жизнь на свежем соленом морском воздухе остановила, казалось, его годы на рубеже полстолетия.

— Ну вот, теперь можно и побеседовать, — с удовольствием промолвил Бейдиганд, когда уселся на руле. Амулет с крылатым солнцем остался висеть у старика на шее. — Так вот, месьор Тэн И, — со знанием предмета принял рассказывать Бейдиганд. — Диармайд никогда не был митрианцем. Если ты слышал от кого-то иное, значит, ваши маги сочинили это позднее. Он исповедовал Илу Всеединого, что, в основе своей, одно и то же...

Хорса, про себя проклиная изобретателя весел, греб второй день подряд, стараясь до поры не вмешиваться в разбирательство теологических вопросов, коим занялись Тэн И и оба жреца. Гандеру, разумеется, были знакомы каноны митрианства и, по долгу службы, еще и философия служителей Сета, Дэркето и прочих, менее значительных божеств Закатного континента. Но теперь он предпочитал только послушать и извлечь для себя что-нибудь действительно полезное, а именно: куда их все-таки занесло, и как им выбраться обратно.

Прошло некоторое время, прежде чем Бейдиганд, начавший внимательно поглядывать на северо-запад, возвестил:

— Вот он, маяк Гленллана!

Памятуя о недавнем купании жрецов, Хорса с Тэн И осторожно оглянулись: над горизонтом прямо по курсу в ничем не замутненном воздухе показалась островерхая простая башенка неопределенного-серого цвета. Бейдиганд же глядел на нее так, будто обрел наконец давно потерянную родную душу.

Хорса хотел было пожать плечами и отвернуться, дабы продолжить грести: экая невидаль — маяк! Судя по нетерпению, испытываемому Бейдигандом и Касталиусом в предвкушении вида этой суши, взорам их должно было предстать нечто необычайное, а вовсе не гранитная башня, каких полно на всем побережье от северной Зингары до Куша.

Но что-то заставило гандера еще раз посмотреть туда. И словно бы некий сладкий запах, дурманящий душу, коснулся его обоняния, долетев оттуда. И будто дивные голоса и музыка разнеслись над океаном, произнося и распевая слова на незнакомом, но необыкновенно приятном для слуха языке. И словно кто-то заботливой и ласковой рукой вынул из глаз попавший туда сор и отдернул занавесь мутной пелены, мешавшей взгляду. И та же рука будто бы вынула из сердца неощущаемую до сей поры занозу...

Хорса посмотрел на своих товарищев и понял: каждый чувствует то же, что и он. Эта земля за горизонтом, пока еще скрытая за его недостижимой гранью, и влекла к себе властно, и тут же просто приглашала в гости, и манила чем-то заветным. Казалось, даже сами волны океана все катились туда, дабы поскорее достичь того невидимого предела, за которым каждого ждет приют и светлый покой.

Такое Хорса испытывал, пожалуй, только однажды: когда увидел графиню Этайн. Но даже тогда все было во многом иначе...

Он повернулся, с неохотой расставаясь на время взглядом с уже недалеким маяком, и вместе с Тэн И, у которого вовсе не надо было спрашивать согласия, они налегли на весла так, что довольно неуклюжая лодка царственным черным лебедем заскользила по лону вод...

...Пологий зеленый берег постепенно поднимал из лазоревого океана свою спину. Сначала стал вырастать вверх маяк. Даже на таком расстоянии чувствовалась молчаливая древность обтесанных в невесть какой давности времена гранитных блоков. Потом показались вершины холмов, Некоторые, что вставали вдали, в глубине острова, поросли лесом, который густо-синей полосой виднелся у самого предела. Те же, что своими подошвами спускались все ближе и ближе к морю, полысили от неистовых ветров и ныне тешили зрение своей изумрудно-зеленою травой. На одном из самых высоких, по левую руку

от маяка, был выстроен храм, сложенный из того же серого камня. Храм не был велик, но он не выглядел приземистым и угловатым, как многие храмы Митры. Здание было пропорционально и соразмерно, не приижаясь и не стремясь вверх. Оно вливалось в пейзаж этого места, будто искони пребывало здесь. Венчала его небольшая шестиугольная башенка с острым верхом, фасад же, обращенный к океану, целиком занимала арка, завершающаяся двумя дугами, сходящимися острием.

Следом показались два выдающихся в океан мыса. На левом, холмистом и поросшем кустарником, возвышался маяк. Правый представлял собой почти голую песчаную косу с низкими дюнами. Между мысами оставался проход шириной всего около полулиги, за которым открывалась удобная бухта, расширяющаяся в сторону дальнего берега. А там, у подошвы пяти холмов, даже немного забираясь на них, стоял Гленллан. Это был — по меркам Аквилонии — небольшой городок. Самая старая его часть — кладбище и двухэтажные дома из сурового камня, пригнанного тесно, на века, с двускатными соломенными или камышовыми крышами, длинные и немного пузатые — располагалась у подножия того самого холма, на склоне коего стоял храм. Были дома иные, о трех и даже четырех этажах, украшенные затейливой лепкой, с колоннами и порталами, фронтонами, оштукатуренными стенами. Более всего было двухэтажных кирпичных зданий, снабженных в достатке узенькими стрельчатыми окнами с разноцветным стеклом и башенками с острыми шатровыми крышами. Скорее всего, при частых дождях это были самые удобные перекрытия. Самым же красивым и замечательным являлся, конечно, деревянный двухэтажный дворец: резные бревна, множество галерей, арок, крытых переходов, лестниц и самых разных окон, столбов и витых колонн. Дерево смотрелось на редкость ярким и свежим даже из та- кой дали.

Никаких крепостных сооружений в Гленллане не было. Деревянный небольшой причал с одиноким рыбачьим кораблем очень старинной пост-ройки да сети, сушившиеся на берегу, — вот и все.

— Устье бухты перегорожено баром, — предупредил Бейдиганд. Он снова приобрел тот вид, как был описан в легенде:ластный, мудрый, осанистый, величественный. — Течение от материка намывает песок. За полторы тысячи моих лет проток сузился на десять локтей. Скоро наша бухта превратится в озеро.

Хорса прикинул в уме, скоро ли придет это «скоро»: получилось что-то около семи тысяч лет.

«А так ли уж это много? — неожиданно подумалось ему. — Интересно, как будет это все смотреться через семь тысяч лет?»

— А догадываетесь ли вы, какое здание здесь старше прочих? — осведомился вдруг гостеприимный Бейдиганд.

Надо ли говорить, что все предпочли храм либо один из каменных домов возле погоста.

— Нет, — покачал головой Бейдиганд и заулыбался, как наставник, коего весьма потешил бойкий, но неверный ответ любимого ученика. — Это деревянный дворец. Говорят, ему десять тысяч лет.

— Да ведь тогда и бухты, наверно, не было? — ничуть не удивившись, спокойно задал гандер само собой разумеющийся ныне вопрос.

— Не было, — так же безмятежно согласился Бейдиганд. — Это очень крепкое и древнее дерево.

Теперь таких почти не осталось. Они есть только на самых западных островах и весьма

почитаемы...

...Лодка входила в бухту. Медленно уходил назад маяк — массивная круглая башня с толстыми стенами, словно донжон какого-нибудь замка. Окна-бойницы испытывающие взглянули на пришельцев и пропустили их, снова смежив веки и погрузившись в тысячелетнюю дрему. Длинная и очень пологая волна открытого океана сменилась мелкой, совсем почти неуловимой рябью бухты. Казалось, именно здесь вода изменилась: она стала будто бы легче, цвет ее посвежел и налился краской, и едва уловимый аромат поплыл над бухтой.

— Это пахнет вода? — тихо, затаив дыхание, спросил Хорса.

— Нет, — улыбнулся Бейдиганд. — Это запах наших садов, Они там, за кладбищем. Отсюда их не видно.

Причал приближался. Справа от него гандер заметил устье неширокого — локтей в десять — светлого ручья. На потемневших от времени досках стоял высокий, прекрасно сложенный мужчина с лицом дивной, нездешней красоты. Только взор его темных очей где-то в самой глубине был полон невыразимой высокой тоски. Длинные черные волосы падали ему на плечи. Одет он был просто — в широкую голубую полотняную тунику, полотняные же зеленые штаны и невысокие сапоги с отворотами и острыми носами. Хорошей выделки кожаный пояс перехватывал его тонкую талию. Весь облик выдавал в нем великого воина и... и дивного песнотворца.

Красивые тонкие губы мужчины не дрогнули, но гандер слышал, как чей-то звучный и красивый голос изрек нараспев:

...Как пульс морей недремлющий прибой —
Привычный столъ и неизменно новый
Бесплотных мыслей непрерывный строй
Неутомимо ищащих иного.
Выплескивая музыку и слово...

На башне храма ударил серебряно колокол, и звук его поплыл над бухтой и долиной у пяти холмов — Гленланом.

Хорсе подумалось об Этайн.

«Кстати, не унесло ли ветром ее шарф? Да нет, он где-то в сумках, я же его туда положил... Конечно, я вернусь к ней, — решил он. — Скоро... Наверное...»

Глава VII

Очнулась она в совершенно незнакомом месте. Комната, где она находилась, была освещена лишь трепетным огоньком свечи. Стол, глиняная посуда, кувшин, в углу из лепной пасти крокодила лилась струйкой вода, падая в небольшой полукруглый бассейн с плоским дном, наполняя его и уходя в небольшое отверстие в полу. Звук журчащей воды и разбудил Этайн. Графиня лежала на циновке из рисовых прутьев. Помещение было невелико — три на два локтя. Единственный доступ в него был, похоже, сверху, через квадратный люк на высоте двух локтей, в котором виднелось ночное небо, по коему проплывали облака, наславшаясь друг на друга. Края их были посеребрены лунным светом, пробивавшимся сквозь просветы. Люк находился прямо над бассейном, и дождевая вода уходила бы туда. Но, несмотря на открытый верх, холодно не было. За одной из стен, очевидно, размещался камин или печь, потому что от нее исходило приятное домашнее тепло. В другой стене были прорезаны узкие вертикальные окна. Все стены, кроме той, что с фонтанчиком, были завешены мягкими коврами с длинным ворсом.

Этайн осмотрела все прочие предметы мебели и утвари. Стол был сделан из крепкого мореного дуба. Столешница инкрустирована иными редкими породами дерева. Похожие столы — добрые и незатейливые — изготавливали в Немедии. Металлическая — бронзовая и серебряная — посуда была явно турецкого происхождения, фарфоровая — китайского. Циновки могли сделать где угодно, но, судя по рисунку, напоминающему чем-то древние наскальные росписи, они были из Черных Королевств. Стулья — их было два, из хвойных пород, весьма изящных, с искусственной резьбой, — похоже, из Офира.

Словом, все это было из мест столь разных, что определить, где же, собственно, оказалась Этайн, не представлялось возможным. Не знала она ни сколько проспала, ни когда ее похитили — кстати, как же смог этот мужчина проникнуть во дворец, да еще и забраться по стене, как паук? — кажется, было еще темно, хотя ночь была на исходе. Сейчас опять темно. Если ее куда-то увезли, что наиболее вероятно, и сейчас опять ночь, то она проспала целые сутки или чуть меньше. Неудивительно, что ей хотелось есть и пить. В накрытых колпаками тарелках обнаружился свежий, даже не успевший остить хлеб, кое-какая зелень, рис с шафраном, жареный бекас в грибном соусе, в кувшине было молодое легкое вино. Она поела хлеба, зелени и риса, запила водой из фонтанчика. Вода была родниковая — холодная, чистая, с известковым привкусом. Вино и мясо трогать не стала — туда легче всего подмешать снотворное или яд. Иногда зелье можно было распознать на вкус, а вино и мясо под соусом лучше всего могли его скрыть.

Хотя зачем бы тащить ее так далеко, чтобы тут же отравить? Но неважно. Вино и мясо не способствуют ясности мысли, как говорил Озимандия, а подумать следовало. Этайн забралась на циновку, села спиной к стене, поджав ноги.

Итак, что она помнила о том мужчине в черном? Ничего. То есть ничего примечательного. Худощавый, должно быть, очень сильный, умелый и ловкий, если сумел пробраться во внутренний двор и добраться до окна. Похоже, не очень высокий, если сравнивать с Майлдафом или Конаном — локтей шести, не более. Бледный как смерть, хотя на таком холде, как был в ту ночь, при таком ветре и таком напряжении сил можно было и побледнеть, и закоченеть. Безусый и безбородый. Губы? Тонкие, пожалуй, ехидные. Нос? Нос крючковатый, ястребиный, с заметной горбинкой. Глаза темные, колющие, злые. Подбородок

острый, выдающийся, как у человека упрямого и явного гордеца.

Вот и все. Одет был в черное, прямо-таки закутан. Плащ, капюшон, туга обтягивающий голову, полумаска. Ах, да, он же еще связывал ей запястья. Этайн потерла эти места, посмотрела: да, боли не было, но красноватый след от грубой веревки остался на нежной коже. Мерзавец! Но иначе он бы ее уронил. Такой способ переноски раненого или слабого на высоте был самым надежным, как говорил Хорса. Руки у него были ловкие, нервные, пальцы длинные, запястья...

Браслет! Золото, тонкой работы створчатый браслет на левой руке, с рисунком птицы. Петуха? Нет, у петуха есть гребень и бородка. Оперение было пышное... Павлин! Конечно павлин! Павлин... Если павлин, то похититель был с юга или востока. Туран? Нет, к чему им! Стигия? Очень возможно, но тогда был бы змей. Нет-нет, все не то... Погодите, постойте, она ведь совсем недавно где-то видела или что-то читала...

Книга! В книге, что дал Озимандия! Буквы и рисунок словно настоящие возникли пред ее мысленным взором.

«Саббатея, город-государство в землях Шема. Страна сия, Саббатея вышеупомянутая, весьма дурную репутацию имеет и более всего из-за того, что жители ее кульп Золотого Павлина исповедуют, жестокий, богопротивный и кровавый. Адепты веры сей, воистину, убийцы, и к услугам их правители городов шемитских прибегают охотно.

Кульп же сей в Шеме запретным почитается, ибо поклоняются в Саббатее идолу мерзкому, подобному демону в перьях павлинных, коему жертвы приносить должно кровавые, животных всяческих, а также людей. Причем на людей жрецы те охоту ведут, отчего в искусстве сем преуспели отлично, и равных и немного същется».

Вот оно что! Золотой Павлин! Значит, ее принесут в жертву? Но почему не сразу?! Или его наняли? Наверно, наняли! Во всяком случае, лучше думать так. Так не очень страшно. Но кто? Кому сейчас так нужно помешать королю? Ах, жаль она плохо понимает в политике! Но, вернее всего, Стигия. А еще... «В Асгалуне, как нигде в ином месте на побережье к северу от Черных Королевств, сильны те, кто перевозит и сбывает порошок грез тем, кто пагубную страсть к сему зелью имеет. И есть у них и флот, и многие средства, дабы вести свой промысел повсюду и безбоязненно», — гласила книга Саллюстия Меранского.

Да, еще и шемиты. Впрочем, легче ли от того, что она узнает кто? Нужно ведь знать, где она, нужно как-то передать о себе весточку!

Этайн вскочила, пододвинула к стене стул, заглянула в окно.

В рваном, постоянно меняющемся из-за бегущих по небу облаков причудливом лунном узоре, представляющему взгляду графини зловещим, тянулись справа налево воды неширокой реки. Другой берег весь был скрыт густыми посадками. В темноте трудно было разобрать, что это за растение, но более всего это походило на дикий виноград. Как ни старалась Этайн увидеть что-либо еще, заглядывая в другие окна, пытаясь посмотреть как-нибудь сбоку или протиснуть лицо подальше, ничего нового это ей не дало. Оставалось ждать, пока явится прислуга или некто из тех, кто ныне распоряжается ее судьбой. Ее, конечно же, взяли в заложницы, и ясно, что они потребуют от короля взамен. Но ведь Конан не примет условий! Что же он сделает? И что будет с ней, когда купцы выслушают ответ короля? Что будет с ней?!

Этайн опять села на циновку и немного поплакала. Потом намочила платочек холодной водой, приложила к глазам, чтобы не были красными. Спать не хотелось. Сразу подумалось о Майлдафе. Горец, конечно же, узнает все немедленно. И что скажет тогда Бриан?

«Прекрасную Этайн заточили в скверный сид? Тому, кто это сделал, скоро споет банши, пусть даже я не продам в Туран последнюю партию шерсти!» И Хорса... Хорса ценит короля, он называет его кенигом — это высшая степень признания и уважения для гандера. Но ведь он не бросит ее, он сам говорил так! Только бы он не слишком рисковал, в конце концов, ее ведь не убьют — зачем им? А если так, то выпустят рано или поздно, что им с ней возиться?

Так думала графиня, не зная еще, кто такие «они», и стараясь не думать, что «они» могут с ней сделать, если не убьют.

В бесплодных раздумьях прошла ночь. В окошки и люк в потолке сочилась утренняя серость. Потом забрезжил рассвет, защебетали птицы. Никто не приходил, никаких голосов не доносилось снаружи. Она еще раз посмотрела в окно. Речка — даже, скорее, ручей — была мутная от глины золотисто-коричневого цвета. Зеленые кусты винограда склоняли ветви прямо к воде, касаясь ее листами. До самого горизонта, сколько могла она видеть, тянулись виноградники, плоская равнина, где не на чем остановить взгляд.

В Аквилонии таких мест не было. Разве Пуантен мог похвалиться виноградниками, но его земли не были ни столь жарки, ни столь плоски. Но это не могла быть и Немедия или Коф: климат Немедии также был слишком суров для винограда, а Коф или, скажем, Шем находились чересчур далеко для однодневной поездки. Для визита в Зингару надо было бы перевалить горы. Оставался Аргос, куда можно было попасть прямиком, по Хо-роту, но и в этом случае путешествие не могло занять только сутки — требовалось по меньшей мере три дня. Неужели она проспала трое суток? Нет, не может быть!

В это время сверху послышался шорох. Графиня мгновенно оказалась в дальнем от люка углу. Схватив серебряный кувшин поувесистее, она подготовилась обороняться.

В отверстие сначала свесился канат с привязанной внизу корзиной, а затем по тому же канату вниз стремительно скользнул огромный чернокожий человек в тунике, которая едва ли не трещала на его могучих плечах. Не обращая внимания на Этайн, раб собрал со стола посуду и сложил все в корзину, не поинтересовавшись даже, почему Этайн не съела мяса и не притронулась к такому хорошему вину.

Чернокожий явно заметил кувшин в руках графини, но не сделал ни малейшей попытки попросить его обратно или отобрать. Потом он собрал постельное белье и запихал в ту же корзину, хотя белье было весьма дорогим. Так и не удостоив пленницу ни словом, ни жестом, слуга с ловкостью леопарда, несмотря на внушительные свои пропорции, влез по канату обратно. Он исчез в люке и втащил туда корзину.

«Надо попробовать заговорить с ним, — подумала Этайн. — Узнать хотя бы, где я. Он дикарь, конечно, но, в конце концов, все же мужчина, а я далеко не дурнушка, а даже... Зеркало тут есть?» В туалетной комнатке зеркало нашлось. «А я даже очень ничего! — с удовольствием подумала графиня. — Интересно, хватит ли моих чар обольстить настоящего варвара? С благородными тарантийцами это получалось просто».

Не прошло и фарсinta, как канат с корзиной вновь опустился вниз. В корзине лежало белье. Затем не замедлил появиться и чернокожий великан. Мускулатура у него была развита великолепно, пожалуй даже чересчур. Создавалось впечатление, что обладатель этих мускулов нарочно наращивал их, чтобы произвести эффект. Голова его напоминала кувалду, но лицо нельзя было назвать глупым или уродливым. Это было лицо большого ребенка, вышколенного с младенческих лет раба, кругозор которого ограничивался стенами хозяйствской усадьбы.

Сверху кто-то опустил еще и поднос с посудой и кушаньями. Чернокожий ловко

принялся ставить все это на стол. Этайн пододвинула стул, села, закинув ножку на ножку, так что слуге приходилось тянуться над ее ногами, чтобы поставить блюда. Правда, при его росте это не составляло труда, Раб выполнял свою работу так, будто был в комнате один.

«Однако! — подумала Этайн. Вид у нее был более чем завлекательный. — Не раздеваться же мне перед ним?!»

Закончив со столом, великан взялся за постель, с ловкостью девушки-служанки застилая циновки покрывалами и простынями.

Этайн, продолжая игру, вскочила со стула и легла на циновку, заставляя чернокожего приостановить работу. Теперь не замечать ее он не мог. Раб действительно остановился с тонкой шелковой простыней в руках и вопросительно воззрился на Этайн, выразительно выкатив огромные круглые белки. Выглядело это столь смешно, что Этайн прыснула. Облокотившись на локоть, она легла на бедро и спросила:

— Как тебя зовут? Откуда ты? И что это за место?

В ответ слуга растянул в улыбке полные красные губы, обнажив ряд крупных белых зубов, отрицательно покачал головой, а потом, разинув рот, стал указывать на него пальцем.

Этайн взглянула и обмерла: вместо языка во рту у раба шевелился короткий обрубок! Бедняга, он не мог сказать ей ни слова, даже если бы захотел! Графиню охватило чувство искренней жалости. Она даже ругала себя за то, как собиралась дразнить этого несчастного. Порывисто поднявшись, она ласково погладила огромную, твердую как железо черную руку. Чернокожий стоял как вкопанный: вероятно, подобные проявления человеческого участия были ему мало знакомы.

— Так ты не можешь поговорить со мной? — спросила Этайн, заглядывая снизу вверх в круглые детские глаза раба. Тот кивнул, по-прежнему выразительно изобразив на лице разочарование.

— И писать ты тоже не умеешь?

Слуга помотал головой и снова вопросительно посмотрел на графиню.

— Ты хочешь спросить, не нужно ли мне чего-нибудь еще? — догадалась она, — Пожалуй, нет. Хотя... Ты любишь музыку и песни?

Гигант опять расплылся в улыбке и закивал своей большой головой.

— Тогда принеси мне лиру или лютню. Про арфу в ваших краях, наверно, не слышали. Жаль, я даже не могу узнать, что это за края. И передай своему хозяину, если можешь, что я хотела бы с ним побеседовать.

Раб кивнул еще раз, а потом опять покачал головой, должно быть, отвечая «нет» на последнюю просьбу. Он закончил возню с бельем и, неожиданно тепло и ласково пожав руку Этайн чуть выше локтя — движение его было быстрым, словно у дикой кошки, — снова исчез через отверстие в потолке.

«Что ж, — подвела итог Этайн. — Не так уж и плохо. Правда, ничего особенно хорошего. Со мной не хотят разговаривать, подослали немого, да еще и бесхитростного. Это ведь двойная хитрость: как бы он не навредил себе и мне, рассказав о том, какая я хорошая. Но он заслуживает сочувствия. По крайней мере, один заступник у меня здесь будет».

Чернокожий выполнил обещание и вечером принес лютнию. Этайн любила музенировать, отлично разбиралась в известных ей музыкальных инструментах. Лютня была прекрасной работы из вишневого, черного и красного дерева, палисандра и еще каких-то неизвестных пород, но, должно быть, очень редких и дорогих. Этайн осмотрела инструмент внимательно в поисках знака мастера. Он обнаружился на внутренней поверхности кузова.

«Дзолло, сын Пьяцци из Мерано». Аргос! Значит — правда, утверждать со всей уверенностью было рановато, но музыкальные умельцы держали марку и старались не допустить проникновения изделий от конкурентов в свои страны — ее привезли в Аргос. И спала она не сутки, а второе больше. Поэтому и есть хотелось так, будто она была голодна как волк!

Графиня тронула струны; лютня отозвалась. О, это был дивной красоты звучания инструмент! На некоторое время Этайн забыла обо всем: ей хотелось натешиться этой лютней, наслушаться ею, стать для нее своей, подругой. И она пробовала разные песни, мотивы, голоса, сочинения лучших музыкантов, какие были ей доступны. И лютня не упрямилась.

Черный атлет веселился и грустил, как ребенок, только шуметь себе не позволял. Даже в ладоши не хлопал. Наконец он встал и снова пожал Этайн руку. В глазах его только что слезы не стояли.

— Тебе пора идти? И лютню ты унесешь?

Слуга покачал головой и полез наверх. Лютня осталась у графини.

«Его оставили при мне. Вот хитрецы! Или они не боятся здесь никого? Так или иначе, лютня со мной. Что ж, буду играть, может быть, кто-то из соседей услышит? Пойдут разговоры, откуда такие звуки, голоса...»

Этайн в голову не приходило стучаться, кричать, отказываться от еды. Хорса учил ее всему, что может пригодиться в таких случаях. За слишком дерзкое поведение ее запросто могли упратить в какой-нибудь безобразный подвал — сырой, холодный и с крысами, а еду не давать вовсе, так что и выбора бы не осталось: хочешь не хочешь — голодай. При «хорошем поведении» у нее оставался максимум возможной свободы, а значит, и наилучшие шансы бежать или хотя бы выйти из заточения целой и невредимой.

Глава VIII

Сумерки надвинулись, как и всегда здесь, быстро.

— Главное — не проспать отлив, — беспокоился Евсевий.

— А как мы его определим? — поинтересовался Конти.

— Очень просто, ваше высочество, — ухмыльнулся Сотти. — Если верить надписям на камне, вода просто перестанет течь, и мы сможем пройти в пещеру до самых ворот.

Принц был сконфужен, но не обиделся.

Слова Евсевия о возможности проспать отлив были восприняты поначалу с улыбкой, но реальность подтвердила его дневное беспокойство.

Все было приготовлено: дерево для факелов нарублено, копченое мясо — насколько это удалось сделать за один день — заготовлено, рыболовные снасти — кто знает, вдруг придется ловить рыбу в непроглядном мраке подземных вод — проверены. Оставалось только развести костер и дожидаться вожделенного часа. Во избежание вчерашней трагедии никто не отправился на другой берег. Один только неутомимый Полагмар, который с каждым новым днем, проведенным в лесу, только набирался сил, остался вторую ночь бодрствовать, бродя вокруг да около стоянки, временами призраком возникая из тьмы.

Постепенно и без того неспешный разговор сошел и вовсе на нет. Альфонсо, лежавший в лодке и просто рассматривавший звезды, первым начал тихонько похрапывать. Потом стал клевать носом принц Конти, внимавший бесконечным сагам далекой Темры. Конти уже утвердился в решении посетить данную область, если договор будет подписан, и теперь Майлдаф нашел в лице принца благодарного слушателя. Увидев, что принц засыпает, Майлдаф прервал речи и принялся наблюдать эа водами ручья. Тем временем Евсевий, при свете пламени царапавший что-то на коре, отложил наконец свой стилос и удобно устроился близ огня, зарывшись в небольшой стожок надерганной самолично травы. Затем месьор Сотти, ведший неторопливую беседу с аквилонцем, принял сходное с Евсевием решение.

Мегисту сидел, скрестив поджатые ноги, раскачивался и мычал под нос какие-то песнопения своей жаркой родины, но затих и он. Голова кушита поникла, и он так и заснул, сидя.

С удивлением Майлдаф обнаружил, что клонит в сон и его. Он пытался бороться с дремотой, но глаза слипались, ручей умиротворенно шелестел и тихо мерцал белыми звездами в черной блестящей глубине. Утешало только, что где-то рядом, в десяти локтях, не далее, продолжал свое неусыпное бдение барон.

Бриан совсем было устроился спать, положив подбородок на колени, как собака кладет морду на лапы. Но тут мысль о собаке зацепила и потащила за собой воспоминание о волках, размышления о том, что поделяют ныне серые на вольных предгорных холмах — здесь и на земле Гвинид, куда они повернули, когда путники достигли границы с дионтами, и как они спят. Эта идея пришла к Бриану по душе. Вот верный способ избежать опасности упустить нужный момент! Надо просто спать, как это делает волк!

А Майлдаф умел спать по-волчьи. Он не раз наблюдал сам, да и опытные охотники из клана Майлдафов рассказывали ему, как спит волк. Волк никогда не растягивался, не заваливался на бок и тем более не перекатывался на спину во время сна, подобно дворовой собаке. Волк обязан был следить за волчатами, за окружающей обстановкой, за опасностью. Зверь, подобно тому, как сейчас Бриан, должен был не проспать какой-то известный ему

срок. И волк сворачивался в клубок, накрываясь пушистым хвостом, и так проводил во сне некоторое время, не больше фарсinta. Потом серый вставал и потягивался, припадая на вытянутые передние лапы и отклячивая зад, широко — так что глаза лезли на широкий волчий лоб — зевая, обнажая клыки и высовывая длиннющий красный язык.

После этого ритуального действия волк осматривался, принюхивался, крутился несколько раз на месте вокруг своей оси и снова укладывался, сворачиваясь в клубок.

Бриан попробовал подражать волку, и — о чудо! — у него получилось! Сон становился ничуть не менее долгим и освежающим, чем непрерывный, — даже более, а нужное событие не оставалось упущенном. Вот и теперь решил он прибегнуть к той же нехитрой уловке. Барон — бароном, а на стоянке тоже должен был оставаться кто-нибудь бодрствующий.

Ночь тянулась медленно, а отлив все не наступал. Бриан успел уже три раза заснуть и проснуться. Однажды он застал у костра Полагмара. Гандер подкладывал в огонь ветки.

— Все спокойно, — прошептал барон. — Вода пока не убывает.

Это Майлдаф видел и сам. Он потянулся, покрутился по-волчьи и вновь улегся, сжавшись в комок. Во сне он почувствовал, будто кто-то тяжелый, но невидимый опустился ему на грудь и не дает дышать. Бриан силился, но никак не мог проснуться. Но вот минул фарсант, и неведомые волчьи часы внутри человека сработали безотказно. Горец встремился и открыл глаза. Он не увидел ничего! Какая-то плотная черная масса, действительно крайне затруднявшая дыхание, облепила его. Казалось, к самому мозгу прилепились тысячи хоботков, ощупывающих и обшаривающих самые потаенные уголки сознания, тянувших из человека жизнь. Едва он попытался усилием воли воспротивиться этому, как словно бы бесчисленное множество мелких раскаленных иголок вонзилось в голову, причиняя неистовую боль. Бриан чуть не потерял сознание и едва не задохнулся, потому что неведомая сила зажала нос и сдавила горло, но сумел не уступить этой атаке. Вскочив и подняв руки к лицу, он ощутил, как пальцы погружаются в нечто мягкое, но упругое. Вцепившись в это нечто, горец с силой рванул это в разные стороны.

С трудом, но злобная черная масса поддалась: на свою силу Бриан никогда не жаловался! Он вновь обрел способность видеть. Костер догорал. Полагмара нигде не было. Все остальные спали как убитые.

Горец метнул взгляд на ручей. Вода, жалобно журча, заполняла вырытое ею русло лишь наполовину и продолжала быстро убывать. Вокруг него на траве валялись клочья чего-то темного, живого и опасного. Клочки эти шевелились, копошились и норовили опять собраться вместе.

«Нет уж позвольте...» — подумал Бриан, Он выхватил из костра горящую ветку и ткнул в самый сгусток черноты.

Раздалось шипение и хрип. Черный ком конвульсивно задергался. Огонь некоторое время горел изнутри его, просвечивая какие-то волокна и линии, складывавшиеся в подобие черт какой-то отвратительной маски, но скоро пламя стало угасать, а клубок тьмы опять начал толстеть. Майлдаф споро нагнулся и схватил свой устрашающий клинок, который всегда лежал во время ночевок на привалах рядом с ним, и что было силы рубанул по этому.

Сгусток охнул и почти распался надвое. Что-то вспыхнуло темно-фиолетовым огнем внутри его, и однородная чернота стала на глазах превращаться... в давешнего демона! Вот это был сюрприз! Превращение завершилось в мгновение ока, и перед горцем предстало мертвое тело того же человека-птицы с рассеченной страшным ударом от левого плеча, где крепилось крыло, до правого ребра грудью.

Над черными зубцами елей сверкнул серебряный свет — это всходил месяц, и вид его был именно таким, как изображал рисунок древних паков на стенах красных скал. Словно в ответ на этот первый луч и сегодняшние мысли Майлдафа где-то совсем рядом завыл волк. Бриан никак не мог прийти в себя, чтобы броситься будить товарищем: голова болела, будто ее раскроили напополам. Из-за ствола ближайшей ели выскочил растрепанный барон, весь в хвойных иглах и почему-то в репьях, кои пребывали у благородного дворянина даже в густых и жестких изжелта-белых волосах.

— Беда! — громко зашептал барон. — Какие-то существа идут на нас со всех сторон! По-моему, они похожи на угольно-черные шары, плывущие по воздуху. А дальше за деревьями мелькает что-то белое, будто кто-то во множестве приближается к нам с факелами! Хорошо, что завыл волк, иначе я бы заснул прямо под корнями ели!

«Да, волки снова нас выручили!» — подумал Майлдаф. Мысль об этих своевольных и независимых серых зверях окончательно привела его в чувства. Барон уже растолкал Евсевия, и теперь аквилонец, кляня себя за беспечность на безукоризненном староаквилонском, тормошил что есть силы упорно не желавшего открыть глаза Конти. Голова тупо ныла, но боль постепенно отступала к вискам и затылку, и мысль работала четко. Майлдаф помог Сотти подняться, поскольку ноги у аргосца замерзли и затекли. Альфонсо будить не пришлось. Как всегда не слишком приветливый, он всмотрелся в черноту леса.

— Скорее надо уносить ноги. Эти ваши дионты, кажется, опомнились!

Ручей тем временем обмелел настолько, что вода не доставала и до колена.

— Майлдаф! Возьми лук! Мы справимся без тебя, только держи их на прицеле! — попросил Евсевий.

Звавлив на плечи один вельбер — унести оба людям было попросту не по силам, — все успели в пещеру. Первым, с факелом в поднятой руке, шествовал Альфонс. Костер так и бросили догорать: прятаться теперь было бесполезно. Напоследок Мегисту кинул в огонь горсть каких-то белых шариков и провыл что-то на своем языке. Зачем он сделал это, никто спрашивать не стал, но было ясно, что хуже от этого не будет. Хуже быть не могло. Белые точки и вправду оказались не мириадами ночных бабочек, но факелами дионтов!

Как и следовало ожидать, коридор пошел под уклон. Дно тоннеля давным-давно не очищалось и покрылось налетом зеленых водорослей. Идти по скользкому ковру было крайне неудобно. Майлдаф, остановившись у входа, не спешил стрелять, ожидая, пока дионты сами начнут нападение. Однако намерения у них были отнюдь не мирные, и с первым выстрелом они не замедлили. Что-то свистнуло у него над головой. Без сомнения, это была стрела. Не дожидаясь следующей, он выпустил подряд три стрелы, метя в белые точки. Было довольно далеко, и Бриан сомневался, попал ли он, да и вообще не был уверен, что стрелы пролетели столько, сколько было необходимо, и не застряли в ветвях. Дионты, в отличие от пиктов, нападали молча, и даже если кто-то из них пал, по раздосадованным крикам распознать это было невозможно.

Немедленно вокруг засвистели стрелы. Майлдаф ответил еще несколькими выстрелами и совсем было собрался последовать за товарищами, как хитрость Мегисту явилась ему во всей красе. Вряд ли суть таилась в заклинании. Если оно и значило что-либо, то лишь для самого Мегисту. Первую роль сыграли, безусловно, белые шарики. Дионты уже приблизились к опушке, как вдруг костер вспыхнул ослепительно белым пламенем, взметнувшимся на три локтя разом! Майлдаф перестал что-либо видеть и, дотянувшись до стены тоннеля, на ощупь побрел вниз.

Лишь через некоторое время ему стало казаться, что впереди краснеет огонек факела. К счастью, так оно и было!

Выход из пещеры выделялся менее черным среди общей черноты стен, к тому же всходивший месяц уже озарял его своим призрачным светом, и края проема отсвечивали серебром.

А костер продолжал свои вспышки. Каково же было дионтам, если Майлдаф, застигнутый только первой из них, потерял зрение на столь долгий срок!

Коридор быстро понижался, и вскоре покров из лохматых водорослей сменился влажным, но не скользким каменным полом, ровным, но не гладким, а нарочно немного шероховатым, дабы ноги путников не скользили по мокрому камню. Майлдаф не знал, как глубоко они спустились под землю. Будь с ними Тэн И, он бы не слишком затруднился с ответом. Должно быть, подземный ход был весьма глубок, поскольку абрис входного проема уже пропал из вида.

Постепенно к Бриану возвращалась прежняя острота зрения, и он почти нагнал товарищем, тащивших тяжелую лодку, оружие и съестные припасы, но предпочел отстать на несколько локтей: рано или поздно фокус Мегисту перестанет действовать, и тогда уже ничто не помешает дионтам следовать эа ними по пятам и быстро нагнать беглецов. Впрочем, даже при ярком огне обогнуть костер не составляло труда. Майлдаф отстал нарочно, чтобы свет факела не мешал смотреть и не делал его мишенью, а звук близких шагов не мешал стрелять на слух. Бриан не сомневался, что, завидев свет факела, дионты немедленно потушат свои и примутся эа игру в прятки.

Тем временем спуск кончился. Они были где-то во чреве скал, в древнейших чертогах гномов, не видевших живого существа вот уже пять тысяч лет. Да полно, даже Атлантида успела уйти под океанские волны — так рассказывал Евсевий, а пещеры должны были давно засыпаться песком, который постепенно, слой за слоем, приносила вода, да и гранитные своды не вечны: каменный великан Дол Улад исчез за какие-то мгновения! Но пока своды не собирались уступать времени, и скальную твердь не сотрясали корчи, да и магией не пахло.

Не пахло вообще ничем, только сырость ощущалась в воздухе.

Шествие продолжалось. Все понимали, сколь великой опасности подвергаются, но делать было нечего: свалиться в какой-нибудь бездонный ров или просто подвернуть ногу было бы едва ли не худшей бедой. Но вот коридор повернул вправо под прямым углом и тут же пошел вверх.

— Скоро должна быть трещина, откуда изливается поток, — услышал горец уверенный голос Евсевия. — Я не удивлюсь, если через нее ведет чрезвычайно узкий мост.

— А если его там и вовсе нет? — высказал предположение Сотти.

— Весьма возможно, — был обнадеживающий ответ.

Майлдаф, подозревая, что, если тоннель пошел вверх, значит, заветные ворота уже близко, задержался у поворота. Дионты, если они полезли в пещеру, или мерзкие черные пузыри, таящие демонов-оборотней, сейчас должны были себя обнаружить. На их месте Бриан побоялся бы упустить преследуемых, не зная, что таит за собой поворот.

И он не обманулся в своих ожиданиях. Из темноты явилось нечто. Майлдаф не опасался чудовищ: под Дол Уладом он навидался всяких — настоящих и призрачных, но хуже всего оказались те, что предстали в человеческом обличье. То, что таилось перед ним ныне, не было ни зверем, ни птицей, ни змеем. Зверь бы выдал себя звуком шагов своих лап или копыт, дыханием, наконец. Змея шелестела бы чешуей. Крылатое создание непременно

колебало бы воздух взмахами крыл. И животное обязательно должно было пахнуть. Здесь, в пещере, ветра не было, и скрыть резкий запах, присущий зверю, было бы невозможно, а на нюх горец не жаловался никогда. И только коварный человек или нелюдь способен был красться неосызаемой тенью и убивать бесшумно и без необходимости утолить голод, то есть всех до одного.

Ощущения, кои испытывал Бриан теперь, были сходны с теми, что возникли у него, когда черное облако окутало его во сне. И сейчас кто-то ощупывал невидимыми, настороженными и безжалостными пальцами пространство. Этим пальцам только и надо было хоть чуть-чуть зацепить человека, а дальше те, кто шел следом, не задержали бы с появлением и расправой.

Это было сильнее и увереннее, чем демон-птица у ручья, но и Майлдаф ныне бодрствовал, к тому же он имел теперь опыт защиты от такого врага. Состязаться в игре ума с неведомым противником, который мог оказаться кем угодно, в том числе и колдуном, Бриан желанием не горел. Такие трюки могли бы с успехом проделывать Евсевий, Озимандия или Кулан, но не он — пастух и купец, горец из Темры. Зато в прыткости мысли Майлдаф не уступал никому, за исключением, пожалуй, короля Конана. Неизвестное создание искало его, но горец преуспел в этом споре и предупредил удар. Он выстрелил три раза, как сумел скоро, при этом между первой и третьей стрелой истекли считанные мгновения. Целился он не на взгляд, не по слуху, не на запах, даже не по осязанию, а по предвидению...

И второй выстрел пришелся в цель! Невидимый цепкий лучик чужой враждебной воли затрепетал, как пламя свечки, и погас. И тут же Бриану послышалось из глубины прохода как будто шарканье очень мягкой, сделанной из шкурки маленького олененка кожаной обуви.

«Так вот в чем секрет! — додумался Бриан. — Эти незримые банши оглушают, ослепляют и душат меня, да еще и хотят покопаться у меня в голове, и я воюю с ними опять же у себя в голове, как мудрецы в тарантийских Палатах Мудрости — вот уж бесполезное занятие! Евсевий с Озимандией находят в этом какую-то прелесть, а король с придворными ходит туда посмотреть на все это собрание будто на представление, только что ставок пока никто не догадался делать. Но каковы дионты! Они этим пользуются и подкрадываются все ближе, а я об этом и понятия не могу иметь, поскольку очень занят с этим банши! Мало того, он сообщает им, где я, если сумеет поймать меня за хвост! Нет уж! Бриана Майлдафа вам не провести! Теперь я вас слышу, а вы меня — вряд ли! Только кто же это был, такой ретивый? Опять черный пузырь или кто-нибудь еще?»

Не в силах немедленно найти ответ на сей животрепещущий вопрос, Бриан стал медленно отступать за поворот, опасаясь потерять из вида факел Альфонсо и одновременно поджиная, когда дионты высунутся из-за угла.

Но дионты не спешили. Утратив своего проводника, они уже не шествовали, а крались, поминутно останавливаясь и совещаясь. Никаких голосов Бриан не слышал, но интуитивно ощущал разговор, который вели несколько... человек. Он уже затруднялся называть дионтов людьми. Памятуя, как общались с помощью одних только мыслей старцы-служители Илу Всеединого и как созывал целые тучи бабочек Кулан, издавая неслыхимые звуки, Майлдаф и о дионтах переставал думать как о племени вполне человеческом. В конце концов, и Народ Холмов его предки не зря назвали именно так, зачем-то обособив его от людей.

Ход его мыслей был прерван наступившей тишиной. Или преследователи просто остановились, или противник что-то задумал. Хуже всего было бы предположить, что дионты задумали напустить на Бриана очередное зловещее создание своего колдовства. Но

мгновения шли, а ничего не менялось. Кроме непонятной беседы заговорщиков, ведущейся на неизвестном языке недоступным способом, Майлдаф ничего не различал. Меж тем факел вдали опять превратился в неяркую звездочку.

«Не пойду за ними, — решил горец. — Если им пришла такая охота поговорить, то пусть себе говорят, а я пойду восвояси. Если они _ чуют меня так же, как и я их, то пускай попробуют догнать».

Решившись, Бриан с быстротой волка и мягкостью лесной кошки, как умел здесь он один, устремился по тоннелю вослед уходящим. Расстояние, которое ему потребовалось преодолеть, оказалось изрядным. Пещера действительно была великанской. Подъем закончился, и пол снова сделался ровным. Пробежав еще немного, Майлдаф едва не налетел на чернокожего Мегисту, стоявшего последним в процессии несущих лодку.

— В чем дело? — прошептал он.

— Вот она, великая пропасть, — благоговейно ответил кушит.

— Видел я всякие пропасти, — отрезал Бриан. — На ней что, моста нет?

— Мост есть, — как-то даже обиделся за пропасть Мегисту. — Тебя ждем, чтобы ты в нее не рухнул в темноте.

— И какова же эта пропасть? — поинтересовался Майлдаф.

— Под Дол Уладом была поуже, — отозвался Евсевий. — И мост там был поуже. Вперед, Альфонсо.

Процессия выдвинулась на узкий — в полтора локтя шириной — изящный каменный мостик без перил и, разумеется, без опор, изогнувшись аркой над непроглядным мраком бездны. Ширина трещины составляла двенадцать локтей. На противном берегу препоны вновь начинался коридор. Никаких ворот не было и в помине.

Впрочем, из оставшихся в отряде никто не был склонен горевать из-за подобного пустяка.

— Бриан, нас кто-нибудь преследует? — осведомился Евсевий, только когда мост остался позади.

— А как же! — поспешил не разочаровать его горец. — Большая толпа народу. Народа Холмов, то есть. И с ними такие твари, что их не видно, не слышно и запаха у них нет, но они могут шарить своими мыслями на расстоянии, даже пробовали залезть в мои. То же самое делал тот черный пузырь, которого я убил на поляне у пещеры. Из него потом получился тот же демон, что задушил Деггу. Но стрел они боятся. А еще, когда они на тебя нападают, ты перестаешь слышать что-либо и весь занят беседой с этим.

— Весьма поучительно, — почему-то сказал Евсевий и пояснил: — Прислушивайся не только к своим мыслям и мыслям великих, но и к тому, что происходит вокруг.

— Я как раз к мыслям и прислушивался, — не вполне согласился Бриан. — Но это мелочи. Вы теперь идите вперед, а я их тут покараулю. Здесь мне легче будет их задержать.

— Кстати, — остановился вдруг Сотти, когда они уже намерились двигаться дальше. — Я бы пожертвовал одним факелом. Посмотреть, как там вода. Мы идем не так уж быстро, и времени прошло немало.

Факел подожгли и бросили в пропасть. Евсевий принялся считать.

— Четыре... — торжественно изрек он, когда факел потух. — Пятьдесят локтей. Если учесть, что пропасть не столь уж велика — мало того, он ничтожен в сравнении не то что с океаном, но даже с небольшой бухтой, — то малейшее дыхание моря мгновенно приведет к затоплению этих подземелий. Нам надо спешить!

— А ведь пещера подсыхает только в самый большой отлив, — заметил Альфонсо. — Так что песок едва успеет перетечь вниз, как вода опять начнет прибывать.

— Моряк знает дело! — восхитился Сотти. — Попспешим же!

Бриан снова остался один. Сначала все было тихо, но потом единственный, но отчетливо слышимый звук занял собой всю огромную тишину пещеры: это был плеск воды. Отлив прошел свою низшую отметку. Океан начинал вдох.

«Самому бы не утонуть», — подумал горец. И тут же нечто заставило его насторожиться. Будто бы топот и шарканье множества маленьких ножек не то чтобы приближались, а прямо-таки волной катились из тоннеля к пропасти.

«Это еще что?» — подумал горец, на всякий случай проверяя, удобно ли висит тул со стрелами, и натягивая лук. Чем Бриан Майлдаф мог похвастаться с полным для того основанием, так это отсутствием брезгливости. Его не смущали ни пиявки, ни лягушки, ни змеи, ни насекомые. Он как должное воспринимал грязь, сырость и холод. Желудок его одинаково легко переносил морскую качку и тошнотворные, казалось бы, запахи. Но сейчас у него возникло стойкое чувство противного, отталкивающего, такого, о чем и слышать неохота, не то что видеть. Даже черный пузырь и демон внутри него не вызвали во всем существе

Бриана столь бурного чувства протеста, хотя именно на демона это, спешащее навстречу, более всего и походило.

На всякий случай Майлдаф отступил к стене, чтобы его заметили по крайней мере не сразу. Преследователи использовали тот же прием, что и Мегисту. Разом вспыхнуло великое множество факелов — маленьких, в три раза меньше обычных, — но и этого было достаточно, чтобы бедному Майлдафу во второй раз эа ночь ожгло нежданной вспышкой света глаза, на сей раз, правда, ненадолго.

Озаренные факельным огнем, к пропасти приближались ряды небольших — в треть, может чуть больше, человеческого роста — существ, похожих на человека, только глаза у них по форме были какие-то восточные, словно бы у гирканцев, но большие. В общем, почти как у паков из Темры. Только вот были они куда противнее паков: большеротые, голые по пояс, большеглазые и желтокожие, как месьор Тэн И, а уж переговаривались они совсем не как люди, а шипели и присвистывали, будто рептилии.

«Это ж леи! — догадался Майлдаф. — Ну и ну! Вот не чаял! Дракона Диармайда О'Дуйна я видел, паков видел, Народ Холмов видел, про Белую Деву Горы мне рассказывал очевидец, который ее не только видел, но и, хм, трогал, а теперь еще и леи! Везет же мне!»

В руках у леи помимо факелов были дротики и луки. Стрелять навскидку на сто локтей, как это делали Евсевий и сам Майлдаф, такие луки, конечно, не могли, но двадцать локтей, составлявших ширину пропасти, преодолевали легко, даже с лихвой. Насколько помнил Бриан, людей леи не жаловали и при всяком удобном случае вредили как могли. В данном и несомненно удобном для них случае самый большой вред, что они могли нанести людям, заключался в умертвлении Бриана Майлдафа. В отличие от удобных пещер его родины, где каждый желающий мог непринужденно укрыться за камень или выступ, здесь все было гладко, как на туранском фарфоровом блюде. Гномы далекой древности оказались редкостными чистоплюями, пожертвовав очевидной необходимостью ради сомнительной красоты совершенных форм.

Сообразив, что даже если он подстрелит десяток этих созданий и еще тысячу искрошил мечом, ему не выжить, Бриан бросился наутек — шагом. Факел Альфонсо мелькнул

последний раз... и пропал.

«Поворот!» — подумал горец, и тут рука его, которой он касался стены, чтобы не потерять во тьме путь, ушла в пустоту, а сам Майлдаф пребольно стукнулся о что-то твердое. Едва не выругавшись громко, но сдержавшись, горец ощупал то, что послужило причиной столь неприятного события.

Предмет был статуей — фигурой выше роста человека, помещенной в неглубокую нишу. Кого именно изображала скульптура, Бриан увидеть не мог, но низ ее представлял собой, вероятно, складки длинного одеяния.

Решив, что так вовремя попавшийся памятник послужит ему хоть каким-то убежищем, Бриан юркнул в нишу. Пространство между стеной и статуей оказалось довольно просторным, и горец легко уместился там.

Тем временем маленькие желтокожие существа перешли по мосту препону и двинулись по пещере. Они шли медленно и осторожно, внимательно обшаривая своими огромными глазищами пространство перед собой.

«Этак они меня быстро найдут, — рассудил Бриан. — Дело плохо».

Он отступил за статую так, что совсем перестал видеть происходящее в тоннеле, и плотно прижался спиной к камню. И повалился навзничь!

Видимо, он случайно нажал на рычаг или плитку, приводящую в действие некий механизм, и распахнул небольшую дверцу, ведущую внутрь статуи.

Не задумываясь о том, сумеет ли он найти способ открыть дверь изнутри, Майлдаф влез в угольную черноту памятника нутра.

Наверху просачивался откуда-то, должно быть, из отверстий в камне, тусклый свет и висел в воздухе бледными, еле видными лучиками.

Майлдаф сделал шаг и едва не свалился. На сей раз запнулся о ступеньку и больно палец ушиб. Но этого уже не заметил.

По ступеням, на ощупь, взобрался кверху и выглянул наружу через отверстие, пробитое в камне. Окошко, правда находилось низко, и ему пришлось нагнуться.

Картина предстала такая, словно ожили старинные саги!

При неверном, пляшущем свете факелов по тоннелю проходили сотни и сотни лей, скалящих кривенькие маленькие рты и корчащих противные рожи, шмыгая длинными носами и беспрерывно двигая всеми мышцами лица одновременно. При этом карлики приплясывали, выделывая такие коленца, что все законы, описывающие равновесие тел, оказывались попраны.

Над ними проплывали в воздухе, поминутно сталкиваясь и огрызаясь друг на друга, знакомые уже человеко-птицы с зубастыми кловами и устрашающего размера когтями на тощих жилистых лапах.

Вслед за леями выдвигались из темноты гигантские твари, обликом схожие с людьми, но уродливые и грубые, словно неизвестный ваятель в большой спешке выкромсал резцом из вязкого сырого гранита их безобразные тупые физиономии. Вместо волос на их головах колыхались кожистые гребни, подобные драконым. Ростом они превосходили человека вдвое, а некоторые и более. Их конечности, могучие и узловатые, как древесные корни, были покрыты крупной чешуей, точно кольчугой. Мощные, как у тургарта, ноги несли объемистое квадратное туловище с толстым животом. Облачены они были в полуистлевшее грязное тряпье, а в лапах сжимали тяжкие каменные молоты, палицы, утыканые для пущей убийственной силы клыками и бивнями каких-то гигантских животных, и обыкновенные дубины, размеры

коих призваны были вселять в сердца врагов немалое уныние. И поступь чудищ вызывала в почве колебание и дрожь. Глаза же их недвижны и злобны были, как у змей. И, что заслуживало превеликого удивления, великаны тоже приплясывали, сотрясаясь всеми своими огромными членами в небыстром, но строгом ритме, и вся пещера вздрогивала сообразно с ним.

Замыкали шествие сами Люди Холмов. Так и шли они, невысокие, коренастые, темноволосые, курчавые и светлые, с прямыми волосами, сжимая в крепких, украшенных затейливыми металлическими браслетами руках мечи, копья и луки. Покатый большой лоб, тонкий нос с хищными крыльями и горбинкой, пушистые прямые брови, широко распахнутые, чуть удлиненные глаза, отсутствие бороды. И тоже пританцовывают, приплясывают в том же ритме, что и чудища, но только легче, красивее, более плавно.

На поводках некоторые воины вели молодых волков. Звери исподлобья взирали желтыми недобрными глазами и глухо, угрожающе огрызались непонятно на кого.

«Как же они похожи на нас, горцев! — подумал Бриан. — Даже и сказать трудно, чем они на нас не похожи. Разве поприземистее и посмуглее, да и не такие тонкие, как мы. Да, поплотнее нас будут. Только зачем это такое воинство ополчилось против семи человек? И почему все пляшут? Прямо не война, а Шествие какое-то».

Шествие! И точно, как это он сразу не догадался? Столько раз в сагах, сказках и песнях говорилось про то, как любит всякая нечисть устраивать по особым дням шествие, играя на своих колдовских инструментах свою волшебную музыку, А сегодня как раз и был особый день, как сказал Евсевий, — день самого низкого отлива и какой-то там луны. К шествию, правда, полагались еще банши и прочие духи, кои должны были выть, а еще крысы, жабы, нетопыри, гномы и блуждающие огни. Жабы, летучие мыши и крысы, впрочем, как подозревал Бриан, добавлялись специально для малышей, чтобы тем не было совсем страшно — все-таки близко знакомые твари! А гномов присочинили и вовсе зря, для компании, должно быть. Что же до банши, духов и блуждающих огней, то и без них вид был впечатляющий. А уж слышать пение банши Майлдаф пока не жаждал!

Но тут появились и музыканты. Это были те же Люди Холмов, только вместо оружия в руках у них были дудочки, барабаны и арфы. Замыкали шествие крытые носилки, которые тащили — весьма легко, к слову, — восемь здоровенных мужчин. Кто был в носилках, Майлдаф не знал, но догадывался: там полагалось находиться королю или королеве всего лесного и горного народа.

«А если я подстрелю этого короля? — подумал Бриан. — Должно быть, переполох случится изрядный! Жаль, щели слишком узки, не для лука!»

В это время из-под занавески носилок высунулась рука — даже кисть руки — белая, холеная, тонкая и кокетливая, — сделала легкое изящное движение и тут же исчезла. Но наблюдательному горцу достаточно было и этого.

«Королева! — понял он. — Да еще какая! Нет, стрелять я не стану! Будь там какая-нибудь старая карга, вроде Шин Лириган, я еще подумал бы, а так... Но что же им от нас надо, если они притащили сюда королеву?»

Сей же час, повинувшись знаку, музыканты изготовились и грянули странный и поначалу казавшийся несуразной смесью звуков, но чем дальше, тем все более стройный и завораживающий мотив.

Надо ли говорить, что ритм был тот самый, что выдерживала доселе в тишине эта удивительная рать.

Люди Холмов, молчавшие до этого времени как рыбы, переговариваясь мыслями, затянули песню на незнакомом, но изумительно звучном и красивом языке, никогда прежде Брианом не слышанном.

Этот язык чем-то походил на староаквилонский, чем-то на родной язык земли Гвинид, чем-то на язык атлантов — Майлдаф был свидетелем, как скрипел на нем Озимандия, приводя в неописуемый восторг слушателей в Палатах Мудрости.

Зачарованный музыкой, пением и белоснежной ручкой горной королевы, Бриан не сразу уразумел, что процессия уходит вперед и скоро нагонит его товарищей.

Но что он мог сделать? Носилки и арьергард из вооруженных великолепными стальными мечами и щитами Людей Холмов прошествовали мимо статуй, и горец решил покинуть свое убежище: так или иначе, а иного пути, чем вглубь горы, у него не было. К тому же вода...

Вода! Вот о чем позабыли они! Ведь хлюпанье он слышал, уже когда поджидал шествие на кромке трещины. А что там творится сейчас?

Бриан кубарем скатился по ступенькам и толкнул дверь. Она на удивление легко распахнулась, и он выскользнул из каменной фигуры. Прокравшись вдоль стены назад к трещине, Майлдаф с ужасом узрел, что вода плещется почти у него под ногами. Она не заливалась пока ту часть коридора, где находились он, его друзья и вся армия преследователей, лишь потому, что пол пещеры постоянно шел под уклон вверх. Но прибывала вода стремительно. Море не любило шутить, это Бриан осознал, да и Евсевий обещал, что если прилив застигнет их у ворот города гномов, они не успеют добежать обратно до выхода. Они не успеют даже доплыть, хотя у них и есть вельбер! Подземный ход делал колено изгибом вниз, и водяная пробка отрезала их от внешнего мира.

Зачем же дионты, то есть Люди Холмов, отправились за ними? Должны ведь были знать, чем грозит прилив!

Не найдя удовлетворительного ответа, но вполне уяснив, в какую переделку они попали, Бриан бросился назад. И тут почувствовал за спиной дуновение. Резко отпрыгнув вперед и в сторону, Майлдаф рванул из ножен меч и развернулся. Так и есть! Птица с человечьей головой и зубастым клювом метила ему когтями в затылок, но промахнулась. Взъярясь, демон, вместо того чтобы позвать на помощь сородичей, напал на горца снова. Нацелясь человеку в лицо, птицеловек упал камнем из-под самого потолка. Того Майлдафу и надо было. Горец был ловок, как кошка, а в поединке кошки и птицы успех сопутствует, как правило, первой. Так получилось и на этот раз. Демон дал маху, схватив когтями воздух и клацнув зубами по пустоте, а меч Майлдафа пришелся ровно по спине чудовища, точно посередине между крыльев. Сталь клинка ударила о камень пола. Удар был столь силен и точен, что развалил тело демона пополам. Каждый миг ожидая новой атаки со стороны взбешенных смертью соплеменника или же привлеченных запахом свежей крови монстров, Бриан поспешил дальше, вслед за шествием нечисти.

Сзади раздался громкий булькающий звук, каковой случается, когда фонтан только начинает свою работу и вода выходит наружу толчками. Так произошло и теперь: гигантская масса воды протолкнулась сквозь горловину подземных трещин и вырвалась на поверхность в тоннеле гномов, в самом сердце пущи. А затем снова и снова, словно кровь из поврежденной артерии, выбрасываясь сгустками, била из недр земли тугая струя.

Нижние уровни пещеры быстро заполнялись водой, которая, словно гигантское первобытное животное, почувствовавшее радость освобождения от оков, клокотала и

фонтанировала, спеша поглотить еще не поглощенное ею пространство, возвращая свои исконные владения, отнятые у нее когда-то народом подгорных мастеров.

Майлдаф быстро нагнал паланкин и незаметно пристроился к процессии сзади, стараясь приплясывать в согласии со звучащим ритмом. Как ни странно, это оказалось очень просто и никак не замедлило скорость движения. Если бы кто-нибудь из свиты горной королевы вдруг обернулся, то увидел бы тень, танцующую ровно так же, как и все в этом невообразимом шествии, и принял бы Бриана за своего, разве только обратив внимание на его необычно высокий для Народа Холмов рост.

Вместе с носилками он повернул за угол и вдали вновь узрел одинокий огонек факела, светивший откуда-то с изрядного возвышения. Огонек был далеко, но зато от света, что он бросал на вертикальную поверхность, находящуюся за ним, был различим ясно, несмотря на бледность. И падал от света сей не на стену каменную, но на металл. А это значило только одно: они достигли ворот старейшей твердыни гномов.

Войско Народа Холмов остановилось, ожидая чего-то. То ли знака королевы, то ли окончания музыки. Но музыканты продолжали выводить свой колдовской мотив, а королева более не показывалась из паланкина. Может быть, леи страшились первыми идти в атаку? Но их было куда больше, да и людей они могли просто поразить стрелами и иным метательным оружием. Наконец, кто мешал им пропустить вперед гигантов с молотами?⁷ Но армия стояла как вкопанная.

И тут Майлдаф понял, чего дожидается Народ Холмов. Они ждали, пока Евсевий откроет ворота! Им нужен был город, что лежит за ними! Зачем, об этом нельзя было и догадываться. Кто были Народ Холмов и все пришедшие с ним твари? Как далеко к корням времен уходила линия их бытия? Кем доводились они ушедшем гномам, и как они ладили меж собой тогда? Не зная этого, нечего было и браться решать такие задачи.

Впрочем, Майлдаф был здесь не для того, чтобы тревожить пыльные загадки темных веков. Его сапоги уже омывала вода, и он чувствовал, как она поднимается с каждым мгновением. А хитрый Евсевий, конечно же, понял, что от него хотят, и до последнего момента тянул с открытием. А может, у него не получилось?

Мучимый сомнениями, Бриан уже готов был попытаться проскользнуть или прорубиться сквозь строй вражьего воинства, или же взять в заложницы королеву, но тут и подданные ее горного величества почувствовали, что незыблемая гранитная твердь у них под ногами быстро и неотвратимо сменяется зыбкой хлябью.

Песнопения мигом оборвались. Как и прежде, безмолвно, Люди Холмов устремились вперед, к возвышению, куда взобрались спутники Бриана. Но не тут-то было. Леи, подняв оглушающий шип, стрекот и визг — они ведь были крайне малы ростом, и потоп грозил им ранее всех, — бросились врассыпную, но из-за превеликой своей численности устроили давку, не продвигаясь ни вперед, ни назад ни на шаг. Твердолобые великаны с дубинами непонимающе остановились, лишь переминаясь с ноги на ногу и тараща своими змеиными глазками на всеобщую суету. Быстрее же всего поняли ужас своего положения крылатые демоны.

Сбившись в мрачную стаю, они ринулись, бесшумно скользя под потолком и на глазах преображаясь в черные пузыри, назад по проходу, туда, откуда вода уже не просто растекалась, а шла волнами.

«Если они умеют нырять в своем шаровидном обличье, то, может, спасутся на радость пиктам», — подумал Майлдаф, стоя уже по колено в воде и прикидывая, как бы ему без

ущерба для себя пробраться к своим.

Тем временем Люди Холмов, как самая организованная здесь сила, выстроились клином, внутрь коего поместили паланкин с королевой, и двинулись на приступ, разметывая в стороны бестолково метавшихся по пещере лей. Но тут вода достигла ног великанов, и положение изменилось мгновенно.

Благодаря своему огромному росту чудовища пока не должны был опасаться, что скоро утонут, а их моши, увеличенной многократно их оружием, достало бы, по мнению Майлдафа, чтобы сокрушить не то что ворота, но самые эти горы. Однако, чуть только первые струи заплескали у их ног, гиганты взывали и взревели, подобно убиваемым быкам, только намного громче. Более всего впечатляло то, что великаны не просто ревели и выли, но говорили, хотя язык их был груб, безыскусен и невнятен.

«Конечно, попробуй поворочай таким языком, когда у тебя череп толщиной в полголовы!» — заметил для себя Майлдаф, не без опаски приближаясь в хвосте строя Людей Холмов к чудищам.

А громадные человекоподобные создания, приявшись в неописуемый ужас, принялись метаться и суетиться подобно маленьким леям, только что вреда от такового их поведения приключилось куда больше. Сколько лей было потоптано и перекалечено, не считал никто, да это никого и не занимало. Но ведь и Люди Холмов уже не могли держать строй, ибо великаны не обращали внимания на тех, кто попадался им под ноги.

«Твари боятся текучей воды! — понял Майлдаф. — А то что бы они стали так волноваться! Вот уж нечисть так нечисть!»

Горец уже не таился. Вооружившись мечом, он протискивался сквозь всеобщую давку и свалку, в мгновение ока принявшую такой оборот, что на человека никто не обращал внимания, а для тех, кто обращал, итог проявления такового неосторожного любопытства был плачевен: Майлдаф умел не только пасти овец и стрелять из лука. Головы он тоже рубил отменно.

Пробившись уже далеко вперед, так что приходилось уже и смотреть, как бы не споткнуться о лей и не получить от них в глаз стрелу, Бриан понял, почему вся сила гигантов, приведенных Народом Холмов, бесполезна при штурме ворот. На возвышение перед воротами высотой в пять локтей вела крутая узкая лестница с маленькими ступеньками, и ступить на нее монстры никак не могли. Они неизбежно срывались оттуда и ревели и бесновались внизу в бессильном страхе.

А вода сзади уже пошла валом, смывая и хороня под своей толщей лей и с головой накрывая Людей Холмов. Напор ее был столь велик, что горец с трудом удержался на ногах. Волны плескались уже у его груди, и Бриан, не дожидаясь, пока очередной вал утопит его совсем, сбросил сапоги, чтобы те не мешали ему плыть. По счастью, из тяжелых вещей у него был только меч, но его горец перевесил за спину, ибо расстаться с таким оружием было бы непростительным расточительством: пловцом Майлдаф был отменным, так что и с мечом за спиной проплавал бы долго, а если ему на этот раз выпал-таки жребий утонуть, то не важно, с мечом это произойдет или без.

И второй вал не замедлил с появлением. Поддаваясь току воды, Бриан мягко оттолкнулся от пола и поплыл. Когда он вынырнул, вокруг плавали луки, шапки, сапоги, бубен, вырванный волной из руки музыканта, а также барабанились некоторые из Людей Холмов. Великаны пока что не утонули — вода достигла только их пояса, и они прыгали в ней, крича так, будто очутились в кипятке, производя изрядное волнение и взметая тучи брызг. Вода же

была отнюдь не горяча, даже скорее холодна, но не столь сильно, как бывает обычно в водоемах каверн. По всему видно, пещера и вправду имела подземную связь с океаном, и его тепло передавалось частично рекам подземелий.

— Евсевий! Сотти! Альфонсо! Я здесь! — что есть духу заорал Майлдаф, плескаясь в двенадцати локтях от уступа и стараясь не приближаться к великанам, пока те не утонули.

Над кромкой возвышения высунулась черная борода аквилонца.

— Бриан! — раздалось сверху. — Наконец-то! Евсевий, конечно, не мог в наступившей тьме разглядеть горца: многочисленные факелы Людей Холмов и лей, разумеется, погасли. Аквилонец кричал, обращаясь в пространство:

— Держись! Мы войдем в царство гномов! Я уже открываю врата!

До слуха Бриана донесся скрип и скрежет, а затем звук колеблемых металлических створок. Сомнений не было: Евсевий верно прочел древние письмена. Ворота распахнулись перед ними спустя пять тысяч лет после ухода гномов!

Но даже Евсевий ошибся, недооценив силу стихии. Перед самым возвышением потолок пещеры довольно резко уходил вверх, образуя нечто вроде горлышка бутылки, в коем вода, клокоча и бурля, поднималась с невиданной быстротой. Вот скрылись под ней головы и руки несчастных великанов. Вот Евсевий прокричал: «Готовьте веревку, вытащим его!» И веское замечание Альфонсо в ответ: «Готовь вельбер, иначе сам будешь плавать, как он, если сумеешь. Поплыvем прямо отсюда. И факелы положи так, чтобы не промокли!»

Майлдаф уверенно держался на плаву, поднимаясь вместе с водяным столбом, чего нельзя было сказать о Людях Холмов. Пловцы из них вышли худые, и многих затянуло под низкую часть тоннеля, а оставшиеся с трудом сопротивлялись и один за другим пропадали под водой. Неожиданно в четырех локтях от себя Майлдаф узрел паланкин королевы, кружящийся в небольшом водовороте. Занавески, естественно, намокли, но толстые жерди, поддерживающие палатку, были изготовлены, очевидно, из легкого и плотного дерева, так что сооружение демонстрировало прекрасные качества устойчивости и плавучести.

В несколько взмахов достигнув носилки, Майлдаф уцепился эа жерди и дал себе отдохнуть. Все же иметь хоть какую-то опору было куда приятнее, нежели пребывать в не свойственной для себя среде.

Наконец вода перехлестнула через край, и Майлдаф торжественно выплыл из пучины перед истомившиеся ожидание взоры товарищей.

Ворота оказались распахнутыми внутрь двумя массивными створками из незнакомого металла, напоминающего серебро, но им, безусловно, не являющегося. Высота створок составляла около трех локтей, ширина — около двух с половиной. Наружная сторона была изукрашена искусствами узорами и таинственным письменами, а также сценами из жизни гномов: занятиями торговлей, рудокопным делом, ковка, огранкой самоцветов, поиском и добывчей подземных богатств и какими-то боевыми действиями.

На одной из картин — или так лишь казалось? — фигурировало изображение боя гномов с чудовищным драконом, изрыгающим пламя и дым. Кроме того, створки были снабжены пазами, в коих находились рычаги. Перемещая эти рычаги, Евсевий получал тот или иной знак из числа составляющих письмо гномов. Ибо все знаки представляли собою вертикальную черту примыкающим к ней справа или слева или и справа, и слева разом некоторым числом горизонтальных или наклонных черт, то и передвижение рычага из начального положения на черте-стволе в крайнюю точку на черте-ветви должно было означать присовокупление оной ветви к стволу.

Получив все нужные знаки, Евсевий открыл врата. Точнее, они немедленно растворились сами собой.

Но закрыть их было уже невозможно, ибо вода продолжала прибывать, и ток ее был столь силен, что противодействовать ему, пытаясь затворить ворота, не мог бы даже гигант из тех, что привели с собой Люди Холмов.

За воротами оказалась шахта, уходящая вверх, довольно узкая, но весьма высокая, и вельбер, куда уселись все, вместе с паланкином, немедленно пойманым и притянутым к лодке веревкой, за которую паланкин продолжал держаться Майлдаф, не имевший времени перебраться в челн, вошел в эту шахту и начал подниматься вверх, кружась и виясь вокруг винтовой лестницы, помещавшейся внутри шахты.

К радости путников, поток скоро стал ослабевать, а потом и прекратился вовсе.

Они очутились на одном уровне с устьем пещеры, и там, в месте, откуда они вошли под кровлю гор, отделенном от них теперь несколькими складьями каменнойтолщи, теперь снова изливался на свободу ручей — священная река пиктов, стремясь к океану.

Теперь смысл священности потока становился ясен: с каждым большим отливом ручей переставал течь, вновь возобновляя течение с приходом прилива, и пикты, не понимая причин явления, дивились ему и трепетали, ибо видели в нем непостижимое и, значит, божественное.

Глава IX

Опустившаяся на остров ночь отступала. Ярко-серебряный свет луны озарял недвижные травы и лишь слегка колыхался и дрожал на черной глади бухты. Костер, сложенный на нижней площадке, служившей причалом, потрескивал, разбрасывая искры. Ллейр наблюдал за озером. Конан и Ойсин остались у огня. Киммериец проверял амуницию и осматривал меч, Ойсин дремал, закутавшись в одеяла. Мир был тих и благостен, и ничто не говорило о предстоящей битве...

Внезапно Конану показалось, будто на него смотрят. Отвлекшись от меча, он взглянул в сторону Ойсина. Жрец по-прежнему клевал носом, поджав колени к подбородку. Посыпался легкий плеск, будто мелкая рыбешка шевельнула хвостом, шлепнув по поверхности. Снова настала тишина, и киммериец было помыслил, что ему почудилось, и собрался подремать, подобно жрецу, но в тот же миг раздался крик Ллейра:

— Краген!

Ойсин моментально вскочил, будто и не смыкал глаз.

— Где? — прокричал он.

Вон там, всплыл близ закатного берега и гребет к нему! Ну и чудище!

— В лодку! — быстро сказал Ойсин, но Конан был уже там.

Несмотря на ночную прохладу, они надели доспехи еще перед закатом, чтобы не терять времени на облачение в них. Ллейр сбежал по лестнице, на ходу сбрасывая свой черный плащ. Дивного плетения плотная мелкокольчатая броня с прикрывающими грудь пластинами облегала его стройную сильную фигуру. На рыжих локонах, ныне схваченных налобным ремешком и убранных назад, был водружен вороненый круглый островерхий шлем, формой походящий на колокол. Пояс из стальных посеребренных звеньев защищал живот, набедренники и поножи — ноги. Из-за плеча выглядывала крестообразная рукоять его длинного узкого меча. Словно воин из древних легенд воспрянул и явился в мир для последней схватки.

Ойсин надел для боя куртку из кожи фаститоколона с нашитыми стальными пластинами и такой же, как у Ллейра, шлем. Оружием его был боевой топор.

Конан был в кольчуге и доспехах, предохраняющих ноги. Щиты и копья уже ждали в лодке.

Работая веслами невозможности бесшумно, чтобы не растревожить чудовище раньше времени, но быстро, они обогнули скалу и сей же миг увидели крагена. По черному зеркалу мелководной бухты не плыл, а прямо-таки скользил устрашающих размеров темный валун, мокрый и оттого тускло отблескивающий в лунных лучах. Глаза чудища были обращены к луне, и того, что творится позади, он не замечал.

Но воздействие угрюмой и злобной черной воли, воли без разума, оттого становящейся вовсе безжалостной, распространялось вокруг крагена волнами более ощутимыми. То же чувствовал Конан, когда на него смотрел немигающими глазами огромный Сатхи — змей из подземелий Алой Цитадели. Но удав не был злобен по природе своей, убивая лишь для уголения голода. Даже великий чародей — Тсата-Ланти — не был способен на то, что сделал древнейший властелин зла, извративший сущность гигантской твари, превратив крагена в подобие злобного пса, призванного хранить разрушительную тайну бытия и уничтожать всякого, посмевшего сделать шаг к ее раскрытию. Руки становились

непослушны, взор словно бы застлала мутная пелена, в которой вздрагивали и кривлялись ужасные призрачные тени, грозные и зловещие очертания, миражи, не имеющие ясной формы и цвета, но производящие действие гнетущее, понуждающее покориться, сдаться, сжаться, дрожа и трепеща, пропасть, не быть. Но не таковы были Ллейр и Ойсин, несущие в сердцах огонь и свет древнего знания. Не таков был и Конан Киммериец, над кем тьма не раз простирала свои жуткие крылья. И призраки отступали перед знанием, волей и верой, словно невидимым пламенеющим ореолом окруживших троих воинов и зажегших их сердца. Марево, насланное враждебной мощью, облекшейся в плоть чудовища, рассеялось.

В несколько толчков краген преодолел оставшееся до песчаного пляжа расстояние озерной глади и пополз на берег. Сначала из воды показались две суставчатые лапы с клешнями, оперлись о плотный песок и, сложившись, подтянули тело крагена вперед, а затем целый клубок щупальцев, подобный нескольким величайшим змеям, перед коими и Сатхи выглядел бы гусеницей, вытолкнул из воды все тулowiще, покрытое костным панцирем. Медленно, словно нехотя, перебирая этими щупальцами, готовыми в любой миг молниеносно сжаться, увлекая пойманное, обшаривая поверхность песка, уродливый моллюск пополз к вершине ближайшей дюны, подбираясь поближе к луне, вытягивая к ней свои хоботы и клешни, но не в силах схватить вожделенную добычу.

— Пора! — громко шепнул Ойсин, когда чудище взгромоздилось на холм, удалившись от воды настолько, что не сумел бы быстро возвратиться в привычную стихию. И лодка понеслась вперед стрелой, выпущенной из тутого лука.

Краген обратил на людей внимание, лишь когда они уже высадились на берег в стороне от того места, где сделал это моллюск, чтобы он при возможном удачном отступлении не уничтожил челн. Щупальца вновь пришли в движение, теперь вращая тулowiще твари, разворачивая его обратно к воде, и вот огромный мертвенно-бледный глаз со злобным бездушным зрачком — провалом, зияющим, казалось, в самую тьму, — воззрился на тех, кто дерзнул нарушить мрачное уединение крагена. Хищный роговой клюв, куда без труда поместился бы небольшой слон, раскрылся, издавая мерзостное плотоядное клокотание. Чудовище взметнуло щупальца в направлении людей.

Но прежде, едва глаз крагена повернулся к ним, Ллейр, Конан и Ойсин подняли и метнули разом три тяжелых длинных копья. Одно из них — копье Ойсина — краген успел перехватить, обвив его щупальцем и тут же переломив, как тростинку, но копья Конана и Ллейра нашли цель, вонзившись твари прямо в глаз. Судорога прошла по телу гиганта, дернулись лапы и щупальца, мутно-белая полупрозрачная жидкость хлынула из глаза, и он потух.

Однако первая удача еще не сулила успешного исхода схватки. Не успели воины взяться за вторые свои копья — они взяли с собой по три, — как два или три огромных щупальца единственным броском метнулись к ним, и все тело крагена подалось вниз, сокращая дистанцию. Щупальца у самого окончания своего были вооружены твердыми когтями, которыми краген и оставил следы на мысу, где Конан встретился с Ллейром и Ойсином. Вот таким когтем и попытался подводный гад зацепить Ойсина. Но тот оказался проворнее, а главное — хитрее противника. Человек увернулся от обрушающейся на него студенистой массы и подставил топор так, чтобы тяжелое щупальце не вырвало его из рук, но лишь задело по касательной. Острое как бритва лезвие из самого твердого и прочного металла рассекло тонкую костную пластину и мощную плоть. На песок хлынула черная кровь. Щупальце оказалось разрезанным до половины своей толщины чуть выше когтя, и поврежденная часть его уже не

могла чинить вреда, бездвижно повиснув. Ойсин укоротил крагену одну из его ужасных рук.

Удачный удар топора предупредил атаку на Конана и Ллейра, и еще два копья были брошены во второй глаз твари, и снова краген сумел прервать полет одного из них, подставив клешню, от которой копье отскочило, как от крепчайшего щита, но другое угодило точно в глаз. Око крагена, подобное зловещему фосфорному свету луны сквозь туман, лопнуло с булькающим звуком. Над озером осталось единственное ночное светило — то, что плыло в небесах.

Однако моллюск был способен сражаться и не видя своих врагов. Ощущал ли он присутствие людей в том или ином месте, улавливая тепло их тел, как змея находит мышь в пустой темной комнате, просто ли бесновался в ярости, или же Отец Зла снабдил своего слугу каким-либо иным чувством, но бой закипел яростный. Воспользовавшись мгновенным замешательством крагена, Ойсин и Конан успели подхватить щиты, тем самым оградив себя от прямых ударов в тело когтей и клешней, но Ллейр оказался не столь проворен, и теперь лишь мечом противостоял пагубной моши чудовища.

Краген рванулся вперед еще раз, и люди очутились в пределах досягаемости его клешней, значительно более коротких, нежели щупальца. Никогда прежде Конану не доводилось столько уворачиваться, ибо пытаться избежать объятий твари было бесполезно — та выбрасывала щупальца с быстрой прыжка разгневанной кобры и сразу настигла бы беглеца. Отбиваться же, будучи уже схваченным, было и вовсе безнадежно. Огромная сила позволяла титану умертвить человека, раздавив его одним щупальцем.

Когти чертили на песке глубокие борозды, щупальца то обрушивались сверху, то, загибаясь, елозили по грунту, то метались в воздухе из стороны в сторону. Клешни сухо щелкали, ловя лишь пустоту, но сколь ужасным было это щелканье!

Пусть меч киммерийца и уступал в твердости и остроте оружию Ллейра и Ойсина, но сила, которую вкладывал киммериец в свои удары, с лихвой восполняла этот недостаток. Конан не в первый раз имел дело со змееподобным чудовищем и знал, на что тот способен. Бессмысленно было рваться вперед — щупальца крагена были сильнее всего у основания, и там любой, даже самый острый меч был бы с легкостью вышиблен из рук человека, словно дубиной. Иное дело тонкие концы щупальцев: их можно было перерубить или перерезать, если, конечно, рука, держащая клинок, была рукой воина и богатыря. Несомненно, о Конане и Ллейре можно было сказать подобное.

Шесть человеческих рук противостояли двум клешням и семи — после удачного удара Ойсина — щупальцам крагена. Конан пока успешно избегал опасной встречи с клешней, и скоро с десяток кровавых дряблых обрубков, только что бывших упругой живой плотью гада, конвульсивно дергались на песке, отмирая. Надежно закрывшись щитом, киммериец шаг за шагом приближался к туловищу крагена, к его черному сердцу.

Преуспевал и Ллейр. Он не сумел подхватить щит, но, как-то извернувшись, завладел копьем и теперь с копьем в правой и мечом в левой руке отбивал атаки чудовища. Вот он проткнул тяжелым наконечником щупальце, пригвоздив его к земле, и страшным ударом разрубил его наискось.

Хуже приходилось Ойсину. Получилось так, что именно против него крагену было удобнее пускать в ход клешню, и уже не однажды Ойсин с трудом удерживался на ногах, когда острый конец сжатой клешни с силой бил в его щит. Но и Ойсин успел изрядно изранить чудовище, так что пологий склон дюны превратился теперь в месиво из песка и густой липкой крови, на котором можно было поскользнуться.

Такое несчастье и случилось с Ойсином. Он снова, улучив момент, раскрылся на мгновение и нанес топором страшный удар, такой, что, казалось бы, неразрушимо твердая клешня крагена, снова протянувшаяся навстречу жрецу, треснула вдоль; от нее, как от скорлупы ореха, отвалился неровный кусок панциря с приросшей к нему плотью, размерами подобный большому щиту, а трещина достигла основания клешни и продолжилась еще на ноге чудища. Действовать, во всяком случае, атаковать этой клешней краген более не мог, но тут удар обрубком щупальца заставил Ойсина отступить на шаг, чтобы утвердить надежно стопу, но вместо плотного песка там оказалась кровавая жижа. Нога Ойсина поехала назад, и он упал лицом вниз, в последний момент успев подставить правую руку с топором. И сейчас же одно из щупальцев моллюска дернуло вперед щит Ойсина, едва не вывихнув ему руку, а другое обвило его под мышками и отшвырнуло уже задушенного Ойсина, у которого вряд ли осталось целым хоть одно ребро, далеко в сторону.

Конан не видел этого. Он уже почти вплотную подобрался к цели, и теперь черный ненасытный клюв был совсем рядом. Ллейр же, увидев, какая участь постигла его друга, взревел, точно дикий лев, и метнулся, вопреки ожиданиям крагена, прямо туда, к телу моллюска, где оставшиеся щупальца и их обрубки сплетались в тугой копошащийся узел. Одним ударом, который мог бы срубить и дерево толщиной в пол-локтя, Ллейр отсек врагу вторую лапу. Конан воспользовался этим и, отрубив крагену последнее целое щупальце, ткнул острием меча в сочленение пластин панциря, словно в щель, где соприкасаются части доспеха.

Меч на локоть ушел в тело, и тогда, несмотря на то что краген пытался вертеться, отталкиваясь от песка обрубками, чтобы достать людей клювом, киммериец будто рычагом расширил эту щель между пластинами, словно взламывал тяжелую крышку сундука, и подоспевший Ллейр вогнал туда копье на всю длину, пока не уперся пальцами, сжимающими древко, в тело гада.

Удар был жесток, ибо пронзил крагену самое сердце. У Ллейра достало сил выдернуть копье, и он уже занес его во второй раз, но это было ненужно. Живучая и сильная тварь еще шевелилась, но исход боя был решен. Чудовище подыхало. Отбросив копье, Ллейр бросился туда, где на песке, неестественно изогнувшись, лежало искалеченное тело Ойсина.

Конан, которого обуяло неистовство битвы, когда он, не замечая вокруг ничего, кроме врагов, мог крушить их десятками, сам оставаясь невредимым, наваливая вокруг горы трупов, продолжал рубить крагена, разрывая его жилы, и крепчайший панцирь разлетался на куски под ударами меча киммерийца.

Наконец жизнь покинула последние укромные уголки чудовищного тела, в нем открылась огромная рваная рана, будто и впрямь Конан разрубил какой-то зловонный мешок, и тут король остановился, отрезвленный: вместе с потрохами и кровью на песок выскочил какой-то черный блестящий предмет, напоминающий небольшой керамический сосуд. Оставив растерзанного крагена, Конан поспешил к воде, омыл предмет, и вправду оказавшийся черно-серым стройным, высотою в локоть, керамическим кувшином без ручки. Сорвав печать, киммериец извлек, представив его лунному лицу, тугой пергаментный свиток, покрытый незнакомыми письменами. Обернувшись и увидев Ллейра, в отчаянии склонившегося над сраженным Ойсином, Конан спрятал кувшин за пазуху.

Глава X

Прошел день. Графиня играла и негромко пела, пока не устала. Ночь также не принесла новостей. Спала графиня беспокойно. Где-то после полуночи ее разбудил гром. Молнии крестили небо, воздух был сух и тревожен, за стенами бензовался шквал, слышались шепот, завывания, будто это сонм демонов летел на крыльях бури, но ни единой капли дождя так и не пролилось. Шквал умчался, словно его и не было. Этайн заснула опять.

Разбудил ее все тот же слуга, принесший завтрак и смену белья. Белье каждый раз было новое — это было заметно по рисунку. На сей раз по покрывалам разгуливали пышнохвостые чванные павлины — глаза б ее не глядели! Кушанья, напитки и вина также были изысканными и разнообразными. Сегодня ей подали особым образом запеченную форель, виноград и другие фрукты, турецкий шербет, тонко нарезанный острый сыр, старое, выдержанное, но легкое вино, сочащиеся растительным маслом овсяные лепешки, горячий хлеб, всяческие мыслимые лакомствами неизменный рис, способов приготовления коего здешний повар, должно быть, знал без счета: на сей раз это был пилав с медом и изюмом.

Неизвестный горячий напиток кирпичного цвета явно с какими-то травяными добавками был заключен в округлый, пузатый серебряный с позолотой сосуд, к коему приделан был носик, будто слоновый хобот, а закрывался сосуд крышкой. Слуга налил напиток в маленькую фарфоровую чашечку из Китая и, прищелкнув языком, что должно было означать отменное качество, предложил Этайн попробовать. У напитка был необычный, чуть горьковатый, приятно-терпкий вкус и аромат розы.

Напиток неожиданно бодрил, прояснял сознание, и Этайн с удовольствием выпила еще три чашки, благо черный ее попечитель, видимо, знал толк в напитке и подливал его в чашку тогда, когда считал это необходимым.

После трапезы раб удалился восвояси, даже не оставшись послушать музыку. Наверно, сегодня у него еще были другие дела...

Жаркий полдень проникал в покой лишь тремя лучами из окошек да снопом света, освещавшим бассейн. Этайн мурлыкала что-то душепитательное о девичьей любви, тихонько поглаживая струны, когда снаружи донесся приглушенный, но вполне внятный молодой и звучный голос:

— Госпожа! Госпожа, прошу вас, подойдите к окошку! Скорее, если можно, у нас мало времени!

Этайн вздрогнула: кто бы это мог быть? Может быть, речь не о ней? Кто знает, вдруг тут целый гарем и в каждых покоях по госпоже?

— Госпожа! Я же слышал, вы играли на лютне, значит, не спите! — опять позвал голос.

Теперь уж точно ее: других лютней что-то не слышно! Вот новости! Значит, кто-то знает о ее пребывании здесь. Может, все это нарочно подстроено?

Нет, едва ли: что она может сообщить ценного? Какую тайну раскрыть? Сколько платков дала мужу в дорогу? Или имя последней наложницы короля? Так это еще сомнительно, назовет ли она имя последней, а не предпредпоследней!

Этайн заглянула в окошко.

— Я здесь!

Из кустов высунулся чернокожий слуга, а за ним появился высокий молодой человек, стройный, широкоплечий, с длинными светлыми волосами. На нем была белая свежая

туника, немного мокрая от не высохшего еще после росы винограда, черные запыленные сапоги, широкий красный пояс и зеленые шаровары. К поясу была привещена небольшая дорожная сумка — такую же носил Майлдаф, и благодаря тому, что он был весьма почитаемой персоной, такие сумки все более входили в обиход у купцов и иных путешественников. Горец ликовал: торговля процветала! Из-за плеча у молодого человека выглядывал гриф лютни.

— Госпожа! — оживился собеседник. — Я не вижу вас, но голос ваш очаровал меня, и игра ваша божественна! Хорошо, если бы вы продолжили играть, тогда к нашему разговору не станут прислушиваться.

Чернокожий кивнул, нарочито пристально озираясь, как бы показывая, что в любой миг их могут обнаружить.

— Я не могу! — ответила Этайн. — Мне будет не подойти к окну!

— Хорошо, — нашелся пришелец. — Я играю и пою не столь искусно, но все же...

Он взял лютню, потрогал струны, чтобы посмотреть, не сбился ли строй, и заиграл. Это были знакомые песни, но исполнял музыкант их совершенно необычно, вплетая в довольно простую канву новейшие мелодические изыскания лучших придворных сочинителей музыки из Немедии и Аквилонии. Такого подхода Этайн еще не слышала. Длинные умные пальцы молодого человека исполняли на струнах свой собственный завораживающий танец, и далеко не самая лучшая в Хайбории лютня звучала так, будто в нее вселился дух музыки.

Тем временем менестрель продолжал:

— Меня привел к вам этот добрый человек. Я зашел сюда, в богатый дом, чтобы немного заработать. Вообще-то я школьник, учился два года в Бельверусе, а теперь решил съездить домой, в Мерано. Потом поеду обратно, доучиваться. Денег у меня мало, приходится играть.

— Где мы, опишите это место, прошу вас! — крикнула Этайн. В сердце ее затеплилась надежда: школьников в Хайбории много, кто будет обращать внимание на каждого?

— А разве вы... — недоуменно протянул юноша. — Впрочем, неважно, — сказал он сам себе, видимо что-то решив для себя. Скорее всего, этим «что-то» было «не задавай вопросов».

— Вы находитесь в Восточном Аргосе. Это новые земли, орошающие водой из отведенных от Хорота каналов. Здесь селятся те, кто может купить такие земли, они очень дороги сейчас, поскольку дорого обходятся постройка каналов и поддержание их в исправности.

— Что это за дом? Чей? — спросила графиня. — Это большой секрет, но меня привезли сюда без моего на то соизволения и держат хоть и в роскоши, но взаперти, и я даже не знаю, кому обязана этим!

— Ах, моя госпожа, я сделаю все, чтобы помочь вам! — Он посмотрел на окна. Она впервые увидела его лицо.

Он не был красив, но довольно хорош собой. Худощавый, с лицом несколько удлиненным, с большим узким носом, широким и высоким лбом, прямыми густыми бровями, немного насупленными и суровыми. Голубые глаза смотрели открыто, но не наивно, в этом взгляде ощущались опыт и воля. Бледные чувственные губы плотно сжаты, подбородок тверд. Во всем облике его были решительность, внутренняя сила и одухотворенность, свойственная натурам незаурядным во всех проявлениях.

— Это богатое поместье какого-то крупного торговца, почти крепость. Стены высотой в

четыре локтя, двое ворот, башни — снаружи как будто дом где-нибудь в Туране. А внутри — меня пустили сюда попеть — большой внутренний двор, фонтан, павлины, леопард в клетке. Главного хозяина я не видел, были только его гости и управляющий — толстый бородатый шемит.

— А гости? — поинтересовалась Этайн.

— К величайшему моему сожалению, я не наблюдал за ними подробно. Это обыкновенные аргосские купцы, еще один был, кажется, из Кордавы, и два шемита. Это если не считать служанок, телохранителей и танцовщиц — вот уж собрание со всего материка! Но чем я могу вам помочь? Ничего более я сообщить не могу. Я переночевал на конюшне, и этот добрый молчун попросил меня следовать за ним, когда я совсем собрался уходить. И вот я здесь.

— Как вас зовут, благородный юноша? — спросила графиня.

— Меццо из Мерано, — был ответ. Все это время он продолжал наигрывать, и хоть в чистом небе вовсю сияло солнце, казалось, лютня говорит со звездами аргосской ночи на их звездном языке.

— Месьор Меццо, моя просьба, боюсь, для вас может быть невыполнима, но все же, если не вы сами, то найдите человека, кто сможет ее выполнить.

— Я обещаю сделать все, что бы вы ни попросили, — твердо отвечал Меццо.

— Речь идет не только о моей жизни, — начала графиня. — Я не могу посвятить вас во все тонкости — я и сама знаю мало, но постарайтесь добраться до Тарантии. Я аквилонская графиня. Идите прямо в королевский дворец, скажите, что у вас есть сведения для месьора Тэн И. Это хитрец. Вам ответят, что его нет, и он действительно в отъезде. Но вы попросите, чтобы вас сопроводили к его помощнику, ибо у вас есть сведения о графине Этайн Мабидан. Вам поверят, поскольку сейчас я отдаю вам мой перстень. Больше ничего не надо делать. Расскажите обо всем, что видели своими глазами, и передайте то, что слышали сейчас от меня. Если вы не можете добраться до Тарантии, то сообщите обо всем этом аквилонскому послу в Мессантии, прошу вас. Я сознаю, что подвергаю вашу жизнь опасности, но иной возможности у меня нет!

— Я выполню все, что вы просите, — еще раз повторил Меццо и взглянул на окна, надеясь увидеть хотя бы ее лицо. Увы, это было невозможно.

— Как я получу перстень?

— Очень просто. Мой друг, — обратилась Этайн к слуге, и он понял это. — Если я передам тебе перстень, Меццо сможет получить его сегодня? А я тебе спою!

Гигант ухмыльнулся и махнул огромной рукой в знак согласия. Потом, заметив что-то на стене, приложил палец к губам, тронул Меццо за плечо, отчего тот едва не свалился в ручей, но удержал юношу от падения, и они вместе исчезли в зарослях. Звуки лютни Меццо, конечно, стихли, но Этайн поспешила вернуться к своей, и музыка не смолкла.

Этайн лишилась всех бывших с нею на момент похищения украшений. Шаг похитителей был верен: она ничего не сможет передать на волю, чтобы дать знать о себе. Но перстень, подаренный скромным месьором Тэн И, имел хитрость. Он сидел на пальчике графини столь плотно, что, казалось, снять его можно только с вместе с пальцем. Распиливать же его можно было долго даже алмазной пилкой: металл, а это была платина, содержал в себе мелкие алмазы, и миновать их пилка не могла. К тому же распиливать кольцо на пальце значило повредить палец, а портить товар похитители пока не могли себе позволить.

Перстень имел замок, для открытия коего нужно было составить определенную

комбинацию из яшмовых зернышек, укрепленных по краю печатки. Зернышки имели форму четырехгранной пирамиды, и каждая грань имела свой цвет. Эти маленькие пирамидки могли вращаться и закрепляться в положении, когда одна из граней, доступных взгляду — основанием пирамида прилегала к печатке, — была обращена кверху. При искомом сочетании цветов обращенных кверху граней замок открывался, кольцо размыкалось, перстень можно было снять. В этом перстне был заточен сильнейший яд, но он, увы, не мог помочь Этайн теперь, а вот сам перстень... Второго такого не было. Тэн И оправдывал репутацию большого ценителя редкостей. Не узнать эту вещицу помощник Тэн И — месьор Кангуй, как ни странно, гирканец — не мог.

Слуга появился ко времени обеда и спокойно принял перстень. Когда он пришел вечером, Этайн, опасаясь, что их могут подслушать, посмотрела на него с такой мольбой и надеждой, что чернокожий атлет не мог ее не понять. Он утвердительно кивнул: Меццо получил перстень и ушел.

Теперь Этайн оставалось только ждать

Глава XI

Вельбер покачивался в шахте у одной из ступенек лестницы. Если вода и прибывала еще, то очень медленно. Лестница поднималась вверх, теряясь где-то в потемках. Она была изготовлена из белого мрамора, перила — из того же серебристого металла, что и ворота. Стены шахты покрывала мозаика, но, в отличие от обычной хайборийской мозаики, маленькие плитки были словно облиты некой тонкой и твердой прозрачной массой, походившей на стекло. Огонь факела отражался в ней зыбким отсветом, будто некий светоч сиял из глубины, таящейся за прозрачной гранью, где уже не внутри, но вокруг стеклянного столба вилась лестница из белого мрамора и покачивалась на черной воде изогнутая кренделем лодка с людьми. Черное зеркало воды тоже отражало все то, чего достигал свет их слабого, как надежда, источника, и белый ступенчатый винт в окружении мерцающих стен погружался в бездонные глубины, и люди в лодке висели там вниз головой.

По стенам пестрели картины каких-то давних событий — а может, то была просто фантазия тогдашних живописцев? — и вились длиннейшие из когда-либо виденных в мире гирлянды письменных знаков. У Евсевия разгорелись глаза и перехватило дыхание.

— Если бы у меня был пергамент...

Слава Митре, что его у тебя нет, — отозвался Майлдаф, выбираясь наконец из воды и первым всходя на лестницу. — Ничего, твердая, — весомо заявил он, попробовав мрамор на прочность босой ногой. — Хотя пергамент был бы хорош для растопки: я замерз, пусть вода и не слишком холодна.

— Любезный Евсевий, ты провел бы здесь все оставшиеся годы жизни, читая эти повести, — заметил Сотти, — при этом обходился бы без света, еды и тепла. Но для нас подобное затруднительно.

— Пора выбираться наверх и поднимать вельбер, — подвел итог Альфонсо.

Опять тащить эту лодку на плечах! — безрадостно вымолвил принц Конти. — И как они втаскивали сюда грузы?!

— Вероятно, поднимали на веревках. Не удивлюсь, если наверху мы обнаружим нечто вроде вала для подъема якоря, — предположил Евсевий. — Впрочем, долго подниматься нам не придется. Мы почти у цели.

— В самом деле, — поддержал тарантийца Полагмар. — Не могли же они заставлять путников без надобности одолевать слишком длинный подъем?

— Надобность как раз была, — возразил Сотти. — Если здесь и вправду шла страшная война, такое было выгодно обороняющимся. Хотя ворота внизу столь внушительны, что никаких иных сооружений, на мой взгляд, не нужно.

— А ты бы поближе рассмотрел тех уродов с каменными молотами, — проворчал невежливо Майлдаф, — еще не такого бы нагородил. Впрочем, они все утонули, и ладно. Слава Митре и всем остальным. Пора подниматься. Если тебе, Евсевий, надоест жить, ты еще вернешься в эти края, прочтешь все надписи и станешь знаменитее самого Озимандии.

«Королеву, впрочем, жалко», — вздохнул про себя горец.

— Может, и вернусь, — мечтательно ухмыльнулся аквилонец. — Нехорошо, что не в наших силах запереть те врата и воспрепятствовать проникновению в эти дивные залы невежественных дикарей, в сих местах обитающих, и тем самым спасти их от поругания и разграбления.

— Кого, месьор? Дикарь? — осведомился Мегисту.

— О, нет, мой друг. Не этих несчастных, не ведающих света Митры, но то прекрасное, что скрывают теснины подземные.

Евсевий явно волновался, если даже с кашитом заговорил столь витиевато.

— Но ждать нового отлива мы не можем, — провозгласил он, взяv себя в руки. — Посему путь наш — вперед!

Вытащить из воды лодку и перегрузить на себя имущество было делом нехитрым, к тому же Бриан Майлдаф теперь делил груз вместе со всеми.

Отряжать кого-либо на охрану представлялось бессмыслицей.

Восхождение началось, но не поднялись они и на два локтя вверх, как Майлдаф, оглянувшись напоследок на покачивающийся на тихой ряби мокрый паланкин с мыслью о том, что его-то они осмотреть забыли, увидел, как из-под занавески показалась та самая маленькая белая ручка и слегка отвела ткань в сторону. В открывшейся щелке блеснул испуганно-любопытный женский глаз.

— Погодите! — рявкнул горец и, не дожидаясь, пока остальные опустят вельбер с плеч, бросился вниз. Шторка мгновенно задернулась, но с помощью такой детской хитрости провести Майлдафа было затруднительно.

Сбежав на нижнюю ступеньку, горец ухватил за жердь отплывший было от лестницы паланкин и, отдернув шторку, изогнулся в неком подобии дворцового поклона:

— Пожалуйте, моя госпожа!

Шестеро спутников взирали на Бриана с удивлением, но с еще большим удивлением посмотрели они, когда из палатки осторожно и боязливо на ступеньку выбралась... невысокого роста миловидная особа и остановилась, нервно теребя в пальцах длинную нитку бус и опасливо глядя на возвышавшегося над нею Майлдафа. В то же время ей удавалось сохранять столь величественную осанку и держаться столь независимо, что у Бриана не осталось сомнений: перед ним была королева.

— Ее величество королева Народа Холмов! — объявил горец и про себя подумал: «Пожалуй, таким идиотом я не выглядел ни разу в моей многотрудной, полной лишений жизни».

Королева, впрочем, оказалась весьма подходящая. Это была молодая женщина. Даже, скорее, девушка, ростом не менее пяти с четвертью локтей, что, разумеется, значительно уступало росту самого Майлдафа, но для Народа Холмов считалось ростом гораздо выше среднего.

Длинные волнистые белые волосы, перехваченные ленточкой, составленной из нитей жемчуга с крупным рубином посередине, ниспадали на округлые плечи, очаровательную маленькую тугую грудь и прямую гибкую спину.

Лицо королевы было скорее обаятельным и миловидным, нежели красивым: маленький вздернутый носик, коралловые пухленькие губки, по-детски нежные бледные щеки, высокий чистый лоб, пересеченный первой робкой морщинкой, острый подбородок.

Но девочкой королева отнюдь не выглядела: видя, что дурных намерений люди пока не выказывают, она перестала бояться, и большие ярко-голубые слегка удлиненные, как у всех Людей Холмов, глаза ее теперь смотрели гордо и даже надменно, с вызовом.

Тонкие белесые брови повелительницы гор слегка хмурились.

Итак, черты лица ее нельзя было определить как совершенные, тонкие или точеные, нельзя было назвать их и благородными, но обаяние и свежесть молодости пребывали с нею,

к тому же лицо это, несомненно, должно было определить как незаурядное, чему причиной, очевидно, служили способности и суровый характер королевы.

Одета она была в длинное и, разумеется, зеленое платье с золотистым поясом на тонкой талии, палантином и узким лифом на шнурковке. Рукава платья имели разрез до локтя, и из-под платья выглядывало другое, нижнее, глубокого темно-синего цвета. Стройные маленькие ножки были обуты в аккуратные кожаные востроносые сапоги с вышивкой и меховой оторочкой. Жаль только, что подол и сапожки насквозь промокли.

Конечно, не обошлось без украшений: в ушах посверкивали небольшие серебряные серьги тонкой скани, запястья украшали легкие золотые браслеты, витые из трех колец, а на шее, помимо нитки бирюзовых бус, которые перебирала тонкими холеными пальчиками королева, покоилось золотое ожерелье с вкрапленными в него опалами, выполненное как переплетение листьев.

- Занятная дама, — усмехнулся Евсевий.
- Весьма недурна собой, — добавил Сотти.
- Мы возьмем ее с собой? — деланно равнодушно спросил Конти.
- Полагаю, месьор Майлдаф это уже решил, — заметил Полагмар.

— Ее нельзя брать с собой. — Альфонсо стоял выше всех, высоко подняв факел и опасаясь подойти к королеве ближе, нежели на десять ступеней. Он был по-прежнему угрюм и бледен. — Она ведьма. Нам не будет удачи, если мы возьмем ее с собой. Утопите ее или оставьте здесь. Она ведьма: выберется, если захочет.

Почувствовав, что этот высокий жилистый человек, видом явно слуга, относится к ней враждебно, но в то же время побаивается, женщина метнула на него уничтожающий взгляд и сказала что-то лаконичное, но резкое и, должно быть, нелицеприятное на своем непонятном языке. Голос у нее оказался звонкий, насмешливый, переливчатый и музыкальный.

Альфонсо, позабыв про свою силу и недюжинное боевое умение, шарахнулся назад, будто ему в лицо бросилась ядовитейшая змея, едва не свалившись с лестницы, благо внизу была вода.

— Она сказала заклинание! — с убежденностью выдохнул Альфонсо. — Ее надо убить!

Евсевий было собирался пустить в ход уговоры, дабы избегнуть ссоры, могущей вспыхнуть из-за пылкости Конти, горячности Майлдафа и холодной жестокости Сотти по отношению к простолюдинам, но его неожиданно предупредил Мегисту.

Кушит, обернувшись к Альфонсо сверкая глазами, зашипел на него, как будто обличал в смертном грехе:

— Альфонсо, вспомни, что говорил тебе Гонзало. Не вздумай брать на корабль женщину! Но уж если она на нем оказалась, не вздумай выкинуть ее эа борт!

— Сама утонет, — вполголоса заметил Сотти.

Морские духи в женском обличье не простят тебе этого! Помнишь?! — продолжал Мегисту.

Помню, — мужественно произнес Альфонсо, поднимаясь и выпрямляясь, будто кол проглотил. — Но пусть она держится подальше от меня.

— Какие нелепые суеверия! — приглушенно воскликнул Конти.

— Этим суевериям следует король Конан, — мягко, но убедительно выговорил Евсевий. — И пока еще не жалел об этом.

— Мы идем, — объявил ученый громко. — Бриан, сопроводи даму. Похоже, вы нашли общий язык.

— С превеликою охотою, — ответствовал горец. — Языка я не понимаю, и боюсь что его не понимаешь даже ты. Но, похоже, Альфонсо было сказано: «Пошел вон, болван!»

— Это, без сомнения, наиболее страшное заклинание, которое может услышать мужчина от женщины! — расхохотался Евсевий.

— Моя госпожа, не угодно ли вам будет проследовать вверх по сей... — Майлдаф задумался, подбирая какое-нибудь изысканное выражение, долженствующее заменить вульгарное слово «лестница», но не нашел. — Лестнице, — закончил он.

Чтобы как-то пояснить свои слова, он сделал приглашающий жест. Вероятно, Народ Холмов растерял еще не всю память о придворном этикете, поскольку королева несколько брезгливо, подчеркивая всем своим видом вынужденность подобных действий, возложила свою изящную ручку на загорелую, жилистую, покрытую рубцами и царапинами и не слишком чистую клешню Майлдафа, указующую направление, и повернула голову с выражением недоумения по поводу столь продолжительного ожидания. Как ни был Бриан простоват, но посмотреть на придворную жизнь он успел, да и потанцевать на лугу на праздниках в Темре он случая не упускал. Хотя в первое мгновение он растерялся, последующие его действия даже Евсевий не мог не признать довольно галантными, ибо горец провел под руку королеву Народа Холмов по всем тем ступеням, что разделяли паланкин и спутников Майлдафа.

— Это месьор Евсевий, Хранитель Архива Дорожных Карт Аквилонского королевства, — представил он импозантного чернобородого аквилонца. — Это Конти, принц аргосский. Это градоначальник Мерано, Сотти, А это барон Полагмар из Гандерланда.

Все представленные месьоры не преминули поклониться и вежливо, но со значением посмотреть в глаза даме. Королева в окружении семи мужчин, каждый ростом, выше обычновенного, выглядела довольно умилиительно, но это придавало зрелищу дополнительное очарование.

«Пресветлый Митра! — подумал Евсевий. — Как нелепа, уморительна, но сколь и прелестна тем самым эта сцена: в пещере, едва не утонув и не будучи растерзаны чудищами, мы имеем честь быть представлены какой-то смазливой девице, этих чудищ возглавляющей. Притом представляет нас пастух из Темры, который держит эту девицу под руку, именуя ее королевой. И все это притом, что жизнь наша подвергается опасности каждое мгновение. Впрочем, как говорит тот же пастух, должно же мне как-то развлекаться?»

— А это королева Народа Холмов, э-э-э... госпожа, не соизволите ли вы назвать нам свое имя?

В ответ она высвободила руку и повелительно указала на самого Майлдафа, после чего изрекла нечто вопросительное.

Горец выпрямился, приложил ладонь к груди и молвил горделиво:

— Бриан.

Королева благосклонно кивнула, после чего также приложила руку к груди и молвила:

— Итрун.

— Теперь она неприкосновенна, — сказал Мегисту. — Она назвала имя.

* * *

Путь наверх занял, вопреки предположениям, добрых два фарсinta. Королева Итрун

величаво отказалась от дальнейшего сопровождения и поднималась сама. Альфонсо временами опасливо посматривал на нее и что-то бубнил себе под нос, должно быть, позабытые за годы блужданий по морю молитвы, а может, старинные деревенские заговоры против нечисти.

Какое же разочарование ожидало их наверху! Широкая площадка, на которой, как и предугадал Евсевий, размещалась пара огромных валов и ворот для подъема грузов, не имела никаких иных выходов, кроме двух. Один, коим они сюда поднялись, то есть лестницу, и второй — массивные металлические ворота с богатым кованым узором и без всяких видимых приспособлений, чтобы их открыть.

— И что дальше? — спросил Альфонсо, угадав мысли остальных.

Все взгляды обратились на Евсевия.

— Не знаю, — просто ответил аквилонец. — Пока мы отдохнем. Здесь тепло, поскольку это самый верх шахты, а вода нас не зальет. Прилив исчерпал свою мощь. Я же подумаю.

Думал Евсевий долго. Они успели поесть и даже вздрогнуть, а ученый все сидел у внутренних врат города гномов и размышлял. Иногда он поднимался, пытался нашупать какие-нибудь рычаги, спускался вниз по лестнице и пробовал читать письмена, карабкался на ворота, цепляясь за украшения. Ничего не помогало. Он пробовал заговорить с Итрун, но королева отвечала холодно и независимо, и было понятно, что она не понимает ни слова. Не понимал и Евсевий.

Наконец тарантиец, в шестой или седьмой раз возвратившись из путешествия вниз по лестнице, знаком показал, чтобы все слушали его. Вид у Евсевия был удрученный, что крайне обеспокоило Майлдафа: никогда прежде Евсевий не выглядел столь потерянным.

— Я изучил письмена, — устало выговорил он, и в голосе его звучала глухая безнадежность. — Там говорится, что врата открываются до смешного просто — словом. Это даже не заклинание, а просто слово. Но какое — этого там не сказано. Существуют тысячи и тысячи слов, и даже на хайборийских языках никто не перечислит всех, разве только Черный дракон Диармайда. На языке же гномов я не знаю ни единого слова. Их надписи выполнены на древнем наречии, похожем на язык атлантов, но их собственные знаки — полная загадка и неизвестность. Даже если искомое слово и есть в том древнем языке, письмена коего я понимаю, все равно я не знаю, как он звучал. Письмена говорят, что ключ к разгадке находится на камне, но на каком? Вероятно, был еще один камень, но мы или не заметили его, или он утрачен, или погребен где-то здесь, под водой. Что ж, если так, то нам следует ждать нового большого отлива, а это будет куда как не скоро. Вот и все.

Евсевий опустился на пол перед воротами и уставился в пространство прямо перед собой невидящим взглядом.

— Я же говорил, что ее нужно убить, — мрачно буркнул Альфонсо. — Вот она и принесла нам несчастье.

— Не мели языком! — рявкнул Майлдаф. — Еще неизвестно, какие у них были намерения! Может, они просто желали прогуляться с нами в этот город. Поверили нам и утонули. Хорошо, хоть Итрун спасли. Может, у них тут какая-то древняя святыня вроде гробницы благочестивого Диармайда, и они пять тысяч лет мечтали на нее взглянуть! — продолжал он, распаляясь. — Да при чем тут Итрун, когда всему виной гномы, нагородившие столько замков, что и Служителям Дол Улада не снилось, чтобы закупорить свой дурацкий Габилгатол...

Горячую оправдательную речь Бриана прервал скрежет. Створки ворот дрогнули и

открыли узкую щель, еще раз судорожно дернулись и застыли. Щель была столь узка, что даже лезвие тончайшего ножа не проникло бы в нее. Но она была видима!

Евсевий вскочил мгновенно.

— Стойте! — воскликнул он. — Сила здесь ни к чему! Здесь и у тургарта ее не хватило бы! Бриан случайно изрек то самое слово — название города! Вот о каком ключе на камне говорилось в надписи! Но он произнес его не вполне верно, вот дверь и не открылась! Надо только правильно сказать это самое «Габилгатол»...

Ворота снова скрипнули и качнулись, но щель вряд ли стала шире. Евсевий тоже не угадал верного сочетания звуков.

— О чём я и предупреждал, — посетовал ученый, ударяя кулаком по створке и не чувствуя боли. — Ладно, попробую так...

— Габилгатол! — произнес звонкий голос Итрун. Произнес вовсе не так, как это делали Майлдаф и Евсевий, — с двумя ударениями, одно из которых было сильнее, и звуки королева выговаривала на свой лад.

Скрипа и скрежета не было. Ворота распахнулись бесшумно и плавно, будто их смазали маслом сегодня на рассвете.

— Вот так! — торжествующе изрек Бриан. — А говорили: «Несчастье, несчастье!» Вот тебе и ведьма! — добавил он, обращаясь к Альфонсо.

— Посмотрим. Мы еще не в Аквилонии, — благородно заметил моряк.

За воротами начинались две лестницы: вверх и вниз.

— Входим и закрываем ворота, — сутился мигом воспрянувший духом Евсевий. — Я не хочу погони, пусть даже Итрун и вправду королева. И я пекусь о тех ценностях, что могли сохраниться здесь.

— А если нам понадобится обратно, месьор? — осторожно спросил Мегисту.

— Не понадобится, — ободрил его Евсевий. — Смотри!

Он выскочил за ворота и, потянув какой-то рычаг, с легкостью захлопнул створки, оставив товарищем снова перед закрытыми дверями. Мгновение спустя так же легко и беззвучно створки раздвинулись опять. Евсевий стоял на пороге живой и невредимый.

— Вот, сколь велико было строительное искусство древних! — заявил он так, будто лично участвовал в возведении Габилгатола. — Нам теперь вниз, к подземной реке. Я уже отсюда слышал ее шум, когда остался за воротами один. С вашей стороны, к слову, не доносилось ни звука: этот металл не пропускает его!

И действительно, теперь путь их лежал все вниз и вниз. В отвоеванных факелами у тьмы участках пространства они видели дивную резьбу по камню, колонны — то массивные, то стройные, то с простыми, то с изысканными капителями, тимпаны, рельефы, лепнина, арабески, карнизы, балконы, арки, своды и контрфорсы, кессоны, аркбутаны, пиластры, фрески и мозаику, краску, стекло, хрусталь и металл — всего не перечесть. Евсевию оставалось только уповать на то, что когда-нибудь он еще вернется сюда, и не один, а с великой экспедицией. Тогда-то его жизнь будет прожита не зря.

Поддерживаемые мощными косоурами ступени лестницы — на сей раз широкой и прямой — неуклонно вели к самым корням гор, туда, где стремила свои воды подземная река, и шелест, плеск и шепот ее волн, поднимаясь вместе с эхом по коридорам, залам, анфиладам, галереям и шахтам, наполнял чертоги множеством неумолкающих влажных и влекущих голосов. Воистину, пещеры гномов нельзя было назвать безмолвными, пускай ни гнома, ни человека не было здесь вот уже пять тысяч лет.

Они достигли реки, опустившись много ниже, чем был вход в пещеру на западной стороне гор. Даже никогда не бывавшие в таких огромных подземельях почувствовали это. В глубинах царил мрак. Влага и пары, исходившие от потока, не в состоянии были заполнить равномерно все пустоты, оставаясь в большинстве своем в тоннеле, куда была заключена река, и воздух каверн был пергаментно сух. Никакой ветер не тревожил покой гранитного царства, и если даже и был где-то сквозняк, то лишь в самых верхних чертогах. Все это не могло не способствовать сохранению облика этих пещер таким, каким он был, когда пещеры были покинуты.

— Прекрасный и удивительный сид! — восхитился Майлдаф, когда спуск их подошел к завершению и они были уже близки к цели. — Не вижу лишь светящихся камней, что видели мы в Дол Уладе.

Подозреваю, что и камни эти мы еще увидим, — отозвался Евсевий. — Я наблюдаю несомненное сходство меж особенностями сего сокрытого града и твердыни служителей Илу Всеединого. Конечно, основы искусства архитектуры едины для всех, равно как и то, что плоды неизбежно падают наземь, однако имеется несомненное и неслучайное сходство в приемах планировки и их общем устройстве. Также полагаю, что светящихся камней здесь нет. Но, поскольку вижу связь меж тем чертогом и этим, говорю: камни таковые здесь еще увидим.

«Евсевий уж слишком раз волновался, — с тревогой подумал Бриан. — Так длинно и путано он не говорил уже очень давно!»

Но тут они вышли на берег реки и сей же час, как и предсказал Евсевий, увидели светящиеся камни. На противоположном берегу потока на высоте трех человеческих ростов из того самого голубоватого сияния выложены были на стене наковальня и занесенный над нею молот, а также клещи к нему, а над ними изогнулось змеевидно на черном базальте, как в небесах полуночных, Семизвездие. Лестница же уводила еще дальше вниз, в неведомые глубины.

— Наверно, этих камней здесь никогда не было, а то бы мы увидели их еще не единожды, — добавил успокоившийся Евсевий. — Они доставлялись с караванами сюда и стоили весьма дорого, поэтому помещались лишь в особых местах. Что ж, мы к такому месту и вышли. Подземная река берет начало у наших стоп.

И точно. Поток, устремляясь налево от них, справа был ограничен глухой стеной, вырываясь из недр земных прямо перед стоящими на кромке гранитного причала людьми.

— Отсюда проляжет наш путь по водам, — вновь воодушевился Евсевий. — И не исключаю, что кознями врагов рода человеческого и попустительством нашим и промыслом Митры, каковой проницать нам не дано, сгинет иной из нас в могущих встретиться нам водопадах, волнениях и пучинах, а также и от препон, врат, шлюзов и решеток, над сим потоком устроенных прежними владетелями...

— Евсевий, остановись! — успокоил ученого Майлдаф. И вовремя, поскольку Евсевий разошелся не на шутку, энергичнее обычного почесывая и пощипывая бороду. Видимо, напряжение последних часов борьбы с тайнами и ударами судьбы несколько истощило его душевые силы.

— Нет, как же... — растерянно прервался аквилонец. — Я должен досказать. Там еще будут каменные гряды о многих зубьях...

— Не будет там тебе каменных гряд, — четко выговорил горец, крепко сжимая руку Евсевия выше локтя своей широкой пятерней и слегка встряхивая. — Нет никаких рифов и

гадов. Все в море остались. И вообще, пожалуй, лучше я скажу речь: сейчас мы спускаем лодку на воду, ставим парус... то есть вставляем весла в уключины, и отваливаем.

— Вот речь, достойная благородного человека, — заметил Полагмар. — Но я бы предпочел перед этим подкрепиться.

— А я попробую поймать рыбу, — зевая, будто все это он уже видел и ему это до смерти наснуло, изрек Альфонсо, которому и в самом деле надоели подземелья. В глубине его просоленного морем сердца закопошился червячок сомнения: не бросить ли эти проклятые воды, все ужасы коих так красочно описал месьор Евсевий, и не поменять ли их снова на прожаренные солнцем пастбища и бархатное ночное небо Зингары?

Когда Полагмар, имеющий телосложение мощное, а оттого требовавшее регулярного поддержания в виде пищи, утолил голод, а Альфонсо вынужден был признать бесплодность своих усилий, член был наконец спущен на воду, и небывалое плавание началось.

* * *

Подземный поток был довольно широк — до десяти и даже местами до пятнадцати локтей — и довольно быстр. Весла применить не пришлось, лишь за рулем требовался постоянный и неусыпный надзор: река делала множество поворотов, а принять холодную ванну никто не желал. Временами основной поток разделялся, но Евсевий неизменно выбирал более полноводную и широкую струю. Так в плавании без особых происшествий минуло три дня, как то полагали люди, четвертые сутки лишенные зрелища неба над головой. Стоило отметить лишь, что занятия рыболовством, коим с похвальным упорством на каждой остановке предавались Альфонсо и Мегисту, увенчались все же успехом, хотя готовить рыбу было совершенно не на чем. Но Альфонсо, не раз терпевший кораблекрушения и неоднократно выдерживавший муки жажды посреди океана соленой воды, знал способ потребления сырой рыбы. Он делал на спине у пойманной рыбины клинообразный надрез и пил выделявшийся сок. Напиток этот никак нельзя было признать приятным, но питательным он, без сомнения, являлся.

Присоединившаяся к мужчинам титулованная особа, несмотря на свой изнеженный вид, stoически переносила все тяготы путешествия, а Бриан Майлдаф, не однажды предпринимавший попытки кое-как объясниться с королевой Народа Холмов, добился даже некоторых результатов, и вскоре Итрун могла толковать с ним самыми примитивными словами вроде «огонь», «вода», «лодка», «весло», «камень» и тому подобное.

Что до Евсевия, то он не принимал участия в этих беседах, но занят был единственно наблюдением окрестных чудес. На привалах же он не отдыхал, но с факелом блуждал по окрестным ходам, стараясь увидеть и запомнить насколько возможно больше.

Нет нужды описывать здесь все, что открылось ему и его спутникам, ибо все это позднее было описано Евсевием в трудах своих, коих преизрядным собранием располагают Тарантская Библиотека и книгохранилища некоторых храмов.

На пятый день — если подземный мрак можно было поименовать днем — они остановились у высокой пристани, на которую от воды вела широкая лестница из двадцати пяти ступеней.

Перила ее выполнены были в виде горящих светочей, пламя которых, сливаясь, и образовывало перекладину, легшую на столбики перил. Лестница выводила в гигантский зал,

и противоположная стена тонула во тьме. Невиданной ширины свод — меж опорами его по ширине было локтей тридцать, не менее — также терялся где-то в вышине.

Его поддерживали два параллельных друг другу ряда колонн, венчанных высокими остроконечными арками. Колонны были стройны и совершенно круглы, а облик они имели древесных стволов, уснащенных близ вершины многими ветвями с густой листвою, тонко вырезанными из камня. Листья же на этих ветвях были золотыми и серебряными.

— Смотри, Альфонсо, сколько золота! — заметил другу Мегисту. — Донато не ошибся.

— Мне не нужно теперь золота, — устало отвечал зингарец. — Я хочу увидеть солнце, луну и небо. А денег, если мы отсюда выберемся, все эти короли и градонаачальники нам отвалят столько, что хватит купить таверну или даже харас. Должен тебе сказать, что этот Сотти хоть и зверь, подобный алчностью своей волку, может заплатить за верную службу столько, сколько и советникам Фердруго не платят, не то что нам.

Конти обратил внимание на тончайший, словно иглой нанесенный на тела колонн рисунок, изображавший древесную кору. Но на ощупь камень являлся совершенно гладким.

— Он будто бы скрыт под неким слоем, похожим на лак, — поделился принц своим наблюдением с Евсевием.

— Не удивлюсь, если так и есть, — согласился аквилонец, осмотрев опоры вблизи. — Мы ведь видели, сколь удивительно прочным и гладким стеклом покрыта мозаика в шахте за первыми вратами. Возможно, того же рода материал, но гораздо тоньше и виртуознее, применен и здесь.

За рядами колонн на расстоянии четырех локтей вдоль стен шел ряд альковов, доступ в кои осуществлялся через пологие низкие арки, пространства между которыми на стене были заняты бронзовыми филенками с изображением гномов, совершивших различные деяния, являя как воинскую доблесть, так и совершая великие труды на поприще искусства.

В альковах, на удивление, еще сохранилось некое убранство: деревянная отделка, мебель и даже ткани и кожи, но лишь Конти протянул к этим предметам руку, Евсевий предостерег его:

— Погоди касаться. Возможно, они и не рассыплются в прах мгновенно, но могут сильно повредиться. Сюда надо прибыть, имея под рукой особый состав, после обработки коим древние вещи приобретают большую крепость. Мы еще сделаем это.

Чем далее вперед, вглубь зала, тем богаче становилась отделка. Колонны, простенки, резной камень все чаще украшались мозаикой и металлами. Сначала это были эмаль и майолика, затем появились полудрагоценные каменья, цветные яшмы, янтарь, бронза и медь. Их сменили серебро и золото и, наконец, тот самый удивительный металл, из коего были изготовлены врата, а также драгоценные камни. Алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и жемчуг рассыпали дивные узоры.

Они достигли последней стены и застыли в изумлении. Великолепие драгоценностей и волшебное искусство древних мастеров ослепило бы любого самого горделивого и богатейшего владыку Заката и Восхода, но и оно отступало перед феерической картиной, открывшейся им. Пространство здесь будто бы искривлялось, сворачивалось, вилось винтами и иными фигурами, сплеталось и расплеталось, образуя соразмерные рисунки и расходясь тропками в бесконечность. Колонны, стены, гладкий, выложенный узорно дорогим цветным мрамором пол, своды и перекрытия — все это кружилось в невиданном молчаливом танце. В центре же этого симметричнейшего и вместе с тем хаотического нагромождения было скрыто нечто темное, куда, сжимаясь все сильнее, уходили, подобно

годовым кольцам, серебристые линии.

— Что это? — в восторге и некотором страхе остановившись и опасаясь сделать шаг под ограничивающую область волшебных превращений, метаморфоз и соцветий арку, спросил принц Конти.

Никто не мог ответить ему, и только Евсевий знал правду.

— Это зеркала, — изрек он. — Множество зеркал, расставленных особым образом. Я не стал бы входить туда, ибо попавший внутрь войдет в лабиринт, стены коего зачастую иллюзорны, но где мгновенно теряется всякое ощущение направления, пространства и времени. Выход из такого лабиринта может находиться в двух шагах, но человек, в нем блуждающий, пройдет мимо, словно слепец.

— Можно использовать веревку. Закрепить ее у входа иходить сколько вздумается, — возразил Сотти.

— Это так, — торопливо кивнул Евсевий, — но кто знает, как далеко уводит сие хитросплетение иллюзий? Может быть, за ним таятся неведомые препятствия и ловушки. Сама арка — предупреждение. Или вы не убедились еще в зодческом гении гномов?

— Но как же сами гномы могли находить путь в созданном таким образом странном мире? Это ведь не лес и не поле, где можно следовать приметам. Искусственный мир мертв, — философски рассудил барон Полагмар.

— Я не думаю, что гномы пользовались этим сооружением повседневно, — отвечал Евсевий. — На мой взгляд, это лишь символ, значение коего нам пока недоступно.

— Да, весьма сложный символ, — усмехнулся Сотти. — А все же я хотел бы попробовать войти туда. Мегисту, возьми веревку и держи крепко. Второй конец я привязываю к поясу.

Не успел никто найти что-либо возразить аргосскому градоначальнику по существу, как он уже привел свой замысел в исполнение, и только королева Итрун в отчаянии вдруг произнесла что-то и попыталась схватить уходящего Сотти за руку или полу одежды. Но дворянин только отвел слабую женскую руку и скрылся, растворяясь в зеркальном мираже. Было понятно, что она не приветствует выходку Сотти. Но было поздно. Итрун лишь махнула рукой. Бриан осторожно взял ладонь королевы в свою. Она не противилась.

Сотти мигом, как и предупреждал Евсевий, попал в край без верха и низа, будто не шагал по полу, а висел в небе, бывшем только что не голубым, но темно-синим. Вокруг покоились белесые облака, местами соединенные одно с другим областями размытого серебристо-серого тумана. Сзади, когда градоначальник обернулся, оказалась та же картина. Веревка, прочно привязанная к поясу, змеилась меж облаков и уползала в черную бесконечность. Сотти огляделся. Внезапно полыхнула зарница, и в одном из разрывов тумана загорелась зеленая, ярчайшая из когда-либо виденных аргосцем, звезда. Сотти пожал плечами, заложил руки за спину и зашагал, петляя в облаках и тумане, навстречу ей...

— Его нет уже целых три фарсinta! — возмутился Майлдаф. — Что можно делать там столь долго? До стены-то всего три локтя! Мегисту, подергай за веревку.

Кушит отрицательно покачал головой.

— Месьор Сотти разговаривает там с духами. Пресветлый Митра не может заглянуть сюда своими лучами — их отбрасывают зеркала, — и духи живут здесь. Духи подземной реки.

— Ну тогда я сам отправлюсь за ним! — решил Майлдаф, но тонкая трепетная белая ручка на этот раз оказалась сильнее, чем строптивый характер горца. Королева Народа

Холмов просто взяла и не пустила Бриана в Зазеркалье.

— Дозвольте уж мне, месьоры, — угрюмо вымолвил Альфонсо, все еще косясь на королеву. — Вижу, принц Конти желает, но лучше уж я. Плыть нам, по всему, не долго, а потому не беда, если и покалечат: доберусь до Границы, а там близко. А без месьора Евсевия и месьора Полагмара всем плохо придется.

С этими словами моряк, ухватившись за веревку, исчез в проеме вслед за Сотти. Он шагнул под арку и мигом потерял из вида окружающий мир. Вокруг не было верха и низа, земли и воды, права и лева. Было одно огромное ночное небо, в котором он стоял. Стоял? Висел? Или кувыркался вверх тормашками? Впрочем, какой верх? К горлу подступил противный ком, но бывалый моряк быстро нашелся. Качка? Пускай качка! Никогда Альфонсо не катился кубарем по палубе и не страдал морской болезнью! Цепкой походкой, свойственной морякам, покачиваясь, будто вокруг бушевал шторм — а вид облаков был именно штормовой, — Альфонсо побрел, следя уводящей в далекую бесконечность веревке, туда, где сквозь туман пробивался свет крупной, как жемчужина, зеленой звезды...

Сотти бросил веревку, как только понял, что дальше она не вытянется. Небесная твердь под ногами оказалась именно твердью, а искомая звезда была уже близко — рукой подать. Прошагав еще некоторое время, он попал в коридор круглого сечения, синие с белесыми, желтоватыми и красноватыми прожилками стены которого закручивались влево, улиткой. Звезда, как и прежде, маячила где-то близко, но впереди. Наконец градонаачальник оказался в круглой зеленой долине, обрамленной пологими темными буро-зелеными холмами. Свинцовое-серое небо опрокинутой чашей опиралось на эти холмы. Местами в ложбинах горел осенними красками лимонный, золотой, лиловый и багряный лес. Кое-где мерцали слюдяной водой болота. Шелестела осока, гнулся упрямый вереск. Серые валуны поднимали из травы суровые тяжкие взгляды.

«Странно, откуда здесь ветер?» — подумал аргосец.

В центре долины стояло какое-то здание, имевшее вид четырех остроконечных сводов, сращенных в центре и поднявших вверх невысокую восьмигранную башенку с шатровой черепичной крышей. Скорее всего, это был храм. В приделах его скрывалась тьма. Зеленая звезда стояла в самом зените, непостижимым образом пронзая лучом плотные тучи. Следя низенькому, ужасно старому каменному барьера, бывшему некогда изгородью, Сотти направился вниз, к храму.

По дороге ему пришлось несколько раз обойти канавы и прорваться через кусты волчника.

«Великий Митра! Какое мастерство зеркальной иллюзии! — восхитился аргосец. — Я ведь иду по гладкому полу, в лучшем случае по пандусу, но не могу не обойти эту канаву! Я верю в ее существование!»

Храм, сложенный из блоков простого серого камня, стоял на небольшом пригорке. Башенка его поднималась локтей на шесть, не больше. В приделах, образованных сводами, действительно таилась ночь, перевитая светящимися из глубины серебристо-серыми нитями.

«Еще один лабиринт? — задумался Сотти. — Стоит ли входить? Впрочем...»

Он в три шага взбежал на пригорок и решительно вошел под ближайший свод.

Лабиринта, вопреки опасениям, внутри не оказалось. Просторная и пустая комната, винтовая лесенка, ведущая в башню, витражи на окнах, кованые решетки. Мозаика. Посредине комнаты на круглом массивном столе мореного дуба, составлявшем единственную здесь мебель, лежал пергаментный свиток, и ничего, помимо свитка.

Аргосец подошел к окну, выглянул. Там простиралось бесконечное небо, залитое золотым светом, и плыли розовые, золотые и белые облака. И так во всех окнах. Он поднялся в башню и посмотрел оттуда. Ничего, что напоминало бы преодоленную им долину. То же безбрежное небо, и лишь на самом горизонте — или это был обман? — виднелась полоска моря и земли. Совершенно, изначально синего моря и зеленой, неоскверненной земли. Маленькая белая точка на границе моря, неба и земли могла быть только одним: белой башней маяка. В остальных окнах башенки были только лазурное небо и великое море.

Сохранив в памяти эту картину в мельчайших подробностях, хотя и смотрел он считанные мгновения, Сотти спустился обратно в комнату. Цветные пятна от витражей весело рассыпались по полу. Аргосец подошел к столу и взял свиток. Он оказался толстым и довольно увесистым. Развернул. Пергамент покрывали мелкие знаки неизвестного языка, писанные тушью или краской рукою мастера каллиграфии. Он послюнил пальцем, провел по строкам. Состав оказался несмыываемым. Сотти спрятал свиток за пазуху и вышел вон.

Над долиной смеркалось. Накрапывал мелкий нудный дождь. Сплошные обложные тучи не оставляли ни малейшего намека на только что виденные в комнате храма игравые блестки цветных витражей и ослепительное небо. Зеленая звезда неугасимо горела сквозь густо-серую хмару.

«Если бы я помнил, откуда пришел! — помыслил аргосец, окидывая взглядом унылый горизонт. — Впрочем, какая разница?»

И он пошел наугад, взяв направление на одну из маленьких рощиц, лисьим огненным хвостом дразняще выглядывающую из ложбинки, будто из норы.

Изрядно намокнув и едва не скатившись в одну из сформированных дождем промоин, Сотти добрался до рощи, скорым шагом миновал ее, загребая сапогами уже толстый ковер опавшей листвы, и полез на косогор. Едва взгляд его оказался на одном уровне с гребнем и готов уже был скользнуть дальше, невидимым лучом ощупав пейзажи неведомой страны, как долина, небо, храм, лес — все пропало. И вновь вокруг него был коридор, только теперь улитка раскручивалась, пока аргосец не вышел обратно в ночное небо.

Он обернулся — в первый раз, как покинул храм. Зеленая звезда светила точно за спиной, переливаясь краше любого изумруда. Сотти усмехнулся и пошел по небу прочь. Прочь от зеленої звезды. Не прошло и фарсinta, как впереди он увидел человека. Человек озирался по сторонам и сжимал в руках измочаленный хвост длинной веревки. Это был Альфонсо.

— Месьор Сотти?! — Моряк даже вздрогнул, когда градоначальник Мерано вдруг вышел прямо на него из-за облаков. — Где ты был?

— Долго рассказывать, — отвечал холодно Сотти. — Сейчас выберемся отсюда, тогда...

Сматывая попутно веревку, они двинулись в беззвездную туманную даль.

Сумрак пещеры, неверный свет факела, запах дыма — все это будто тяжким морским валом накрыло Сотти, когда он шагнул из арки в зал. Золото, алмазы, жемчуг — все виделось тусклым и покрытым какой-то мелкой серой пылью даже по сравнению с хмурым небом над осенней долиной.

— Что там было? Почему так долго? — бросился к нему с расспросами Евсевий.

— Вот, — отвечал градоначальник, вынимая из-за пазухи свиток и протягивая его аквилонцу.

У того даже волосы встали дыбом. Расширенными жадными глазами Евсевий ястребом впился в ровные черные значки, среди коих, впрочем, слева попадались цветные

изукрашенные буквицы.

— Это тот же язык, что и на путеводных камнях, — дрожащим от волнения голосом вымолвил ученый. — Откуда?

— Из долины в форме чаши, — просто ответил Сотти и приступил к рассказу, начав с того, что предстало перед ним, едва он шагнул под арку.

Пока он рассказывал, а все остальные, кроме, разумеется, Итрун, внимали ему завороженно, в пространстве зала произошли неуловимые перемены. В бормотание реки вплелись некие звуки, и возникло присутствие чего-то нового, постороннего. Свет факела затрепетал, будто пламя свечи на сквозняке, хотя по-прежнему ни малейшее дуновение не нарушало покойного воздуха.

Слабые, печальные тени закружились в бледных бликах, отбрасываемых на стены и колонны. Шепот, шорох, намек на легкий смешок. Шлепанье, шелест, нелепое кваканье, журчание. Новые, новые тени, уже более плотные, кружасиеся все ритмичнее, обретающие все более четкие очертания.

И вот уже стоны, подывивание, след голоса, отзвук голоса, голос, пение. Взмах крыла, кивок головы, жест руки.

А семеро высоких мужчин все слушают одного, такого сильного, но жестокого и прохладного сердцем, как снег. Итрун не выдержала и грубо, некрасиво, недостойно королевы дернула за руку своего спутника.

Жаль, она знает так мало слов! А то они бы услышали речи королевы!

— Это же Духи Реки! Бегите! — выкрикнула она тревожно и резко на своем языке.

— Вода... Река... Быстро... — Это уже те слова, которым научил ее высокий, жилистый. Бриан. А он милый, и говорит складно и смешно. Жаль, непонятно. Но все ведь смеются, значит, смешно...

Итрун воскликнула что-то по-своему, тревожно и резко, словно морская птица перед близкой бурей.

Потом добавила неуверенно по-аквилонски: «Вода... Река... Быстро...»

Но уже и без того все стало понятно. Услышав, что их почуяли. Духи Реки закрутили свой хоровод вовсю, как умели только они! Тихая речь реки отступила, заглушённая песней духов. Свиток, свиток, положенный некогда Владыкой здесь в пещере, и в то же время там, откуда была видна прародина всего сущего, оказался в руках людей. Это должно было случиться, и это случилось. Но теперь они могут надеяться, что у них будет новый Владыка. Нет, он точно будет у них! Будет! Будет!

Странная и дикая песня, первобытный хор, летящий по кругу и одновременно размыкающий круг. Круг вероятия, круг реального, круг сознания... Уходящий в иное, нездешнее, манящее, неверное... Уходящий, уводящий, влекущий... Танец невидимых тел, бесплотных теней, бесовская пляска... Танец стройный, ряд за рядом, фигура за фигурой... Дивная страна, странная страна, чужая страна...

Евсевий стряхнул с себя наваждение. Он, со свитком в руках, стоял в полу шаге от ворот, откуда Сотти вынес свиток. Духи бесновались, отплясывая свой сказочный танец, распевая недоступную и необъяснимую людскому разуму песнь. Но сколь сладки и нежны были ее слова, в какую волшебную страну звали!

Одна только Итрун порывалась увести увлеченного, зачарованного мелодией, ритмом и танцем Майлдафа к лодке. Все остальные слушали и уходили, уходили вслед за духами, в их страну. Они уже не были людьми в полном понимании.

— Очнитесь! — Евсевий, не желая применять силу, осознавая, что этим не помочь, всплеснул руками, точно оратор в Палатах Мудрости, обличающий падение нравов и небрежение знаниями предков в нынешнее время. — Во имя Митры, опомнитесь!

Что подействовало более: убедительный голос Евсевия, усилия Итрун, взмах свитком или же имя Митры, не решался потом определить и сам Евсевий. Но едва он выкрикнул это, как все до одного — вроде бы все — пришли в себя.

— Духи Реки! Они пришли! — с замиранием проговорил кущит. — Я знал, что они есть! Они хотели забрать Мегисту с собой, узнать мое имя! Нет! Скорее в лодку!

— Он прав, — сообразил Сотти. — Мы едва не попали... куда-то... — неуверенно закончил он.

Пока они не оделись плотью, следует поспешить! — решил Полагмар.

Все бросились к вельберу. Бриан нес Итрун на руках.

Когда места были заняты, неожиданно выяснилось, что с ними нет Альфонсо.

— Надо его спасти! Скорее!

Схватив факел, Евсевий выпрыгнул обратно на причал. Барон устремился за ним. Итрун обвила руками шею Майлдафа и не пустила его никуда.

Альфонсо стоял в кругу уже не пляшущих, а просто скользящих вокруг него теней. Евсевию привиделись кони, всадники, охотничий рог.

— Альфонсо, остановись! — призвал ученый. Зингарец не слышал, делая новый шаг к таинственной арке.

— Холмы... Тонкие и чистые, словно весенний лед... Ветер... Моя страна, я ее владыка... Вино, чаша... Пенится, как кровь! Я — владыка!

И новый шаг к воротам.

Не говоря ни слова, Евсевий и барон рванулись сквозь кольцо духов, торопясь схватить Альфонсо за плечи.

Но было поздно. Сделав последний шаг, моряк исчез за гранью. Издав последний ликующий возглас, духи, с каждым мгновением замедляя свое кружение и постепенно приглушая пение, начали бледнеть, растворяться, исчезать... Еще через несколько мгновений ничто, кроме говора струй, не тревожило тысячелетнюю дремоту пещеры. Новый властелин страны Духов Реки взошел на трон.

* * *

Они плыли еще день, прежде чем постройки гномов неожиданно кончились высоким и длинным причалом. Тоннель далее суживался и понижался, превращаясь в ничем не примечательный водосток. Почти вся масса речной воды, крутясь в бесшумной воронке, вновь уходила куда-то под землю.

В тоннеле оставался лишь небольшой ручей, медленно продолжающий свой путь. Куда? Они надеялись, что на восход.

Жаловаться тем не менее было не на что. Водосток был достаточно чист, широк и высок, чтобы дать вельберу плыть беспрепятственно. Через некоторое время Мегисту, показав в улыбке все свои ровные белые зубы, радостно сообщил:

— Пахнет сыростью и землей! Скоро мы увидим солнце!

И вправду, каменная облицовка тоннеля пропала, сменившись глиной, с потолка

пробивались отростки корней, желтые известняковые глыбы торчали из подмытых водой стен. Ручей, вовсе замедлив течение, расширился, сделался мелким, так что взявший весло Полагмар достал им дно, поворачивая вельбер.

В лица им пахнуло ночной прохладой, засеребрился лунный свет. Мегисту ошибся, солнца они не увидели, но разве это было важно?!

— Потушите огонь! — быстро распорядился Евсевий.

Сотти опустил факел в воду, тот зашипел и погас.

Они оказались на тихой заводи, в которую вливался ручей, степенно выбираясь из-под глинистого обрыва, густо заросшего травами и деревьями, источавшими неистовый аромат. Заводь примыкала к довольно широкой реке с небыстрым течением. Берега реки, сколь можно было судить по освещенному значительно прибывшим месяцем пейзажу, утопали в пышной растительности.

Они тихо, соблюдая величайшую осторожность, вывели вельбер на речную гладь.

— Погодите! — шепнул Евсевий. Он зачерпнул воду ладонями, понюхал, даже глотнул немного и облегченно вздохнул, называя имя реки:

— Черная!

Глава XII

Тарантийский королевский дворец гудел, как растревоженный улей. Правда, если взглянуть на некоторых его обитателей, то более точным сравнением была бы яма с гадюками. Если быть еще точнее, то не все, кто должен был знать о произошедшем, знали о нем, а еще больше было тех, кто ничего не должен был знать, но что-то слышал и теперь дал волю языку. Впрочем, это был вечный недостаток всех дворцов и даже тайных обителей.

Дело было вот в чем. В один день помощник начальника одной из королевских служб, месьора Тэн И, месьор Кангюй получил разом три важнейших донесения, и все как одно донельзя огорчительные.

Король Конан отбыл с многочисленной свитой и провожатыми подписывать тройственный договор между Зингарой, Аргосом и Аквилонией о разделе влияния на Закатном океане. Точнее, не о разделе, а об объединении означенных сфер.

Первые вести из Кордавы были добрые: с шумом и помпой, при небывалом стечении знатнейших и богатейших фамилий, Конан и Фердруго поставили подписи под договором меж Кордавой и Тарантией.

После грандиозного бала и приема в торжественной обстановке в прекрасную погоду все погрузились на корабли и отплыли курсом на Мессантию, где уже ждал Мило с двумя оставшимися частями договора. Тарантия уже готовилась встречать победителя, как вдруг...

Как вдруг сегодня утром на взмыленных конях явились гонцы из Мессантии. Донесения были скреплены личными печатями канцлера Публио и Троцеро, а также королей Фердруго и Мило. Эскадру в пути у берегов Зингары настиг ужасающий штурм.

Корабли разметало по океану, и многие еще не нашлись, но король Фердруго, милостью Митры, прибыл к месту назначения одним из первых. Вскоре добралось до Аргоса и судно с Публио и Троцеро. Не было только лучшего нефа Зингары — «Полночной звезды», а с ним и короля Конана. Монархи Зингары и Аргоса растерялись настолько, что даже подписали договор друг с другом, а теперь ломали голову, правильно ли они поступили: во-первых, Конан еще не приехал, значит, не слишком устраивающий обе стороны злополучный договор можно было и не подписывать. Во-вторых, Конан, опять-таки, еще не вернулся и мог быть очень недоволен, вернувшись, что подписание произошло без него.

Если говорить честно, Кангюй не понимал, что от него хотят.

Искать Конана в океане было прямой обязанностью союзников. При всем желании отправить на Океан флот из Тарантии он не мог, за отсутствием такового.

Предъявить гонцам живого и невредимого монарха было также не в силах Кангюя. Рассудительный гирканец попросил послов задержаться на денек, чтобы обдумать положение и принять меры, и, как оказалось, поступил мудро.

Все это было крайне не вовремя. Дело в том, что седмицей ранее, также поутру, обнаружилась пропажа. Исчезла жена находящегося все на той же «Полночной звезде» королевского поверенного Хорсы, графиня Этайн. Это было и вовсе сумасшедшее похищение. По всей вероятности, молодую женщину украли ночью, при этом через окно, запертое дубовыми ставнями. Окно находилось в двадцати локтях над землей в совершенно глухой внизу и почти гладкой стене, к тому же доступ к этому окну был только из внутреннего дворцового сада.

Впрочем, когда Кангюй лично осмотрел место происшествия, он обратил внимание не

на зареванную служанку и не на герцога Аркадиуса, последним видевшего, как графиня покидала бал, а на книгу, упавшую на пол близ ложа, — сочинения Саллюстия Меранского о Закатном океане. Примечательным было не наличие книги — графиня Этайн по заслугам слыла женщиной умной и просвещенной, но глава, где она остановилась, — описание Шема, а точнее, Саббатеи и культа Золотого Павлина.

Прошедший кхитайскую, турецкую и степную школы разведки и слежки, Кангюй считал, что равных им нет, и ошибся: adeptы Золотого Павлина превосходили всех. У них был единственный недостаток, по которому можно было точно определить преступника: абсолютное совершенство разработанного плана и совершенное безразличие к сокрытию следов содеянного.

Приверженцы Золотого Павлина не опасались поимки: они работали не из выгоды, а за идею. Все деньги, даже когда саббатейцев использовали как наемников, шли secte.

Кангюй выглянул в окно: бегство вора через дверь вместе с жертвой он отверг напрочь. Поклонники Золотого Павлина никогда не шли напролом.

Под оконным проемом в довольно прочной каменной стене глубоко засел арбалетный болт, более напоминающий гарпун. От него к противоположной стене — а это было сорок локтей! — тянулся тонкий и на диво прочный трос.

Кангюй не стал доискиваться тех, кто потворствовал краже во дворце. Это было бесполезно. Саббатейцы действовали в одиночку либо только со своими. Привели собак. Те взяли след, который, как и следовало ожидать, привел к Хороту, на пристань.

Опытные ищейки, разумеется, нашли и тех, кто видел, как ночью отчаливала барка, и тех, кто видел, как она причаливала... По берегу пустили конную погоню, да было поздно. За ночь похитители сменили три судна, повернули в один из левых притоков реки и пересели на лошадей в одной глухой деревушке близ лесных массивов. Пока все это выясняли, пока искали след, они успели уйти за границу Офира.

Разумеется, Кангюй поднял на ноги тайных агентов в Офире, Кофе, Аргосе и Шеме. Зачем произошло похищение, было ясно, но где искать графиню?

На всякий случай направили депешу Мораддину, чтобы тот посодействовал по старой дружбе, хотя Немедии пользы в подписании договора не было, скорее один вред. Но на поиски нужно было время и время, а его не было...

Впрочем, нежданный визит аргосских гонцов не стал единственным в этот день. Сразу после полудня во дворец ворвалась кавалькада всадников на лошадях не менее взмыленных, чем лошади аргосских посланников. Каково же было удивление Кангюя, когда он услышал во дворе знакомый голос:

— Уважаемые, будьте столь любезны. Не соблаговолите ли вы сопроводить в конюшню этих измученных животных, поскольку мы едва их не загнали насмерть, что было бы превеликой жалости достойно, ибо торопились мы преизрядно.

Кангюй не знал, понял ли что-либо конюх, но он сам понял самое важное: это, как снег на голову, свалился пропавший вместе с «Полночной звездой» Хранитель Архива Путевых Карт Аквилонии — Евсевий, близкий друг короля.

— Месьор Евсевий! — Невысокий Кангюй в кожаных остроносых сапогах, шароварах и халате, смуглый, с узкими раскосыми глазами и мелкими острыми чертами лица степняка, выкатился по ступеням во двор. — Где месьор Конан?

— Вот за этим мы сюда и прибыли, почтеннейший! — С коня спрыгивал еще один друг короля — торговец шерстью из северной провинции — Темры — Бриан Майлдаф.

— Нет ли каких-либо вестей о Его Величестве из Аргоса или Зингары, любезный Кангюй? — осведомился Евсевий, которого столь непривычно было видеть небритым в течение, по меньшей мере, трех дней. Белая хламида его стала серой от дорожной пыли.

— Есть, но не весьма радостные, хотя и не безнадежные, да хранит короля Эрлик, — начал Кангюй. А после, уже прямо в терме, куда отправились все, включая послов и самого Кангюя, они поведали друг другу об известных им событиях. Гирканец не утаил и печальное известие о пропаже Этайн, что крайне опечалило Евсевия. Майлдаф сказал: «Прекрасную Этайн заточили в скверный сид? Тому, кто это сделал, скоро споет банши, пусть даже я не продам в Турон последнюю партию шерсти!»

Но горевать долго не приходилось. Найти К^oнана было не в их силах, значит, требовалось отыскать Этайн. Но как?

В Темру, где находились дядя графини и ее двоюродные братья, Септимий и Кулан, пока не сообщили, чтобы не расстраивать престарелого Коннахта, да и чем они могли помочь?

Однако Евсевий мыслил иначе. При упоминании Кулана он сразу прекратил участие в довольно бесплодном разговоре, а потом остановил всех:

— Стойте! Кулан мог бы помочь, но он еще молод и далеко от нас. Никто не додумался позвать сюда Озимандию?

Все замолчали пристыженно, хотя старого волшебника здесь близко знал кроме Евсевия один лишь Майлдаф. Удивительным было иное: почему маг сам не предложил свои услуги?

Немедля послали за Озимандией, и тот явился.

— Так, — прокаркал, входя в зал с бассейном, первый ученый Аквилонии. — Месьор Евсевий, месьор Майлдаф, месьоры Полагмар, Сотти, принц Конти и месьор Кангюй. Безмерно рад вас видеть.

— Не знаю, что вызвало у вас столь безмерную радость, почтенный, — тут же отозвался горец, — но мы-то здесь вовсе не ликуем!

— Откуда он нас знает? — недоуменно спросил у градоначальника принц Конти.

Многоопытный аргосец только плечами пожал.

— Да вот уж знаю, — заухал совой Озимандия. Так он смеялся. — Знаю и то, зачем вы тут собрались. Можете мне ничего не говорить: о том, что похитили прекрасную Этайн, я знаю. О том, что пропал король, с самого утра судачит вся кухня и скрипторий. Я об этом подумал. Магия здесь бессильна, ибо король исчез без ее участия. Расстояния слишком велики, а времени терять нельзя. Выход остается один.

— Какой? — возопили все как один, вскакивая, даже тихая вода в бассейне всколыхнулась.

— Черный дракон Диармайда! — провозгласил волшебник.

— Так ведь перстень-то у Конана! — заорал Майлдаф.

— Перстень у Конана, но я пока что жив, — спокойно изрек Озимандия. — Заклинания я не забываю, даже если они мне не пригодятся.

— А обет? — усомнился Евсевий. Несмотря на суetu, он уже успел побриться и теперь по привычке скреб бороду от волнения.

— Обет — не заклинание! — авторитетно заявил старый колдун. — Что тебе дороже, Евсевий: друг или клятва?

— Правда, — просто ответил аквилонец.

— Вот именно! — торжествующе изрек Озимандия. — А правда сейчас в том, что я использую дракона для благого дела. Он бы и сам согласился нам помочь, да только не знает

ничего о случившемся. Но хватит рядиться, — строго добавил волшебник. — Я вызвал змея. Он прилетит ночью, сядет на крышу дворца. Месьор Кангюй, проследите, чтобы лишних к полуночи там не было. И готовьте большую корзину. Сидеть у дракона на спине, держась за гребень, мне не по годам.

* * *

Вечером, когда все было уже готово и немного ошарашенный Кангюй распорядился выстроить воздушный ковчег по немедленно составленным Озимандией и Евсевием чертежам, во дворец явился третий гонец. К почтенному собранию, коротавшему время до полуночи за ужином — рядом с Майлдафом за столом сидела прелестная золотоволосая юная дама, почти ни слова не понимающая по-аквилонски, — ввели молодого человека с лютней в потертом дорожном плаще. Это был Меццо.

— Графиня Этайн послала меня к месьору Кангюю, дабы я вручил ему этот перстень и передал со слов графини ее просьбу, — заявил музыкант, державшийся со спокойным достоинством в присутствии титулованных особ, и поклонился, протягивая перстень гирканцу.

— Это перстень Этайн, — подтвердил Кангюй. — Подарок Тэн И... Рассказывай, — приказал он.

— Я Меццо из Мерано, школляр... — начал молодой человек.

Вскоре о судьбе графини знали все.

— У нас нет оснований тебе не верить хотя бы потому, что ты два года был в Бельверусе. Кроме того, о тебе мои осведомители ни разу не упоминали, — заявил Сотти. — Будь спокоен: если бы ты был в чем-то замешан, я бы это знал.

— Не сомневаюсь, — парировал юноша. — Вы предпримете что-нибудь для ее спасения?

— Несомненно, любезный, — ответил Евсевий. — Мы бы подвергли сомнению каждое ваше слово, если бы не перстень — его и вправду нельзя снять, не зная секрета, — и если бы не ваша страсть. Я понимаю вас: тот, кто видел Этайн, редко остается спокоен.

— Я не видел ее, я же сказал, — впервые улыбнулся Меццо: лицо его осветилось внутренним светом. — Я только слышал, как она играет, поет и говорит.

— Погодите, — прервал этот диалог маг Озимандия. — Графиня Этайн в безопасности, пока Конан считается пропавшим: им просто не с кем торговаться! Но наша главная цель — отыскать короля. Черный дракон сегодня в полночь возьмет курс на Закатный океан. Если кто-то против, убейте меня, но дракон будет повиноваться лишь моим приказам. После же, минуя Мессантию, мы отправимся прямиком в Восточный Аргос, на те самые виноградники. Месьор Меццо, вы разбираетесь в картах? — вопросил волшебник тоном почтенного, но строгого наставника.

— В Бельверусе я изучал землеописание... — начал Меццо, разом почувствовавший себя, будто перед ученым наставником.

— Довольно, — сухо заметил Озимандия. — Значит, найдете место безошибочно. Кто еще хочет добавить что-либо?

Воцарилось молчание. Резкая перемена в тоне Озимандии удивила всех. В старице словно проснулся и воспрянул прежний, малоизвестный им Озимандия, великий маг горы

Дол Улад, служитель Седьмого Круга, повелитель дракона, в одиночку ведший тайную борьбу с всесильной кастой предавшихся тьме мудрецов, и этот прежний Озимандия брал дело в свои руки. Возражать ему казалось самонадеянным и глупым. Следовало слушать и выполнять его приказы для собственной пользы. Такое же впечатление производил на людей Конан.

— До полуночи отдыхайте. Дракон будет вовремя. Не волнуйтесь, сейчас он достаточно силен, чтобы забрать всех.

Победно сверкнув колдовским огнем своих очей, Озимандия поднялся и величественно вышел из покоя: высокий, худой, властный, в белой тоге.

— Мне почудилось, — шепнул Евсевий барону Полагмару, — что с нами говорил сам Эпимитриус!

— Воистину! — отозвался гандер. — Если это и обман, я рад обмануться!

* * *

Такого Тарантия не помнила со времен мятежа Арпелло, когда король Конан изволил сойти на стену дворца с летучей твари, вытащенной неизвестно откуда чернокнижником Пелиасом. Но тогда событие произошло при великом стечении народа на площади перед дворцом. Ныне же крылатый гость явился под черным плащом ночи.

Все, кроме Майлдафа, Евсевия и Озимандии, невольно отступили на несколько шагов и втянули головы в плечи, когда черный дракон, чуть слышно шелестя кожистыми крылами, камнем упал будто бы прямиком со звезд на крышу дворца.

Змей был великолепен. Черная блестящая чешуя, голова длиной в два локтя, с единственным загнутым назад рогом на лбу, полная клыков пасть, жесткий колючий гребень от головы до хвоста, широкие гибкие крылья, красноватый немигающий змеиный зрак, могучие трехпалые лапы с когтями в три локтя и длинный гибкий хвост. Размах крыльев ящера достигал девяти локтей, от головы до кончика хвоста дракон вытягивался локтей на двенадцать. За два года змей не изменился, только на левой лапе Евсевий приметил новый шрам.

Кангюй сомневался, выдержит ли крыша, но крыша выдержала.

Озимандия, приветствуя тебя! — зазвучал глубокий печальный голос, приходящий не от ушей, но из недр сознания. Дракон мерно покачивал головой из стороны в сторону, приоткрыв пасть, быстро пробуя воздух длинным раздвоенным языком. Но голос шел не из пасти. Звука вовсе не было. Дракон говорил мыслями.

— Когда заклятие достигло меня, я понял, что именно ты призываешь меня к себе. У вас беда?

— Да, — ответствовал старик. — Иначе я не нарушил бы данный мной обет. В пуще исчез король Конан. Я прошу тебя помочь его найти.

— Охотно. Но почему король Конан не воспользовался предоставленным ему даром? — спросил змей.

— Ты же знаешь Конана, — вмешался Майлдаф. — Он никогда не будет ни о чем просить, если считает, что справится сам. Наверно, решил приберечь перстень для еще худшего случая, а может, и вовсе про него забыл.

— Похоже, — изрек дракон. — Я опять должен тащить корзину? Ладно. Кто полетит?

— Я, — начал перечислять Озимандия, — Евсевий, Майлдаф, эти двое знатных аргосцев — принц Конти и месьор Сотти, барон Полагмар...

— Он тоже? — В голосе дракона послышалось сомнение. Внушительные пропорции барона были тому несомненной причиной.

— Да, — твердо сказал маг. — Ты достаточно силен, чтобы вынести всех нас.

— Все? — осведомился дракон.

— Нет. Я тоже полечу, — сказал Меццо. Он явно побаивался дракона, но ему почти удалось это скрыть.

— Он покажет нам дорогу, — пояснил Озимандия. — Похитили женщину, которая по-своему дорога многим из нас, — племянницу Коннахта. Юноша знает, где она.

— Хорошо, — ответил дракон, хотя Меццо не выглядел таким уж юношей. — Я, кажется, знаю, где ее муж.

— Хорса?! — В один голос изумленно вскричали Евсевий и Майлдаф. — Разве он с Тэн И не остался на нефе?

— Не знаю, где находится тот корабль, о котором вы упоминаете, но мне доподлинно известно, что эти два человека сейчас пребывают на Зеленом острове.

— На Зеленом острове? — На этот раз вместе с Евсевием пришла пора удивляться Озимандии, Сотти и Конти.

— Именно там, — промолвил дракон. — О них рассказывал Сулраэну Песнопевец, и Сулраэн сам видел их там.

— А кто эти достойные люди? — немедленно спросил горец.

— Садитесь в корзину, — изрек дракон. — Если время вам столь дорого, как вы говорите, побеседовать мы сможем и по дороге. Кстати, к твоему сведению, мой любезный, горец, — обратился змей лично к Бриану, — это вообще не люди. Хотя и в высшей степени достойные...

Игрун, королеве Народа Холмов, спящей ныне под присмотром горюющей Грайне в покоях графини Этайн, даже не снилось, что в это время Бриан Майлдаф несется с быстротой ветра вочных небесах и запросто разговаривает с великим черным драконом.

Глава XIII

Ойсина похоронили на вершине холма, свободной от леса. Это была не ползущая вдоль берега песчаная дюна, а настоящий холм — плотная глина, почва, галька, песок, лежащие на скале. Сосны, облюбовавшие светлые и пологие сухие склоны, словно как нарочно оставили наверху безлесную поляну, заросшую густой зеленой травой и крупными лесными цветами. Вырыли могилу и Ллейр положил рядом с Ойсином его топор.

— Он прожил не так долго, как мог, — скорбно изрек Ллейр под печальное кликанье чаек. — Лишь семьсот лет. А сколько еще мог бы совершить!

— Сколько он прожил? — Конан слышал, что стигийские жрецы с помощью эликсиров и чародейства способны растягивать годы жизни. Выглядели они при этом — если и вправду такое им удавалось — словно мумии из их же стигийских гробниц. Ойсин по сравнению с ними был полон жизни, здоровья и сил и светел сердцем и разумом.

— Семьсот лет, — грустно повторил Ллейр. — Сколько дивных книг он мог бы еще написать!

— А сколько он успел? — с осторожностью спросил Конан. Ему было жаль Ойсина, но семьсот лет, по разумению киммерийца, были сроком весьма почтенным. Что касается числа лет, то оно его удивило, но не поразило. Время для киммерийца делилось не на годы, а на зиму, весну, осень и лето, и особой разницы между семьюдесятью и семьюстами годами он не видел. Иное дело — семьсот или семьдесят золотых монет! Вот для такого счета и нужны были числа.

— Семьдесят пять книг, — вздохнул Ойсин.

Конан благоразумно промолчал. Евсевий как-то обмолвился, что сам Орибазий Достопочтенный не написал и двадцати.

— Что ж, пламенный дух его найдет успокоение в благословенном краю, — заключил Ллейр.

— Это был воин, и Кром взял его к себе, — добавил Конан.

Прощание было окончено. Они притащили на место захоронения большой камень. Ллейр сказал, что каменотесы и ваятели еще приплывут сюда и могила не останется без должного ухода.

Над останками чудовищного крагена кружились огромные стаи воронья и морских птиц.

— Ночью, когда мы уплывем, из леса выйдут волки, — пояснил Ллейр. — А может, и демоны. Туша не пропадет...

...Касситериды остались уже далеко за покачивающейся кормой, горсткой сероватых силузтов пропадая за горизонтом. Конан, сидящий на руле, только сейчас понял, что удрученный Ллейр даже не вспомнил о ключе, который должен был открыться им после горькой победы над чудовищем Первого Врага.

— Ллейр, мне надо в Мессантию, — просто заметил Конан. — Вы помогли мне, а я помог вам.

— Ты попадешь куда хочешь, — ответил сидящий на руле Ллейр. — Мы идем к Зеленому острову, в Гленллан. Там живет Бейдиганд Справедливый.

— Великий призрак Закатного океана?! — На этот раз Конан восхитился по-настоящему.

— Да, он самый, — не замечая выказанного собеседником восторга, сказал Ллейр. — Он отвезет тебя куда угодно. Ему открыты все моря.

* * *

Как ни скор был неутомимый полет дракона, но полет солнца был куда быстрее. Было еще темно, когда одну за другой они заметили внизу две широкие извилистые ленты, серебрящиеся в лунном сиянии. Это были реки — Громовая и Черная.

— Удивительное путешествие, — говорил Евсевий. — За какие-то четверо суток я совершил путешествие от пущи в Тарантию и назад!

— Да уж, — поддержал его Майлдаф. — Вот она. Черная! — ткнул он пальцем вниз, в свистящую встречным потоком воздуха головокружительную пустоту. — Мы прошли пушу, горы, дионтов, пещеры гномов, подземную реку с ее духами, но нас едва не перестреляли боссонские лучники! Хорошо, что барон Полагмар отличный охотник! Мы прошли пограничные патрули и достигли ближайшей деревушки, так и не узнанные никем!

— Да-да, — довольно закивал гандер. — Это было очень нелегко, пришлось потрудиться. Но если бы мы вздумали с ними разговаривать, нас бы сначала утыкали стрелами, а потом уже стали расспрашивать. Да и в деревне жители были не слишком любезны. Очень похвально, что месьор Майлдаф был столь запасливым, и у него, как и у меня, нашлось два десятка золотых.

— У меня их было больше, — усмехнулся горец. — Так я и стал бы вытряхивать все! Но сорок золотых за пару тощих кляч с ветхой повозкой, когда вместе с шестью благородными мессорами едет прекрасная дама, — это слишком! Где мой любимый пегий Стедди?! Уж он бы домчал нас вдвое быстрее!

Когда забрезжил рассвет, дракон опустился на высокую гору с крутыми склонами, где пиктов уж точно не было.

Там он отдохнул немного — все же столь тяжелые грузы крылатый змей не переносил давно — и путь по воздуху продолжился.

Сколько велики были просторы пущи, и как быстро и сравнительно беспрепятственно миновали они эти невысокие, но разрушенные и крутые горы с многочисленными разломами, ущельями, осыпями и скальными стенами, эти густые непроходимые чащи, темные лощины и глубокие овраги, сотни ручьев и речек, лиги открытого пространства, где путники были бы заметны всем, и предательские топи! Только сейчас они поняли до конца, каким великим счастьем было для них открытие древнего города гномов!

— А все же ты умный человек, Евсевий, — заметил Майлдаф. — Потому что знаешь, на что употребить свои знания. Куда бы тебя ни заносило, ты делаешь чудеса, чтобы живым вернуться домой. А если бы ты сидел дома, то зачем бы тебе понадобилась вся твоя ученость?

* * *

Зеленый остров предстал перед ними как изумруд, заключенный в серебряную оправу прибоя. Круглые холмы, белые меловые скалы, вздымающиеся отвесно, словно колонны, на

двадцать пять локтей и пенящиеся под ними волны, маленькие укромные бухты, гряды дюн, пышный лес, разноцветный при взгляде сверху, поющий на сотни дивных голосов, белоснежные яблоневые сады и несравненный аромат, который хотелось пить и пить и лучше коего не было более нигде. С высоты драконьего полета только сосна и ель виделись зелеными, с оттенком синевы, дуб же и иные деревья с широкими листьями выглядели ярко-золотыми.

«А ведь там, в пещере духов, я видел почти то же, когда выглядел в окно храма, — подумал Сотти, когда из корзины, слегка раскачивающейся в драконьих когтях, им открылись холмы, храм и постройки Гленллана. — Почти. Может, здесь знают о той белой башне?»

Градоначальник изменился после того визита в зеркальный лабиринт, и он сам это чувствовал.

Он тащил через всю пущу этого сопляка королевского рода — принца Конти, чтобы с его помощью после смерти Мило сесть на трон Аргоса. Для этого Сотти и присоединился к вылазке Конана. Что-то подсказало ему, что им не суждено будет вернуться на «Полночную звезду». А возможность зарекомендовать себя перед монархом сильнейшей хайборийской державы тоже дорого стоила.

Принц Конти был младшим в роду, но уже успел показать себя: в отличие от своих братьев, предпочитавших проводить время в дворцовой праздности, Конти постоянно искал приключений. То он учился ходить под парусом, для чего старательно штудировал навигацию, географию и астрономию, то им овладевала страсть к стихосложению, и юноша просиживал ночи напролет, изучая шедевры изящной словесности и упражняясь сам, то он воображал себя знаменитым государственным деятелем и полководцем, целые дни не расставался с мечом и ламирой, читал сочинения историков и военачальников.

Последним «подвигом» Конти стал поединок. Принц имел глупость влюбиться в одну девицу, довольно смазливую и, на ее беду, честную. После одного из дворцовых торжеств с балом и возлияниями трое подвыпивших приятелей решили развлечься в беседке королевского сада с юной прелестницей. Иная бы за честь почла, поскольку вельможи они были знатные и положение при дворе занимали высокое, но та позвала на помощь. Крик был слабый, и дружки посчитали его за обычное кокетство, но Конти услышал. А услышав, не долго думая, взялся за ламиру и уложил троих. Дело кое-как замяли, девицу сослали в Мерано, но все равно вся Мессантания знала о происшедшем. Словом, молодой принц при должной поддержке запросто мог обойти старших братьев, и Сотти как умелый игрок тщательно разыгрывал эту карту. А сдача любимого сынка на руки родителю в целости и сохранности сулила градоначальнику Мерано дополнительные барыши.

И все теперь складывалось как нельзя удачно, только вдруг Сотти почувствовал, что это ему не нужно. С дальнего морского горизонта светила ослепительной снежной белизной таинственная башня в краю зеленых деревьев, и золотое солнце сияло незамутненно в истинно голубом небе. Каждый раз, как Сотти вспоминал об этом, вся картина живо представлялась ему, и он понимал с удивлением, что испытывает единственное желание: оказаться там. Сердце, о коем он давно забыл как об источнике волнений, каждый закат трепетало и пело, будто отделенное от желанного и родного прозрачным, но непроницаемым стеклом. Закат звал его, и светлая тоска будто по потерявшему когда-то говорила, что его белая башня там, за Океаном.

Вот с таким чувством сходил он на зеленый луг перед дивной деревянной постройкой, по сравнению с коей дворцы Мессантии, а возможно, и самого Бельверуса и Хоршемиша со-

всем их золотом и мрамором казались верхом безвкусицы.

Прилет дракона, как ни странно, не вызвал в городке ни малейшего удивления. Лишь пятеро человек встречали их, прочие же только улыбались приветственно и восклицали что-то на непонятном и дивном певучем языке, спеша по своим делам. Легкий ветер дул с моря, и суровая древняя башня маяка не казалась сегодня такой безмолвно-неприступной, согревая выстуженные временем стены в солнечных лучах.

Двоих из этих пятерых Майлдаф, Озимандия и Евсевий узнали сразу. Это были подчеркнуто церемонный невысокий кхитаец Тэн И и белобрысый крепыш-гандер — Хорса. Третьим был величавого вида седой муж с амулетом в виде крылатого солнца на груди, в простой серой хламиде, правда с дорогим поясом с серебряной отделкой, а рядом с ним стоял другой благообразный старик, довольно высокого роста аскет в одежде жреца-митрианца. Пятым же оказался прекрасный молодой месьор с длинными волосами цвета воронова крыла, высокий, превосходно атлетически сложенный. На нем был простой зеленый костюм, алый плащ, кожаный пояс и невысокие охотничьи сапоги. На поясе висел дивной работы меч, и, судя по всему, его владелец знал толк в фехтовании, да и вообще в войне. Его черные глаза вмещали в себе бездонность тысячелетнего опыта, будто бы они вобрали все небо, от изначальной черноты до появления солнца и луны, да первозданный неискаженный свет в придачу. Он только внешним обликом был схож с человеком, но всякому заметен был его скорбный и ясный дух, и черный дракон не замедлил подтвердить его особость.

— Здравствуй, Песнопевец, — изрек змей.

— Здравствуй, — отозвался голос вроде бы человеческий, но звучавший на тысячу голосов земли, небес, вод и огня. — В последние дни это второе явление к нам гостей за долгие годы одиночества. Что привело их сюда?

— Дело, Песнопевец, о важности которого они сами наверняка не подозревают. В мирнаконец явился человек, способный собрать три ключа воды.

— Кто он? — вопросил тот, кого дракон назвал Песнопевцем. — Верно ли, что это король Аквилонии, Конан Киммериец?

— Да, — был ответ.

Сотти вдруг понял, что именно сейчас время поведать о своем приключении в лабиринте.

— Месьор. — Аргосец шагнул вперед и поклонился мужчине. — Ведома ли тебе земля, зеленый остров в океане, где есть видная издалека белая башня?

Тот взглянул на Сотти, и в глазах его были великие изумление и радость.

— Где видел ты такую землю и откуда знаешь о ней?

Нимало не смущаясь тем, что время не дает им возможности говорить о постороннем, Сотти начал рассказ, и чем внимательнее слушал его сей необыкновенный муж, тем больше аргосец убеждался, что поступил верно.

Когда он закончил, Песнопевец подошел к Сотти и положил ему на плечо руку.

— Ты поведал мне многое, чужестранец. Многое и дорогое из давних дней. Я расскажу тебе об Одиноком острове с зелеными деревьями и о белой башне. Но прежде ответь мне, не взял ли ты с собою тот свиток, что нашел в чертогах Габилгатола?

— Он у Евсевия. — Сотти указал на аквилонца. — Евсевий, месьор хочет осведомиться о свитке, что я передал тебе, выйдя из-за зеркала...

— Вот он. — Евсевий, казалось, уже ждал, когда к нему обратятся. — Да будет мне

позволено заметить, я начал чтение, основываясь на скромных моих познаниях в языках древнейших народов материка: атлантов, стигийцев, гиперборейцев и киммерийцев. Но смысл многих понятий, а особенно имен ускользает от меня, ибо касается событий, весьма далеко отстоящих во времени от сего дня. Однако, мнится, что этот свиток значителен чрезвычайно. Прошу тебя, изъясни нам его суть, если возможно.

Евсевий протянул Песнопевцу тугой желтоватый свиток.

Песнопевец развернул его и прочел первые несколько десятков строк, потом медленно свернулся и отдал назад Евсевию. Глаза его сияли звездным нездешним огнем.

— Вот то самое, что ищет ваш король, и вы немало порадуете его, когда откроете ему обретенное. Ибо не договор меж самыми могущественными королями решает судьбы мира, который следует своими путями, и по сравнению с ними судьбы детей Единого лишь тропы муравьев перед мощеной дорогой. Но если мир стоит на перекрестке, владеющий тайнами бытия в силах тем или иным способом изменить предначертанное. В этом свитке описаны тайны морских ветров и то, как можно повелевать ими, не допуская принуждения, ибо Океан лишь видится великим собранием соленых вод и ничем более. Так и есть, если пытаться судить о нем по одной капле. Но совокупно являются они, то есть капли, целостность, коя разумна, и разум сей иной раз превыше человеческого. Дерзания и творения моего народа были велики, и знания, хранимые в свитке этом, преумножались и возросли таково, что сделались сравнимы по степени углубления в естество с теми, что таит в себе Океан. Само обладание таким свитком, тем самым, дает великие силы его владельцу. Если же постигнет он хоть малую толику этих знаний, господство его и мощь приумножатся.

— Должно ли думать нам, что ныне можем, как всесильные боги, править стихиями морскими и не взирать на потуги иных тварей? — спросил Озимандия.

— Нет, не должно, ибо можете не править, но познать, из всего извлекая пользу, — отвечал прекрасный их собеседник. — Тех же, кто преисполнится гордыни и станет повелевать, ждет падение и утрата всего, чем владел, так как Океан древнее и не терпит власти над собою. Он способен карать нещадно в буйстве своем, и атланты — вящий пример тому. Но можете упредить разгул стихий, подобно тому как выкапываете ров с водой, и огонь не переходит его при пожаре, или же готовите почву, благодатную для всходов.

— Единствен ли список? И почему сам не воспользуешься им, ибо вижу, что велик ты и духом благороден? — Озимандия испытующе взглянул на Песнопевца.

— Великие дни моего народа в прошлом, и я лишь один из немногих оставшихся в кругах мира хранить память о нем, не уставший еще от пребывания здесь. Не мне принадлежит будущее, и сумрачным видится мне оно, но вам править в нем. Список же не единственный, ибо есть еще два, и три в единстве своем являются ключ к пониманию вод земных. Есть же еще подобные списки о тайнах земли, воздуха и огня. Но являются списки эти лишь избранным и могучим. Коли так случилось и способны вы не только владеть, но и разумеете суть письмен, здесь заключенных, то полагаю, не употребите во зло силу, врученную и вверившуюся вам.

— Где же найти недостающие два? — осведомился Евсевий. — И не исполнишь ли просьбу благородного градоначальника Сотти из Мерано, ибо считаю, что многое откроется и мне в рассказе твоем для понимания тайн свитка.

— Из прочих двух ведаю лишь об одном: на полночь от наших Островов лежит остров Стеклянной Башни, обитель могущественных духов, из коих многие некогда служили древнейшему врагу. Там и покоится второй свиток. О третьем же не знаю. Что ж, пока

отдыхает дракон, войдем в дом, — он указал на деревянный дворец, — и я поведаю вам хотя бы немного о том, что ныне предано забвению.

И они вошли за ним в светлые покои, пахнущие свежим деревом, несмотря на великую древность, и много удивительных вещей услышали от того, кто звался Песнопевцем.

* * *

Меж тем Майлдаф рассказывал Хорсе и кхитайцу свою историю, Конти и Полагмар помогали ему, а Меццо присел рядом на камень и слушал. Бейдиганд Справедливый вел беседу с драконом, мирно прилегшим на лугу, сложив крылья.

Горец, принц аргосский и гандерландский барон поведали о священной реке, о том, как наблюдали абордаж «Полночной звезды», как пробирались через пущу, об озере с изваяниями богов, о красных скалах, волках, ручье, дионтах и пиктах, пещерах гномов и подземной реке. После же Тэн И и Кастилиус рассказали всем, как продолжилась история с купцом Седеком, как пикты не смогли захватить корабль, как они обошлись с Табарешем и чем это все обернулось. Рассказывал главным образом кхитаец. Хорса был странно, несвойственно для себя рассеян и лишь иногда добавлял что-то, уточняя подробности. Майлдаф объяснил это по-своему, и когда Тэн И закончил повествование об их морских странствиях чудесным приходом в Гленллан и встречей с Песнопевцем, он приступил к самой, на его взгляд, трудной части своей миссии на Островах.

— Хорса, теперь я должен сказать тебе о главном, — торжественно-траурно изрек горец. — Графиня Этайн похищена. Но едва мы найдем короля, — поспешил заверить друга Бриан, — мы поспешим за ней. Этот добрый месьор, Меццо из Мерано, знает, где она.

Ответ Хорсы ошарашил Майлдафа. Он знал, что самообладание гандера превосходит все мыслимые границы, но не настолько же!

— Он тоже из Мерано? — спросил Хорса. — Говоришь, Этайн похитили? Кто?

— Не знаю, кто платил за это, — горячо заговорил Майлдаф, — но орудовал жрец Золотого Павлина...

— Знаю, — кивнул Хорса. — Они непревзойденные негодяи. Этайн здорова? — обратился он к Меццо участливо — всего лишь участливо!

— О да, госпожа не пострадала от насилия и каких-либо иных недугов, — церемонно проговорил Меццо, оценивающе глядя на Хорсу.

— Хорса, да очнись же ты! — вспылил Бриан. — Ты говоришь так, будто речь идет о твоем дядюшке Хенгисте или, еще пуще, о короле Приграничья. Ведь это же Этайн пропала! Твоя Этайн!

Майлдаф ударил кулакищем по камню, на котором сидел, и, почувствовав боль, немного успокоился.

Тэн И, видя, как усердствует горец, не сказал ничего, только смотрел грустно. Он-то уже знал, в чем дело.

— Я знаю, что кажусь тебе странным, — спокойно ответил гандер. — Мне очень больно оттого, что Этайн попала в руки этим негодяям. Я полечу с вами спасать ее и никуда не исчезну, пока она не будет в безопасности. Что же до будущего...

Хорса ненадолго умолк и посмотрел печально на Майлдафа, Меццо, Тэн И, барона Полагмара и принца Конти.

— Я остаюсь здесь, — тихо, но твердо изрек гандер. — Если говорить об Этайн, то я, наверно, еще люблю ее. Может быть, когда я увижу ее вновь, я передумаю, но вряд ли стоит рассчитывать на такое. Случилось нечто непредвиденное, чего я и сам пока не могу объяснить...

Хорса действительно не знал толком, что с ним произошло. С тех пор как он ступил на причал Гленллана, время словно приостановило свой бег. Он гулял по холмам Зеленого острова, говорил с Песнопевцем, слушал голоса прошлого и запахи майских садов и леса, внимал дивному языку тех, кто населял этот маленький городок.

Все, что произошло в его жизни раньше, казалось далеким, неправильным, нереальным, подернутым пеленой, словно он видел старинное пыльное зеркало, отражающее не то, что вокруг, но какую-то покинутую комнату со старомодной обстановкой, куда время от времени являются силуэты и тени тех, кого он знал, и говорят о каких-то милых нелепицах.

Здесь же, на Зеленом острове, все было настоящим, неискаженным, таким, как тому и следовало быть. Истинным был свет солнца, правдиво зелены трава и деревья, а небо было таким свежим и голубым, что Хорса не раз вспоминал слова Бейдиганда о том, что самый прозрачный и невесомый день на лугах Темры не сравнялся бы с самой мрачной здешней ночью. А Песнопевец говорил об иных, ушедших землях, о давних годах, о жестоких битвах и великих действиях. И в этом закатном блеске уходящего времени Хорса вдруг обрел для себя новый огонь и свет, каких не знал даже в объятиях Этайн.

Этайн... Таинственным птичьим словом прозвучало это имя в белых яблоневых садах. Он пробовал представить ее здесь, рядом с собой, гуляющей с ним по холмам и лесам, в садах и на косе у древнего маяка, в светлом Каминном Чертоге деревянного дворца, у врат храма, построенного на склоне, откуда открывался весь Гленллан, бухта и простор лазурного моря. У него не получалось! Он с тревогой осознал, что пока любит ее, но не так, как прежде. Океан, время и тоска по минувшему вставали меж ними. Он помнил все, но память эта не воспламеняла, а только лишь согревала.

А пять... Да, кажется, пять дней назад. Утро началось с боли. Болело в груди, но не так, как болят раны. Все тело словно тянулось куда-то, тяготясь ожиданием и предчувствием. Воздух был необычайно ясен даже для Гленллана, а с океана летел сильный, прохладный и беспричинно радостный ветер, срывая с яблонь белые лепестки.

В этот день Хорса вместе с Песнопевцем и Тэн И направились к храму, куда собирались и многие другие жители городка. Предстояло какое-то маленькое торжество или просто встречали некую дату — Песнопевец и не пробовал объяснять; для понимания нужно было знать всю историю его народа.

Хорса посвящал свои дни — их и прошло-то здесь немного — прогулкам и разговорам с Бейдигандом и Песнопевцем и почти не знаком был с другими горожанами, посему с присущим ему вниманием рассматривал пришедших в этот час к храму. Здесь были люди разного возраста, старцы и дети, юноши и зрелые мужи, женщины и молодые девушки. Всех их отличало благородство лиц и ясность глаз, опрятность в одежде и спокойное достоинство, являющееся даже в детских играх.

Торжество началось колокольным звоном. И в этот миг, взглянув на стоящих на противоположном конце небольшой площадки перед воротами храма, Хорса встретил тот единственный, незабываемый взгляд, который краток, как молния, жесток и сух, как щелчок тетивы арбалета, и синь, как небо. Взгляд голубых глаз из-под шапки светло-рыжих выующихся волос, разом остановивший и заглушивший все вокруг, кроме одинокого стука сердца. Все

пропало: краски, линии, люди, здание...

Не было ни оторопи, ни печали. И она исчезла, заслоненная другими, но стало ясно, что этот взгляд был из тех, не пойти за коим значило бы пропустить между пальцев целую жизнь. Пропустить такой взгляд значило отдать жизнь чему угодно: подвигам, скитаниям, книгам, песням, стихам и просто суете, но при этом закрыть, остановить сердце, потушить его навеки, притом собственной рукой, и вечно хранить потом боль от ожога.

Хорса снова чувствовал себя так, будто ему было шестнадцать или семнадцать. Как зачарованный бродил он весь день по яблоневым садам, росшим в теплой, со всех сторон закрытой от ветра ложбине позади Башенного холма — того, на склоне коего разместилась часовня. Бродил в надежде встретить ее. Откуда ему было знать, что мудрый Тэн И уже понял, что происходит, и там, у храма, заметил, куда смотрит Хорса, и успел поймать этот самый единственный взгляд. Кхитаец промолчал. Он знал, что случится следом, и знал, что этому не помешать.

Хорса же бродил садами в неизъяснимой надежде и пел о давних днях великого вождя Виттигиса. Черном Змее гандеров и прекрасной деве, жене вождя. И — о чудо! — он увидел ее шедшей вниз по склону, туда, где на дне лощины был тихий задумчивый пруд.

Она была облачена в нежно-зеленую с серебром мантию, и рыжие локоны ее едва трогал, играя, легкий ветер. Хорса молча смотрел на нее, но испугался, что она уйдет, и, не зная ее имени, позвал: «Видумави!» — что значило на языке гандеров «лесная дева».

Девушка заметила его и улыбнулась.

— Кто ты? И почему я не видела тебя раньше? — спросила она на языке атлантов, а Хорса выучил этот язык, будучи во Фргхамоке, и смог ответить.

— Я Хорса, из народа гандеров, друг Конана, короля Аквилонии, и граф. Лишь несколько дней назад прибыл я с материка на карре Бейдиганда Справедливого.

И тут он понял, что все его титулы, подвиги и заслуги ничего не значат перед ее достоинством и красотой. Но она лишь весело рассмеялась и молвила:

— Что ж, уже давно никто не являлся к нам из земель Восхода. Мой народ живет все больше памятью о давних днях. Тем интереснее будет наша беседа. Ты ведь расскажешь мне о своей стране? А я поведаю тебе о прошлом.

Хорса невольно подивился ее словам: она, казалась, едва ли не младше его, но она посмотрела ему в глаза и сказала:

— Не удивляйся! Разве тебе не говорили, что время на Островах течет иначе?

И Хорса смутился, ибо увидел в этих глазах свет и мудрость многих дней...

Он без утайки рассказал бы Бриану обо всем, но тут на шестигранной башенке храма ударил гонг, а смотритель причала возвестил:

— Лодка Ллейра в заливе! А с ним некий могучий муж!

Взоры всех обратились на залив.

Черная карра под парусом легко и быстро бежала к причалу, разрезая медленные воды. В ней сидели двое: рыжеволосый высокий и стройный муж, лицом подобный Песнопевцу, и второй, на руле: огромного роста, черноволосый, с резкими чертами мужественного, словно из гранита высеченного лица.

— Король! Да здравствует король Конан! — закричали разом пять человек.

Человек на руле привстал, заслонился ладонью от солнца и посмотрел пристально на берег.

— А вы-то все что здесь делаете? — грянул могучий хриплый бас. — Не на кого

королевство оставить! Одному только Публио и можно доверять!

Ллейр и Конан спустили парус и ловко подвели карру к пристани. Король Аквилонии вышел на берег Зеленого острова.

Тут же из дворца, привлеченные криками, выбежали Озимандия, Сотти и Евсевий. Следом быстрым шагом вышел Песнопевец.

Всем подряд, не исключая Сотти и Конти, пришлось попробовать на себе крепость дружеских объятий короля. После Конан подошел к черному дракону.

— Здравствуй, друг, — молвил король. — Я не чаял встретить тебя здесь, а потому вдвойне благодарен за помощь.

— Почему не позвал ты меня в трудный час? Или решил, что я не помощник тебе в обуздании такого скакуна, как Закатный океан?

— Прости, — отвечал Конан. — Твой перстень всегда со мной, но поначалу мой замысел виделся мне лишь мелкой людской затеей, не стоящей твоего внимания. Только ныне открылось мне, сколь великие силы пришлось и придется еще пробудить, дабы воплощение замысла моего — а ныне, как я вижу, и замысла высших сил — не стало бесплодной и пустой победой.

От удивления Евсевий открыл рот: таким он короля еще не видел, и, что важнее всего, не слышал. Эта перемена не ускользнула, конечно, и от взгляда дракона.

— Должно быть, беседы с Ллейром изменили нечто в тебе, — изрек змей, и в голосе его неожиданно появилась добрая усмешка. — Не будем виниться друг перед другом. Силы, в дела коих мы вмешались, и вправду слишком велики, чтобы посвящать словоблудию драгоценное время. Знай же, что твои люди не теряли его даром. Они прошли подземной рекой, что насквозь пронизывает древние горы, находящиеся в сердце страны пиктов, и добыли там один из ключей к тайнам Океана.

Конан не переменился в лице, но известие это явно заставило короля принять некое решение.

— Как выглядит этот ключ? — спросил он.

— Это свиток с древними письменами. — Песнопевец выступил вперед. — Один из трех. Я рассказал достойному Евсевию и Озимандии о его значении и свойствах. Уже с ним одним ты сможешь осуществить свой замысел. Но тебе следует торопиться.

— Я знаю, Песнопевец, — ответил Конан. — И знаю немного о тебе, ибо Ллейр рассказал мне. Но ты ошибаешься, говоря, что свиток у нас один. Вот второй ключ.

С этими словами король вытащил из-за пазухи черный кувшин. Печать на сосуде была вскрыта, и Конан вынул из него тугу свернутый пергамент.

— Это я нашел, когда разрубил пополам тело гигантского крагена, посаженного словно пса охранять эту тайну до возвращения Врага, — молвил он, отдавая свиток Песнопевцу.

— Не будь на меня в обиде, Ллейр, — обратился киммериец к своему спутнику. — Я не забыл твои слова о тайне, ты же пребывал в горести о погибшем Ойсине и не вспомнил о ней. Не сознавая полностью значения свитка, я думал оставить его у себя, а потом показать Озимандии, ибо считал, что пергамент этот может оказаться мне полезен. Волей Крома — или Митры — так и вышло. Но вижу теперь, что здесь действительно собрались те, кто ведает больше меня. Свиток отныне ваш.

— Нет, свиток — твой, — ответил Ллейр. — Не стоит оправдываться: мы вместе победили крагена, а ключ нашел ты. Я помнил о нем, но посчитал, что на Касситеридах его нет. Он явился тебе, и, значит, тебе суждено распорядиться им.

— Мы — дракон, Ллейр и я — уже говорили не раз, что наше время давно миновало, и долг наш — дождаться достойного, кто мог бы владеть ключами по праву чести и дел, им совершенных, — продолжил Песнопевец, осмотрев свиток и возвращая его Конану. — Твой черед настал. Тебе и твоим доблестным воинам дорога на Острова отныне открыта, и мы еще сможем встретиться, если пожелаешь, и знаю, что так будет. Но теперь ты должен спешить. Готов ли ты? — обратился он на сей раз к дракону.

— Да, — изрек змей, расправляя крылья. — Путь до Аргоса не близок, и лишь к ночи увидим мы берег материка. Садитесь же в корзину, ибо все готово.

— Вот это да! — не сдержал восхищения король. — Представляю себе физиономии Фердруго и Мило, когда я явлюсь к ним на летающем драконе!

— Это будет потеха! — поддержал Конана Майлдаф. — Но прежде мы хотели вызволить из плена графиню Этайн...

— Как, Этайн похитили?! — Король говорил негромко, но все почувствовали мигом закипевшую в нем ярость. — Бьюсь об заклад, что здесь поработал Асгалун! Это так?

— Увы! — проскрипел Озимандия. — Они купили жреца Золотого Павлина, и тот исполнил поручение. Но они просчитались: кто же знал, что твой корабль не придет в Мессантию вовремя, а если и вовремя, то без тебя? Этот молодой ученый, — маг указал на хранившее молчание Меццо, — случайно оказался в доме, куда заточили графиню, и проделал путь от Восточного Аргоса до Тарантии лишь для того, чтобы принести весть от женщины, которую он даже не лицезрел, а только слышал. На счастье именно в этот день вернулись и Евсевий с Майлдафом.

— Мы прежде летим за Этайн, — твердо сказал Конан. — Фердруго и Мило потерпят, они еще не такие старые, чтобы спешить к их одру за завещанием. И Океан подождет, у него в запасе по меньшей мере вечность. А сabbатейцу, если поймаю, я ощиплю его золотые перья! Мы отправляемся!

Прощание было кратким, ибо все были готовы к пути и надеялись еще возвратиться сюда. Немногие вещи Хорсы, Тэн И и Касталиуса мигом погрузили в корзину. Дракон взмахнул крылами, тяжелой трусцой разбежался по лугу и оторвался от земли. Описав круг, он подхватил когтями корзину и взмыл с нею высоко в прозрачный воздух.

Стоявшие внизу Песнопевец, Ллейр, Бейдиганд и другие жители Гленллана провожали их, кто молча, кто напутственными криками. Летящие в корзине отвечали им, и лишь Хорса оставался безмолвен. Тэн И заметил, как гандер смотрит туда, где мелькнул зеленый плащ и светло-рыжие прекрасные волосы. И увидел провожающий их быстрый взгляд удивительных голубых глаз.

Глава XIV

Зеленый остров скрылся из вида, и вновь океан один катил свои волны, и им казалось, что волны идут к закату. Бейдиганд Справедливый, Ллейр, Песнопевец — их мудрое спокойствие осталось позади, но теперь с ними опять был Конан и его меч. Король и вправду переменился — но лишь на Зеленом острове. Едва дракон миновал некий предел, как киммериец стал прежним Конаном, активным и деятельным. Он принялся подробно расспрашивать Меццо о том, как устроен дом, где он находится, сколько человек в охране и кто именно, много ли слуг и далеко ли другие дома.

Меццо отвечал довольно толково, хотя и не был никогда ни воином, ни охранником, ни соглядатаем. Наблюдательность и память позволили ему донести до короля большинство необходимых ему подробностей.

— Нас, разумеется, маловато, — подвел итог Конан, — но, думаю, справимся. Если еще и дракон поможет...

— Я помогу, — отозвался змей. — Людская злоба и гордыня велики, и даже в маленьком загородном доме такие негодяи могут содержать целый отряд хорошо вооруженных наемников. Я не умаляю доблести ваших мечей, но нам нужно не только победить, но и выжить, притом всем. Мнится мне, что ваша честь не будет запятнана, если я окажу вам содействие.

— Не будет, — уверил дракона Майлдаф.

Ночью дракон вновь делал передышку на вершинах скал посреди пущи. Было прохладно, хотя вечные снега не тронули этих высот. Темная земля девственных лесов и диких болот мирно лежала внизу.

— Впервые я вижу пушу отсюда, — задумчиво сказал король стоявшему рядом Евсевию. — Может статься, и в последний. Мне кажется, что как ни велик Океан, да не прогневлю я Крома и Митру такими словами, страна пиктов не меньше, чем Океан, и никакие древние мудрецы не в силах найти ключи от нее. Не здесь ли таится водоворот, кой поглотит когда-нибудь Хайборию?

— Не думаю, — ответствовал Евсевий. — Пикты не молоды, напротив, они стары. Этот народ некогда был могуч, ныне же они отгородились от мира кромкой лесов, а все их тайны — это лишь тени прошлого, мы немало повидали их в покинутых городах и руинах. Только народ Островов из всех сущих сохранил ясность памяти о прошлом, чему я вижу некоторые причины. Если же говорить о тех, за кем будущее, то скорее всего за Гирканией, но случится это очень не скоро.

— Может, ты и прав, — отозвался Конан. — Так или иначе, после рассказов твоих и Майлдафа я хочу взглянуть на подземный город. Но что с Хорсой? — вдруг спросил король. — Он нелюдим, но я бы не сказал, что он выглядит обескураженным или скорбным. Скорее, он растерян. Когда бы похитили мою жену, если я когда-нибудь женюсь... — Киммериец многозначительно посмотрел куда-то в пространство и сжал внушительный кулак.

— Не знаю, что и ответить, — развел руками аквилонец. — Спроси у месьора Тэн И, он проницательнее любого из нас.

— Ладно, — махнул рукой король. — Завтрашний день покажет все. Песнопевец сказал верно: «Каждому — по делам, им совершенным».

Дракон отдохнул, и снова черный и чистый воздух засвистал за бортом корзины.

* * *

Утренний свет — даже не свет еще, но провозвестник света — появился над восточным горизонтом, когда под ними широкой лентой блеснул Хорот.

С заоблачных высот дракон падал на виноградники Восточного Аргоса.

— Где? — обратился Конан к Меццо. Подобно Хорсе, аргосец весь путь промолчал, переживая что-то свое.

— Вот селение, — указал вниз Меццо. — То самое, что обнесено невысокой стеной. От него идет дорога, та, что на полночь и восход. Она проходит еще две деревни, а потом по правую руку отходит дорога поменьше. Она и ведет к той самой усадьбе.

— Ты понял? — спросил король у дракона.

— Мы будем там через два фарснита.

* * *

Дом находился на склоне пологого холма. С одной стороны его огибал мелкий коричневый ручей, куда выходили высокие стены. Парадный вход был с другой стороны — этакий изящный портик с колоннами и фронтоном. За ним располагался сам дом — каменный квадрат, окружающий сад с бассейном. Постройки шли ступенчато, вслед за склоном, так что снизу, наверно, усадьба смотрелась внушительно.

— Ты посмотри! — воскликнул Евсевий. — Даже маленький храм Митры! Тут же грешат, тут же и каются, благо не надо далеко ходить!

— Митра да покарает нечестивцев! — простер грозно длань Касталиус.

— А мы послужим орудием кары, — усмехнулся Конан. В руках его был меч.

— Евсевий, Майлдаф! Готовьте луки! Покои графини у ручья? Тогда садись на крышу прямо там. Здесь живут богачи, и строят тут прочно. На века, — добавил король, и недобрая усмешка тронула его губы.

Дракон опустился на крышу здания. Должно быть, в этот глухой предрассветный час здесь, среди тишины виноградников, охрана никак не ожидала встретить дракона, да еще с корзиной, полной вооруженных до зубов воинов, поэтому сочла змея за мираж. То есть они не приняли, разумеется, дракона за призрак, но и силу его явно недооценили.

Сразу проникнуть внутрь здания не удалось. Пятнадцать или двадцать охранников — никто их, конечно же, не считал — появились на крыше, должно быть, играли в кости до утра в одной из комнат, имевших такой же выход на крышу, как и комната графини, только с лестницей. Это все были дюжие молодцы из самых разных уголков хайборийского мира. Это было сделано нарочно, чтобы наемники чувствовали себя в Аргосе одиноко и были привязаны к дому, как псы к своей псаине. Стоили эти ребята немалых денег, но и драться умели получше многих. Впрочем, за исключением Меццо, Касталиуса и Озимандии, дракон принес воинов по меньшей мере равных охранникам, кроме того, почти все они имели недавний опыт настоящих битв.

Тroe упали сразу, сраженные стрелами Евсевия, Майлдафа и Тэн И, но прочие осыпали

нападавших ответным дождем стрел, из коих больше половины угодили в дракона.

Предутренняя тишина загородного имения была безнадежно разрушена. Конан, Майлдаф, Тэн И, Полагмар устремились по крыше направо. Хорса, Сотти, Конти и Меццо — налево, туда, где по предположениям Меццо должен был быть интересующий их люк или дверь. Дракон остался вместе с Озимандией и Кастилиусом. Когда крыша оказалась расчищена — для семерых хайборийцев и кхитайца справиться с таким же или чуть большим числом охранников не составило труда, — все спустились во двор.

Конечно, нельзя было надеяться, что охрана усадьбы поручена только этим пятнадцати или двадцати, но, как видно, оставшихся было не больше, к тому же они все спали, поэтому расправиться с полусонными не составило труда. Существенное сопротивление было оказано только у ворот, где пятеро дрались отчаянно, хоть и были умело отделены нападавшими друг от друга.

Особенно нелегко было сладить с одним, высоченным и крепким, в ярких красно-золотых одеждах и в островерхом шлеме с позолоченной устрашающей маской в виде чудища — полуульва-полусобаки. Этот громила отбросил щитом в сторону месьора Сотти, так что тот свалился в бассейн, потом заставил отступить на недосягаемое для меча расстояние принца Конти, успешно отбился от барона Полагмара, и только помощь Майлдафа заставила великана капитулировать. Горец снес ему с головы шлем вместе с маской и уже изготовился раскроить череп, как Меццо закричал:

— Стойте, это слуга графини! Не сопротивляйся, они пришли вызволить Этайн! — Это относилось уже к охраннику.

И действительно, огромный чернокожий атлет узнал юношу. Не убоявшись, что Майлдаф не послушается аргосца и завершит-таки схватку смертельным ударом, гигант бросил меч и застыл в выжидательной позе.

Тем временем двор был очищен от врагов. Сопротивляющихся больше не было. Застигнутые врасплох слуги и танцовщицы сидели, дрожа, по своим углам.

— Где Этайн и где твои хозяева? — грозно спросил Конан.

— Месьор король, — вмешался Меццо. — Он не может вам ответить. Он немой. У него вырван язык. Лучше попросите его, он сам отведет.

В знак согласия чернокожий кивнул головой.

— И еще, — добавил Конан. — Не видел ли ты здесь человека, у которого есть какой-нибудь знак в виде золотого павлина?

Страж опять кивнул.

— Тогда веди. Сначала к Этайну, — приказал Конан.

И тут дом вспыхнул, будто был деревянный. Огонь объял стены мгновенно, по всему периметру. Что-то оглушительно грохнуло, и часть одной из стен осела и рухнула, будто при оползне.

Тэн И выкрикнул какое-то слово на кхитайском, но его никто не понял. Во двор повалили толпой люди: слуги, девицы, управляющие, надсмотрщики — словом, все многочисленное население дома.

— Где Этайн! Быстро! — не растерялся Конан, накинувшись на слугу.

Полагаю, там же, где и саббатеец, — рассудительно молвил Евсевий. — Шемит не мог уйти, видя, что его ритуальная жертва может ускользнуть.

— А где Хорса? — немного оторопело, что не было ему присуще, вопросил Тэн И.

Действительно, гандера как ветром сдуло. Дракон меж тем, опасаясь, что пламя опалил

его крылья, подхватил корзину вместе с пожилыми участниками похода и отнес ее подальше на виноградники, оттуда, невысоко поднявшись над землей и вытянув шею, он и наблюдал за ходом событий.

— Вот он! — вдруг выкрикнул Майлдаф, указывая наверх. И вправду, Хорсе, очевидно, пришло в голову то же, что и Евсевию, но гандер больше привык действовать практически и незамедлительно. На стене, где уже, наверно, трудно было дышать от чада и жара, бились на мечах двое. Один из них был Хорса. Другой — альбинос, гибкий, как червь, в черном одеянии, с длинным черным мечом. На руке его отчетливо был виден в отблесках пламени золотой браслет.

— Это он, похититель! — выдохнул Меццо. — Она говорила...

Меццо, не досказав до конца, бросился туда, где была лестница, ведущая на крышу. Оставшиеся уже думали присоединиться к ним, но тут во двор вырвалась группа вооруженных мужчин, которые мечами стали расчищать себе дорогу к воротам.

Чернокожий тронул Евсевия за плечо — вероятно, он почему-то признал аквилонца за самого сочувствующего здесь ему человека.

— Это твои хозяева? — понял Евсевий. Раб закивал.

— Ага! — чуть ли не обрадовался Конан. — Хоть какая-то польза от сabbатейца! Тэн И, помоги Хорсе и этому, аргосцу! Сейчас я ими займусь!

Не было сомнений, что дом поджег жрец Золотого Павлина. Только ему это было выгодно, и только он способен был втайне подготовить и привести в исполнение столь кровожадный план.

Хозяев легко можно было отличить по их самоуверенному виду, несмотря на переполох и естественный страх, присущее вся кому, чей дом горит. Их было семеро: трое, несомненно шемиты, среди коих двое были людьми уже пожилыми, но крепкими, толстый зингарец лет сорока, двое аргосцев и стигиец, тоже весьма пожилой. Сопровождали заправил десятеро чернокожих воинов.

— Хотя бы одного надо оставить, лучше стариков, они больше цепляются за жизнь! — приказал Конан и ринулся с мечом на противника.

Охрана, выстроившись мгновенно клином, встретила его своими мечами и стеной щитов, но остановить киммерийца таким приемом, тем паче если он был не один, было очень трудно. Конан одним ударом выбил меч у стоявшего первым и ударом ноги в щит просто вмял его внутрь строя. Подоспевшие Полагмар, Сотти и Майлдаф не дали двум стоявшим следом напасть на короля сразу с двух сторон, а Конан, двигаясь словно таран, опрокинул обезоруженного противника, сбив тем самым с ног зингарца, и широкий меч короля засвистал, описывая великолепные дуги, круша мечи и шлемы охранников и тех, кто тщился спорить с ним в игре за Океан.

Сотти, ранив охранника в плечо, так что тот выронил меч и не смог сражаться дальше, очутился лицом к лицу с человеком — аргосцем — ростом не ниже себя, с насмешливыми темными глубоко посаженными глазами, мясистым носом, твердым волевым подбородком, тонкими губами, высоким лбом и наступленными, как бы нависшими бровями.

— Орвини! — узнал он врага.

Орвини вместе с Сотти начинал карьеру при дворе. Они даже слыли друзьями, во всяком случае знакомы были с юношеских лет. Но после первых неудач Орвини оставил двор, занялся торговлей, а потом и вовсе исчез куда-то. Сотти сумел сделать себе карьеру и один, и вот они встретились.

— Сотти! Вот ты где! — хохотнул в ответ Орвини. — С каких пор ты ешь из миски аквилонского варвара? Пойдем за ворота, не то мы здесь сгорим!

Еще несколько дней назад градоначальник Мерано подумал бы над предложением Орвини, но теперь, после пещеры гномов и зеркальной пещеры, после Зеленого острова он знал: никакого сговора быть не может. Древний Враг искусно скрывал свои лики, но теперь маска была сорвана.

— Лучше быть сторожевым псом, чем стигийским змеенышем! — ответил Сотти. — А душить гадов я умею!

Их мечи скрестились. Орвини дрался отчаянно, но Сотти был сильнее. Пускай Конан и приказал оставить кого-то в живых, но как ни был беспринципен Сотти, предателей он не прощал, а пособничество Стигии безусловно должно было считаться предательством. Колючий удар, направленный под левое ребро, Орвини отразить не смог; не защитил и доспех, пропоротый клинком, выкованным на Островах. Древняя сталь оказалась прочнее стигийской чешуи.

Конан в то же время проткнул мечом упавшего охранника и обрушился на других наемников. Они, конечно, не были повинны в грехах своих хозяев, но плату свою отрабатывали старательно, за что и гибли под мечом короля Аквилонии.

Схватка вышла короткой, но яростной. Устрашенная челядь открыла ворота и разбежалась. Во дворе, в жгучем кольце горящих стен, остались только тела убитых, победители и пленники. Полагмар и Сотти крепко держали под руки старого шемита, а Майлдаф сидел верхом на стигийце, заломив ему руки и связывая их поясом лежащего ничком противника, ровно так же, как были нарисованы связанные рабы на стигийских фресках.

А на стене, чуть не в пламени, Хорса бился с Золотым Павлином. Соперник был страшен. Подоспевший на помощь Меццо был ранен молниеносным, словно укус скорпиона, броском узкого клинка, похожего на гирканскую саблю, но более широкого и тяжелого. Схватившись за кисть правой руки, Меццо выронил клинок и вынужден был отступить. Шемит — или кто он был, этот погруженный в себя, отрешенный и свободный от всего земного, в том числе от любви и от совести, человек с бледным узким лицом и холодными черными глазами, — сражался как демон, но Хорса не отступал. Он видел, за что сражается. За спиной у жреца был люк без лестницы. Куда ведет этот люк, Хорсе не надо было объяснять. Но требовалось не только разделаться с врагом, нужно было еще и успеть спасти Этайн, пока не рухнули эти стены из обожженного глиняного кирпича, бесспорно, прекрасно сохраняющие приятную прохладу, но нестойкие к огню, да и угарный чад уже терзал горло.

Однако, как ни пытался Хорса потеснить противника, это ему не удавалось. Наоборот, вскоре ему самому пришлось перейти к обороне и держаться из последних сил, чтобы не отступить и не быть раненным.

Но тут рядом неожиданно появился Тэн И, и положение резко изменилось. В руках у кхитайца оказались два клинка, коими Тэн И владел так, словно давал представление, такие сверкающие прозрачные фигуры возникали в воздухе. Саббатеец понял, что кхитаец — соперник куда более сильный, и впервые на его лице отразилось хоть одно чувство: ненависть. И бой их был страшен.

— Прыгай в люк, — прохрипел Хорсе Тэн И. — Пока не поздно. Я справлюсь с ним.

Хорса, обойдя жреца, спрыгнул в отверстие, повис, цепляясь за края, на руках, и, разжав пальцы, опустился на циновку. Этайн лежала, разметавшись, без сознания. Хорса приложил

ухо к ее груди. Сердце билось, но слабо. Мгновенно оценив ситуацию, гандер схватил стул и водрузил его на столик. Потом поставил на этот стул еще один, и, убедившись, что сооружение не развалится под ним, подхватил графиню на руки и взобрался наверх. Но, даже подняв Этайн на вытянутых руках, он немного, на какой-то локоть, не доставал до края проема. Сверху доносились треск и вой пламени, звон клинов: Павлин никак не желал уступать.

— Меццо! — крикнул гандер. — Помоги! Послышалось шуршание, и в отверстии показалась рука. Другой Меццо действовать не мог.

Крепко схватив Этайн за плечо, Меццо потянул. Хорса, продолжая удерживать графиню, перехватил ее за талию и подал вверх, надеясь, что у аргосца хватит сил вытащить. И Меццо не подвел. Потом он и сам ухватился за протянутую руку, подпрыгнул, подтянувшись, и, схватившись за края люка, выбрался наверх.

Тэн И оттеснил сabbатейца к самым перилам, над которыми уже вставали языки огня. Жрец сопротивлялся, но уже слабо. Он понял, что кхитаец одолевает. Не дожидаясь последнего смертельного удара, альбинос перекинулся через ограждение и рухнул на плиты двора.

Конан и все остальные наблюдали уже за концом этого боя. Евсевий подбежал к упавшему телу, наклонился.

— Мертв! — констатировал аквилонец.

— Пускай горит здесь, — махнул рукой Конан.

В это время вниз сбежали Тэн И, Меццо и Хорса с Этайн на руках. И тут с треском рухнули ворота. Стена пламени взметнулась на их месте. Путь назад был отрезан. Дракон не мог опуститься в горящий двор. Его широкие крылья мгновенно оказались бы опалены.

— Проклятье! — рявкнул Конан. — Есть вода в бассейне?!

— Нет, — откликнулся Евсевий. — Кто-то выпустил всю воду. Наверно, жрец, чтобы не потушили пожар.

— Кром, Имир и Эрлик! Мы не можем сгинуть так глупо!

— И тут кто-то тронул короля за плечо. Конан обернулся. Это был немой чернокожий слуга. Он не мог ничего сказать, но явно звал куда-то.

— Ты знаешь иной выход? — догадался Конан. Раб энергично закивал в ответ.

— Веди! — приказал король.

В ответ великан показал, что следует обернуть голову и закрыть лицо одеждой, иначе можно опалить волосы и задохнуться, а потом бросился к узкой двери. Все остальные последовали за ним.

Дверь вела в узкий коридор, уже полный дыма. У входа раб снова демонстративно глубоко вдохнул, закутался в свой красно-золотой плащ и нырнул в черный проем. Коридор вел, извиваясь, куда-то вниз. Из боковых проходов выбивались языки пламени, разрывая дым. Слуга уверенно вел их вперед. Дышать было почти нечем, люди задыхались. Со всех сторон подступал невыносимый жар, и думалось, тело сейчас вспыхнет как факел. Тяжелее всего было Хорсе, несшему Этайн, поэтому сзади за гандером следовали Майлдаф и Полагмар, чтобы подхватить обоих при надобности. Путь их не мог длиться долго — от силы локтей сорок, — ноказалось, он нескончаем.

Наконец впереди блеснул утренний свет. Парадный вход был с востока, и туда же, навстречу розовому восходящему солнцу, выбирались они, победившие, но едва не павшие жертвой коварства Золотого Павлина.

Слуга, за ним Сотти, Конан, пленники, Тэн И, Конти... И тут снова грянул гром. С потолка прохода посыпались балки, и огненная стена перегородила тоннель.

Принц в отчаянии закрыл лицо руками, но прямо сквозь пламя наружу выскоцил Меццо, а за ним, едва держась на ногах, бледный и смертельно уставший Хорса. Он так и не отдал Этайн Майлдафу, хотя горец и кричал гандеру в самое ухо, предлагая помочь. Майлдаф и Полагмар, уже в горящей одежде, вырвались из огня последними и бросились на траву, катаясь по ней и сбивая пламя.

Тлела и грозила загореться на воздухе одежда на Этайн и на Хорсе, но гандер, словно не чувствуя боли, опустил графиню на землю, а потом содрал с себя горящую рубаху и кольчугу. Все тело его было покрыто кроваво-красными ожогами, повторяющими рисунок мелких колец. Хорса не стонал, только скрипел стиснутыми зубами, а по черным от копоти худым щекам его, промывая две чистые дорожки, сами собой текли слезы.

Не говоря ни слова, а только рыча, подобно медведю, король, выхватив что-то из-за пазухи, принял сбивать пламя с платья Этайн. Это что-то мгновенно начало тлеть, и тело быстро. Спохватившись, Конан бросил на землю какой-то сверток, затоптал его, сорвал с себя плащ из плотной ткани и обернулся им графиню.

Огонь угас мгновенно. По-прежнему прекрасная, пусть и в прожженном, измазанном сажей платье и с перепачканым лицом, Этайн лежала на траве. Она была жива и невредима.

— Сейчас, сейчас, мы здесь! — разнесся над виноградниками, перекрывая рев пламени, надтреснутый скрипучий крик. Все обернулись. К ним, расправив крылья и скользя низко над землей, приближался черный дракон. На шее у него сидел Озимандия, а за гребень цеплялся Касталиус. У обоих в руках было по огромному золотому кувшину, очевидно изъятому у разбежавшихся рабов. В кувшинах плескалась, выливаясь через край, вода.

Евсевий подхватил с земли то, чем Конан сбивал пламя с одежды Этайн.

— Да, — досадливо сказал король, увидев, чем занят Евсевий. — Я забыл футляр на Островах и просто сунул его за пазуху...

В руках ученого был свиток, добытый Конаном из нутра гигантского крагена. Точнее, то, что осталось от свитка. Древний пергамент истлел почти весь. Сохранился лишь последний его обрывок, с рваным обугленным краем. Пропустив несколько ничего не говорящих строк, Евсевий прочел последнюю:

— Единственный список творения сего хранится в храме Афаллан, на острове Семи Городов.

Глава XV

Огромный дракон лежал, отдыхая, в ложбине среди черных скал высокого мыса, закрывающего от свирепых юго-западных ветров обширную акваторию мессантийской гавани. Змей много потрудился за эти дни и теперь чувствовал в своем большом крылатом теле усталость и довольство. Показался белый город, усилиями Мило превращенный из грязной, вонючей дыры в сияющую столицу. У заново укрепленных причалов покачивались сотни кораблей из всех стран Закатного океана. На почетном месте среди них была «Полночная звезда».

— Сегодня мы подпишем последний договор, — говорил Конан, поглядывая с высоких скал. Мессантия о его прибытии еще не подозревала, но от Меццо он уже знал, что Зингара и Аргос с перепугу подписали вторую часть соглашения. Стигиец — купец Кебексенуф — и старый асгалунец — сам Нирах, второй человек в гильдии «Гамилькар» после Седека — признались в своем заговоре, что трудно было не сделать в присутствии столь грозного судилища, представленного Конаном, устрашающим изнеженных роскошью и лестью южан Майлдафом, который казался им куда большим варваром, нежели киммериец, проницательным загадочным Тэн И, величественным Озимандией и хитроумным Евсевием. Более же всего страшал сообщников величавый и непроницаемо черный, говорящий мыслями огромный крылатый змей.

Действительно, ураган, пришедший с полдневного восхода, был колдовским, насланным стигийцами. Именно он отнес «Полночную звезду» к берегам страны пиктов. Именно купцы из «Гамилькара» подкупили, а более просто — сговорили дикарей, разбередив им раны, нанесенные войной с Аквилонией, напасть на корабль, где будет сам Конан. Именно там должен был присоединиться к ним купленный за огромные деньги Табареш. Именно асгалунцы заплатили саббатейцам за похищение Этайн — на случай, если Конан ускользнет и от пиктов, и от пиратов, — и Адгарбал — так назывался поборник культа Золотого Павлина — блестяще выполнил поручение.

Но заговорщики недооценили боеспособность «Полночной звезды» в битве с морем, и Джоакино, лишившись указаний хозяина, подал сигнал раньше времени. Не учли они, что боевой флот Зингары значительно прибавил в мощи, а хайборийское дворянство еще способно владеть мечами и не окончательно погрязло в безделье и пьянстве, благодаря чему абордаж был отбит. Никто и предполагать не мог, что будут вытворять на Океане трое изгнанников и что устроит в пуще отправившийся за водой Конан со спутниками. И уж тем более никто и подумать не мог, что далекие Острова на Закатном океане окажутся не выдумкой и властно вмешаются в ход событий.

Но радость от победы не была полной. Дракон улетал. Являясь на черном крылатом змее прямо в Мессантию было излишне для короля державы, считавшейся оплотом митрианской веры. Вместе с ним улетал Хорса.

Ожоги на теле гандера быстро заживали: то ли действовала мазь, которую тут же добыл из походной котомки Тэн И, то ли сказывалась благодать, которую обрел Хорса, пребывая на Зеленом острове. Все хранили молчание, стараясь не касаться такого решения гандера, даже Бриан Майлдаф. И были печальны, даже Конан. Один только Меццо, казалось, воспрял духом.

Этайн пришла в себя еще в воздухе и весь путь до этого злополучного Черного мыса

была счастлива, как никогда в жизни. Хорса был предупредителен и нежен. Казалось, он переборол себя, он останется здесь. Но так только казалось. Хорса умирал. Умирал для нее и для многих, находящихся здесь. Ибо это не было секретом: Касталиус и Сотти оставались на материке лишь для того, чтобы сдать преемникам свои дела. Они уезжали на Острова, к Бейдиганду Справедливому и Песнопевцу, к Ллейру и к черному дракону, который нашел пристанище там же, к холмам и садам Гленллана и другим островам. А Хорса уходил сейчас.

Хорса не стал лгать. Он рассказал Этайн о той, кого встретил там. Он не стал ей рассказывать об аромате яблок Гленллана и о старом маяке, о часовне на холме и о Песнопевце. Он знал, что это ничего ей не объяснит. Он знал теперь, что не это было причиной. Если бы не роковой взгляд на маленькой площади у храма, он не расстался бы с Этайн сейчас.

Этайн знала, что он сделал для нее все, что мог. Она видела его страшные ожоги, она видела царапины и мелкие раны, оставленные мечом Адгарбала. Она знала, что он не лжет ей. Она не ненавидела его и не прощала. У нее просто не было на это сил. Любовь, осветившая ее жизнь на эти полтора года, билась теперь, словно потерявшееся в просторах неба облако. Вокруг была только головокружительная лазурная пустыня. И облако это летело в никуда и безнадежно таяло...

Дракон улетал, унося в корзине Хорсу. Светлые волосы гандера еще виднелись, и коренастая сильная фигура еще была различима с земли. Он не махал рукой, не кричал ничего на прощание. Просто стоял и провожал быстро уходящий вниз и на восход берег и тех, кого он оставлял там. Некоторых — навсегда.

Этайн, красавая и застывшая, точно дивной работы статуя, тоже стояла на самом краю обрыва, провожая его, уходящего в небеса и на закат. Прощальный поцелуй полынной печатью забвения горел, не остывая, на ее губах.

Для остальных, в том числе и для Майлдафа, стоящего на шаг за ней, чтобы графиня — не попусти Митра! — не сотворила чего-нибудь над собой, она улыбалась жалко и равнодушно смотрела вдаль.

Дракон превратился сначала в большую черную птицу, потом в точку, потом и вовсе пропал вдали.

— Пойдемте, моя госпожа. — Это Тэн И подошел к ней и тихо взял за руку. Она почувствовала, что один только кхитаец ведает, что происходит с ней сейчас.

— Партия за Океан сыграна, — молвил Тэн И. — Осталось войти в комнату, где лежат приготовленные дары. Серьезные игры кончены. Продолжается смешное кхайтское шествие — жизнь. Кто знает, какую маску сорвет перед вами будущее? Пойдемте, госпожа.

Опершись на руку Тэн И, Этайн пошла вниз по узкой тропинке. Океан ритмично шумел, словно утверждая преходящесть всего сущего.

* * *

Договор был подписан тем же днем. Появление Конана со свитой и признавшимися и готовыми еще неоднократно признаться во всех мыслимых и немыслимых злодеяниях и всех смертных и бессмертных грехах зчинщиков заговора стало для всех большой, но, кажется, даже приятной неожиданностью. Мило и Фердруго, проведя в вынужденном общении несколько дней, нашли друг друга весьма достойными и благородными людьми и даже

решили как-нибудь вместе поохотиться и поплавать по морю, благо рассказ монарха из Кордавы о свирепой буре привел Мило в неописуемый восторг: аргосцу тоже воэмечталось побороться со стихией и совершить тем самым какой-нибудь подвиг.

Порешали дружить, помогать друг другу, пресекать поползновения кущитов и ванахеймцев, повнимательнее следить за шемитами, а стигийцев и Барахас и вовсе объявили лютыми врагами и торжественно поклялись прищемить им хвост и сослать всенепременно на галеры. Аквилонии дозволялось строить корабли, содержать их за соответствующую мзду в портах Аргоса и Зингары, нанимать беспрепятственно моряков и торговать всюду, где душе будет угодно, платя при этом льготные пошлины. Все понимали, что до достижения описанного единства пока было очень далеко, но и разорвать договор было трудно — так уж хитро его состряпали — да никто и не собирался этого делать.

Мило чрезвычайно обрадовался возвращению целым и невредимым обожаемого младшего сына, прослезился даже. На радостях пообещал женить Конти на полюбившейся ему деве, о благополучии коей тут же поведал ему Сотти. Градоначальника Мерано король собрался было вернуть к мессантскому двору, но градоначальник был непреклонен в своем намерении сложить дела, чем весьма огорчил Мило. Впрочем, Сотти немедленно порекомендовал на сей важный пост своего приятеля Вьялли, и король всерьез занялся рассмотрением данной кандидатуры.

Погибшим смертью храбрых Арриго, братьям Родригесам и другим членам экипажа «Полночной звезды» зингарцы воздали почести, Норонье было вынесено порицание за небрежение (но с должности его не сняли, учитывая значительность прежних заслуг перед двором), а вернувшемуся вместе с послами Аргоса, ездившими в Тарантию и державшими там совет, Мегисту вручили регалию и отсыпали тысячу пятьсот сорок шесть монет золотом — так посчитало казначейство.

На тысячу монет Мегисту присмотрел себе недурной корабль, товар и нанял экипаж, а на триста монет устроил на борту «Полночной звезды» пышное празднество. Участвовали, кроме Хорсы и безвременно павших, все, кто отплывал на борту нефа из Кордавы.

Преступников, изловленных Конаном и Запатой, заключили в крепость для дальнейшего дознания, а следвию поручили проверить деятельность гильдии «Гамилькар» в портах Аргоса и Зингары.

Что касается короля Аквилонии, то авторитет его на Океане сделался непререкаем, и киммериец стал более популярен в Мессантии, чем даже Мило или принц Конти. Слухи о черном драконе все же каким-то образом распространились по городу, и вскоре на улицах можно было видеть, как перекрашиваются вывески на тавернах и художники малютят там страшного черного змея с крылами, хвост коего закручивается в надпись: «Черный дракон».

Барон Полагмар был весьма горд собой и приглашен чаще бывать в Тарантии и Фрогхамоке.

* * *

Прошло семь дней. Торжества кончились, и государственные заботы призывали к себе. Конан со свитой собирался сегодня покинуть Мессантию и отплыть вверх по Хороту домой. С аквилонцами уезжал и Меццо. Кажется, ему удалось немножко скрасить эти дни для графини Этайн.

Конан, Тэн И, Евсевий, Майлдаф и Гонзalo стояли на корме «Полночной звезды», встречая рассвет.

— Итак, игра доведена до конца, — говорил Тэн И. — Я не берусь утверждать, государь, ибо не являюсь мастером ее, но на моей памяти нет ни такой стратегии, ни многих комбинаций, что были проделаны в эти дни. Ключи от Океана были нашим выигрышем, и мы их добыли.

— Сомневаюсь, — отвечал Гонзalo. Ему было рассказано обо всех невероятных приключениях, и старый морской волк и бывший пират нимало им не удивился. — Океан неподвластен воле человека, сколь бы ни был он силен или сведущ в магии. Море останется при своем, проглотит все материки и острова, кто бы ни населял их прежде, и выплюнет новые, если захочет. Но вы все равно сделали то, чего не достигал никто, как бы ни хвалились прошлым на ваших Островах Бейдиганд Справедливый, Ллейр или Песнопевец. Я бы хотел как-нибудь доплыть туда, да, боюсь, грехов многовато. Может быть, Фрашку сумеет.

— Ты не прав, Гонзalo, — возразил Евсевий. — Мы не собираемся властвовать над Океаном. Мы лишь желаем не причинить ему бед, дабы он не чинил вреда нам. Сотти рассказывал о том, что видел в пещере за зеркалом. Мы, наверно, тоже хотим попасть в такое место и подольше не уходить оттуда.

— И чтобы Океан был на нашей стороне, — добавил Майлдаф.

Все сказано верно, — заметил король Конан. — И ты тоже прав, Гонзalo. Только мне трудно представить себе такое место. Даже на Островах я думал не о садах и белых башнях, а о том, как бы проникнуть в Стеклянную Твердыню этих злых духов и увести у них третий свиток. А еще больше я думал о том, как бы попробовать вина, что делают из растущего на Островах винограда. Тебе, Тэн И, Бейдиганд Справедливый предлагал, но ты не пьешь. Хорсу напоили так, что он... Ну ладно, об этом рассуждать печально, хотя как еще посмотреть. А вот я не успел попробовать. Так или иначе, месьоры, некогда нам будет радостно вспомнить и это...

* * *

Праздник в тарантийском королевском дворце отгремел — играли свадьбу Майлдафа и королевы Народа Холмов.

В музыкальном зале, где вечно было холодно, а потому часто топили камин, остались только слуги, чтобы убрать мусор и помыть пол. Кроме них в зале были еще двое: графиня Этайн и Меццо. Они сидели друг напротив друга на изящных, огирской работы стульях. Рука у аргосца зажила, и теперь они играли дуэт, разные пьесы и мотивы. Получалось очень складно. В Бельверусе Меццо постигал разные дисциплины, но более всего преуспел он в музыке. Почти все аргосцы и без того были от рождения способны к сему сладковзвучному искусству, а Меццо — более многих. В Немедии же под надзором тамошних наставников к его способностям добавилось знание теории, благодаря чему еще развился его талант в импровизации.

После того как черный дракон унес Хорсу, Этайн старались по возможности не оставлять одну. Особенное участие выказывали Майлдаф и Тэн И. Но как-то незаметно к ней приблизился и Меццо. Главным предметом их бесед явились, конечно же, музыкальное и поэтическое искусства. В отличие от Хорсы, который искал всему рациональное объяснение

и предпочитал поэзию скорее умозрительную, нежели чувственную, а музыкальными инструментами не владел вовсе, Меццо тонко ощущал все, что нравилось Этайн и влекло ее, и умел выразить эти мимолетные ее порывы в музыке и слове, а также воплотить ее разрозненные впечатления в ясное суждение.

Она все больше уделяла внимания ему, и он показался ей интересным.

На время, которое они проводили вместе, печаль и тоска об ушедшем утихали, становились незаметны, день за днем все более обращаясь в светлую грусть. Внезапно струна на китаре стала звучать как-то иначе, выбиваясь из общей гармонии: вероятно, что-то произошло с колком.

— Ах, неудача! — засмеялся Меццо. — Моя старая китара уже давно капризничает. Жаль, та, что подарили вам тогда, в Аргосе, сгорела! Придется доиграть в другой раз.

— Нет-нет, — поспешила возразить графиня, легко касаясь самыми кончиками пальцев руки аргосца, собравшегося было отложить инструмент. — Не стоит беспокойства. Сейчас мы исправим дело. У меня есть шпилька...

Этайн попыталась извлечь эту шпильку из своей поднятой прически, но рука ее внезапно дрогнула, и черные шелковые волосы графини рассыпались по плечам, резко контрастируя с белым ее лифом.

— Вот. — Она протянула шпильку молодому человеку.

В ответ Меццо, вместо того чтобы забрать шпильку, взял Этайн за руку.

Рука была нежная, теплая и действительно дрожала, словно в ней была не шпилька, а что-то гораздо более хрупкое и драгоценное.

Меццо пристально посмотрел на Этайн. Она опустила взор.

— Госпожа моя, — молвил он. — Я сознаю всю глубину и безутешность вашей печали, и, должно быть, момент не вовсе подходящий, но ныне, видя вас столь прекрасной, я не...

— Не стоит, — тихо сказала она и смело взглянула ему в лицо.

Он смотрел на нее неотрывно, будто боялся, что не увидит никогда. Впрочем, так оно, верно, и было.

«Почему бы нет? — подумала она. — В конце концов, он ведь нравится мне...»

Две китары стояли, прислоненные к ножкам стульев, так и не окончив дuet, ибо руки Этайн и Меццо соединились.

ЭПИЛОГ

Там, где уже не видны берега страны пиктов, а до противоположного континента остаются еще сотни и сотни лиг, там, куда редко заходят корабли, и только рыбы да морские птицы скрашивают безжизненность пейзажа, волны Закатного океана меняются, словно преодолевают некую грань. Суровые свинцовые валы, образующие монотонную рифленую поверхность, вдруг становятся лазурно-розоватыми, нежно-зелеными, индигово-синими, и солнце, если облака не скрывают его, желтым и золотым прыгает по игривой зыби.

Если же поднимается свежий ветер и грозные черные пропасти возникают промеж серых блестящих стен, увенчанных грязно-белыми лохмотьями пены, за этим покровом все то же, но волны там не мечутся в хаосе, но следуют серебряными рядами, кивая вслед друг другу ослепительно белыми гравиями, в одном направлении, словно некая длань величественного кормчего указала им курс.

Когда же над морем стоит лунная ночь, то берилловые капли брызг взлетают высоко над беспокойной водной равниной, и луна плывет по небу в разноцветных кругах, кои рождает ее отраженный свет, проходя сквозь эту священную пыль. Там, на полночь и закат, лежат посреди океана древние легендарные Острова. Они действительно есть там, но не всякому дано увидеть и одолеть эту грань.

Но как бы то ни было, кто бы ни возомнил себя владыкой мира, какие бы руины ни начали говорить вновь, какие бы новые башни ни взметнулись к облакам, кого бы ни вознесла судьба выше горных пиков, как бы ни бесилось черное зло, и какая бы новая тьма ни опоганила мир, и какая бы истина ни засияла призрачным блуждающим маяком. Океан остается Океаном, и нет ничего более чистого и вечного, чем его волны.

Что же до тайн, они столь же зыбки, сколь и эти волны, и ключи от них так же неверны, как любовь. И нет ничего более сведущего об истинных сокровищах и премудростях седых вод, чем вечный зов моря — простая песня белого рапана...